

ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

№ 2(15), 2021

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации журнал «Право: история и современность»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 106
тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 106
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписной индекс каталога агентства ФГУП «Почта России» П6820

Подписано в печать 02.06.2021. Дата выхода в свет 22.06.2021.
Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 12,43. Уч.-изд. л. 11,36.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 021.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91,
e-mail: vestnik.tgtu@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2021
© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2021

СОВЕТ РЕДАКТОРОВ

Аль Махмед Гани Зтайер Атея	д-р юрид. наук	Колледж имама Кадхима (Ирак), декан <i>e-mail: Ganiatia@inbox.ru</i>
Андрияшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления <i>e-mail: andryiashkomv@mail.ru</i>
Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право» <i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права» <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок» <i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования <i>e-mail: profglushkov@mail.ru</i>
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума <i>e-mail: ludmilagr@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека» <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право» <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» <i>e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru</i>
Комкова Галина Николаевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», декан юридического факультета, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права <i>e-mail: komkova_galina@mail.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Международное право» <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» <i>e-mail: lavrikta@mail.ru</i>

Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой конституционного права <i>e-mail: Lipchan_maria@mail.ru</i>
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса <i>e-mail: n.manova@mail.ru</i>
Милушева Татьяна Владимировна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», заведующий кафедрой гражданского права и процесса <i>e-mail: mtv62@mail.ru</i>
Мунам Замиль Салам	канд. экон. наук профессор	Васитский университет, г. Эль-Кут (Ирак), профессор факультета экономики и управления <i>e-mail: S_samer@mail.ru</i>
Муромцев Дмитрий Юрьевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», проректор по научно-инновационной деятельности <i>e-mail: postmaster@nauka.tstu.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>
Осокин Роман Борисович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», начальник факультета <i>e-mail: osokinr@mail.ru</i>
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминалистики факультета подготовки криминалистов <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Савин Константин Николаевич	д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор	Ассоциация «Жилищно-коммунальное хозяйство-68», президент <i>e-mail: kon-savin@yandex.ru</i>
Саломатин Алексей Юрьевич	д-р юрид. наук, д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология» <i>e-mail: valeriya_zinovev@mail.ru</i>
Сафронова Елена Викторовна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», профессор кафедры «Международное право и государственное управление» <i>e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», и. о. заведующего кафедрой «Конституционное и административное право» <i>e-mail: tikhvaele@rambler.ru</i>
Туманова Анастасия Сергеевна	д-р ист. наук, д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор кафедры «Теория и история права» <i>e-mail: atumanova@hse.ru</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Беляев М. П. Судебное представительство в Великом княжестве Литовском в XVI в.	7
Головашина О. В. Поле битвы – память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве	19
Факурдинова А. Г. Практическая деятельность дисциплинарного товарищеского суда при участковом профсоюзе железнодорожников № 11 станции Москва-Брянская на основе архивных материалов	29
Шепелёв А. Н. Внутриязыковые конфликты юридического языка	35
Шляпников В. А., Марченко А. Н. «А судьи кто?..» или российская судебная система и статистика.....	41

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Быков В. М. О новом законе по борьбе с организованной преступностью: критические заметки	62
Карташов И. И., Карташов И. И. Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: настоящее и перспективы	68
Крамской В. В., Козодаева А. Н. Противодействие распространению кибермошенничества: новые возможности в расследовании и пути совершенствования законодательства	79

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Баев В. Г., Пузырева К. Ю. Рецензия на книгу: <i>София Нагорная, Шамиль Хазиев.</i> «Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России» (отв. ред. А. С. Ковалец; вступ. слово акад. РАН А. А. Гусейнова. М.: ЛУМ, 2020. 172 с.)	88
Орлова Е. Е. Мониторинговые технологии повышения эффективности правотворчества в государствах-участниках СНГ в контексте евразийской перспективы	96
Саломатин А. Ю., Наквакина Е. В. Трудности становления этнических федераций в странах Азии и Африки	107
Упоров А. Г. Институциональный подход к противодействию коррупции в уголовно-исполнительной системе: зарубежный и российский опыт	118

Трибуна молодого ученого

Пирожкова И. Г., Тарабрина Л. В. Неформальные названия учреждений пенитенциарной системы.....	131
Романова И. В., Лаврик Т. М. Применение цифровых технологий в сфере корпоративных отношений.....	137

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Belyaev M. P. Judicial Agency in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th Century	7
Golovashina O. V. Wars of Memory: Memorial Legislation in the Post-Soviet Space	19
Fakurdinova A. G. Practical Activities of the Disciplinary Comrades' Court under District Trade Union of Railways No. 11 at the Moscow-Bryanskaya Station through the Archival Materials	29
Shepelyov A. N. Intralingual Conflicts of the Legal Language	35
Shlyapnikov V. A., Marchenko A. N. "Who are the Judges?" or the Russian Judicial System and Statistics	41

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Bykov V. M. On the New Law on Organized Crime: Critical Notes	62
Kartashov I. I., Kartashov I. I. Artificial Intelligence as a Subject of Criminal Responsibility: the Present and Prospects	68
Kramskoy V. V., Kozodaeva A. N. Countering the Spread of Cyber Fraud: New Opportunities in the Investigation and Ways to Improve the Legislation	79

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

Baev V. G., Puzyreva K. Yu. Review of the Book: <i>Sophia Nagornaya, Shamil Khaziev</i> . "Defense Attorney's Duty and Psychologist's Ethic: Mental (Psychological) Torture in the Russian Legal System" (edited by A. S. Kovalets; Foreword by RAS Academician A. A. Gusenkov. Moscow: LUM, 2020. 172 p.)	88
Orlova E. E. Monitoring Technologies to Improve Efficiency of Lawmaking in the CIS Member States from the Eurasian Perspective	96
Salomatin A. Yu., Nakvakina E. V. Difficulties of Establishment of Ethnic Federations in Asia and Africa	107
Uporov A. G. Institutional Approach to Combating Corruption in the Penal System: Foreign and Russian Experience	118

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

Pirozhkova I. G., Tarabrina L. V. Informal Names of Penitentiary Institutions	131
Romanova I. V., Lavrik T. M. Application of Digital Technologies in the Sphere of Corporate Relations	137

Показано развитие судебного представительства в Великом княжестве Литовском в XVI в. Впервые организационное оформление и законодательное закрепление судебного представительства произошло в городах с Магдебургским правом. Появление профессиональных судебных представителей было связано, прежде всего, с принятием Статута 1529 г., в котором содержались правовые нормы, позволяющие замещать стороны в суде. Закреплялся статус профессиональных представителей – адвокатов, которые назывались прокураторами. Статут 1566 г. фактически обобщил 30-летнюю адвокатскую практику и довольно четко регламентировал ведение дела в суде как лично, так и через прокуратора. Установлены основания, когда адвокат предоставлялся бесплатно по назначению суда. В Статуте 1588 г. подробно регламентировалась процедура наделения судебного представителя полномочиями. Сделан вывод, что институт представительства прочно укоренился в судебном процессе, получил свое письменное закрепление в статутах и в итоге привел к образованию института адвокатуры.

Ключевые слова: институт адвокатуры; Магдебургское право; прокуратор; профессиональный представитель; Статут.

Михаил Петрович Беляев, канд. ист. наук, доцент,
кафедра правоведения, АНОО ВО Центросоюза РФ
«Российский университет кооперации»,
Мытищи, Московская обл., Россия;
babek-han@mail.ru

СУДЕБНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI в.

Введение. Судебное представительство появилось еще в древности, когда сильный оказывал помощь слабому – сначала ради собственного удовольствия или интереса, а уже потом за деньги для всех желающих [1, с. 102]. Первоначально суды не были профессиональными и постоянными органами и созывались по мере необходимости. Судебный процесс был публичным мероприятием, поэтому личное участие стороны в заседании было одной из важнейших гражданских обязанностей. Поскольку в древнерусской семье мужчина имел наибольшую юридическую власть и авторитет, он чаще всего представлял свою семью или отдельных ее членов в суде. Это касалось в основном несовершеннолетних, женщин и лиц, страдающих различными заболеваниями, например, психическими, которые не позволяли им самостоятельно отстаивать свои права. Это естественное представительство, деятельность которого регулировалось местными обычаями [4, с. 343–344].

В начале представительство не требовало специального юридического образования. Однако с развитием общественных отношений усложнялись правовые нормы. Их знание и применение становилось затруднительным для большинства населения. Чтобы защитить свои права в суде, недостаточно было ознакомиться с фактическими обстоятельствами дела, необходимо было понять юридическую значимость этих фактов, иметь возможность сообщить о них суду в устной или письменной форме, раскрыть правовую сторону дела, а также знать различные формы судебного разбирательства. В связи с этим многие люди нуждались в поддержке и помощи человека, который бы знал технику правосудия, не раз появлялся в суде, хорошо разбирался в правоприменительной практике и юридической науке. В древние времена, когда уголовный процесс еще не отделился от гражданского, участие представителей допускалось в обеих категориях дел. После разделения судопроизводства на гражданское и уголовное, роль судебных представителей изменилась. Уголовный процесс теперь включал в себя стадии следственного розыска и состязательного суда. К участию в розыском процессе судебные представители не допускались [1, с. 101–103; 4, с. 345].

Возникновение судебного представительства в Великом княжестве Литовском. В соответствии с традицией, сложившейся в Великом княжестве Литовском (ВКЛ), как истец, так и ответчик должны были лично участвовать в судебном процессе. С XV в. существовало правило, что ответчик несет ответственность за отсутствие в суде без уважительных причин. В этом случае, согласно Судебнику Казимира IV, сторона считалась проигравшей. Однако в дальнейшем законодатель предусмотрел случаи, когда стороны имели право назначать вместо себя своих представителей. Это нашло отражение во всех трех Статутах ВКЛ. В соответствии с арт. 23 раздела IV «О судах» Статута 1588 г. «кто бы по болезни или через службу нашу земскую за позовом к суду стать не мог, а также те, кто был бы позванный на суд, а случилась бы ему болезнь или служба наша, или земская, или эпидемия моровая, по коим причинам на суд появиться не мог, тогда за такую неявку платить штраф не должен, и дело проигранным не может считаться». Тем самым, были четко перечислены причины неявки в суд, которые считаются уважительными. Лицо, участвующее в деле, не имевшее возможности явиться на заседание, должно было заранее уведомить суд. В связи с болезнью ответчика дело могло быть отложено дважды. На третий раз он должен был прийти сам или направить представителя. Согласно арт. 55 «О заступничестве в суде одного за другого», представитель должен отстаивать интересы своего доверителя, он имеет право давать объяснения и представлять доказательства. Представителем мог быть профессиональный адвокат – прокуратор [6, с. 169–170].

Впервые организационное оформление и законодательное закрепление судебного представительства произошло в ВКЛ в городах с магдебургским правом. Судебный процесс в таких городах был устным, гласным и состязательным. Устность и состязательность открывали широкий доступ к нему прокураторов. По магдебургскому праву они должны были отвечать определенным требованиям. Запрещено было заниматься прокураторской деятельностью умственно отсталым, несовершеннолетним

(до 21 года), священникам, еретикам, евреям, людям, которые отбывали наказание. Сурово наказывался прокуратор в том случае, когда он пренебрегал своими обязанностями или обманывал своего доверителя. За переход к защите противной стороны после начала судебного рассмотрения прокуратору отрезали язык. За проигранное из-за нерадивости дело он был обязан возместить понесенные убытки, а если отказывался – его бросали в тюрьму. Если же прокуратор не мог по уважительным причинам прибыть на суд, он должен был уведомить об этом всех участников процесса: своего клиента, судей и противоположную сторону. В противном случае он должен был компенсировать все убытки, нанесенные сторонам, и подлежал наказанию розгами у городского столба, после чего его изгоняли из города [1, с. 103].

В городах с магдебургским правом услуги прокураторов (пленипотариев, как их еще называли) оплачивались по определенной таксе: клиент платил им 4 деньга в день. Судебное представительство в городах с магдебургским правом было организовано по четко определенной системе. Юристы того времени считали его необходимым институтом правосудия. Судебное представительство заложило основы адвокатуры, которая как профессия изначально формировалась в городах с магдебургским правом [1, с. 103–104].

В земских судах также существовало судебное представительство. Замена обычного права писаным сделала невозможным для неопытных людей ведение дел в судах. Нужны были услуги тех, кто хорошо разбирался в законах. В начале XVI в. представителями потерпевших в суде преимущественно выступали писари, которые имели практический правовой опыт. Также доверенными лицами могли быть бояре, купцы, родственники, приятели и другие. Практика ведения чужих дел в суде была достаточно распространенной, но адвокатура еще не становится профессиональной, хотя и попадались случаи представительства в суде за вознаграждение. Ведение дела могло поручаться доверенному лицу – речнику или прокуратору [1, с. 104].

Появление профессиональных судебных представителей связано с принятием Статута ВКЛ 1529 г. В арт. 8 и 9 разд. VI содержатся правовые нормы, позволяющие замещать в суде стороны (как правило, одну из них). Арт. 8 устанавливает ответственность такого заместителя перед судом, – если судебное дело ведет другое лицо, то и решение будет касаться его, «а привлеченный по делу ответчик будет освобожден от явки... в суд». Но все же, ответчик хотя бы один раз должен был появиться в суде, поскольку его заместитель «...не должен выступать в суде до тех пор, пока его доверитель не появится лично и не поручит ему дело в суде». Исключением могла быть только болезнь доверителя. В этом случае он «...должен был дать ему [заместителю] поручение со своей печатью». Согласно Статуту 1529 г. выступление в суде на основании фальсифицированного поручения влекло за собой недействительность судебного решения. Если же в судебном заседании выяснялось, что ответчик не поручал вести дело в суде заместителю, а тот «это сделал умышленно и проиграл чужое дело ...тогда снова должно состояться судебное разбирательство». Если на таком судебном заседании факт фальсификации поручения

был доказан, то виновного «должны наказать как поддельвателя ничем иным, как сожжением на костре» (арт. 8 разд. VI) [1, с. 104].

Продолжением арт. 8 является арт. 9, который исключает из числа доверенных лиц иностранцев: «...никакой чужестранец не может быть прокуратором ни перед нами, государем, ни в земском суде, но только тот, кто имеет недвижимое в Великом княжестве Литовском». Наличие недвижимого имущества было гарантией для доверителя. В случае проигрыша дела можно было взыскать его с представителя. В арт. 8 термин «прокуратор» не упоминается. Возникает вопрос, есть ли разница между доверенными лицами, о которых говорит арт. 8, и прокураторами по арт. 9 Статута 1529 г. В законодательстве средневековой Европы термин «прокуратор» был достаточно распространенным. Под ним понималось именно доверенное лицо, которому поручалось ведение дела одной из сторон в судебном процессе. В таком значении этот термин употребляется и в Статуте 1529 г. Как судебная практика, так и содержание арт. 8 и арт. 9 показывают, что услугами заместителей пользовались родственники, больные и немощные люди, а услугами прокураторов – зажиточные шляхтичи. В рассматриваемый период не было четкого профессионального разделения между представителями (дьяками, писарями, служебниками) и правозащитниками (прокураторами). Первая категория лиц несла службу (церковную, государственную и т.д.), и представительство являлось для них дополнительным занятием. Для прокураторов же правозаступничество было главным ремеслом. Профессиональное (наемное) представительство – первый исторический компонент адвокатуры. Ее критериями являются оплата услуг и предоставление интересов различных лиц, а не только родственников. На смену естественным представителям постепенно пришли наемные [1, с. 104–105; 4, с. 345 – 347].

Следует отметить, что в XVI в. термин «адвокат» имел совсем другое значение. В городах с магдебургским правом «адвокат» дословно переводился как «войт», наместник. Именно в этом значении он и использовался в ВКЛ и в других странах Европы. Из изучения литературных источников и документального материала следует, что в XVI – конце XVIII вв. в судах ВКЛ по отношению к адвокату в современном смысле слова применялись следующие термины: прокуратор, уполномоченный, патрон, а также пленипотентат [1, с. 105; 4, с. 348].

Практика судебного представительства в ВКЛ. В середине 60-х гг. XVI в. в ВКЛ по польскому образцу проводилась судебная реформа. Ею предусматривалось создание отдельных специализированных судов поветового уровня – градского, земского и подкоморного. Правовая основа деятельности таких судов была заложена в ряде положений Статута 1529 г. и усовершенствована Статутом 1566 г. Постепенно формируется сообщество профессиональных адвокатов в современном смысле слова, терминологически обозначенный в документах как «умоцовани», «приятели», «прокураторы». Параллельно в судах и при осуществлении некоторых других правовых процедур интересы клиентов представляли осведомленные в праве шляхтичи, которые не имели статуса адвоката. Их деятельность фиксировалась в документах Литовской метрики – книг канцелярии Великого князя. К ним относились и те дела, которые по решению

поветового суда передавались на рассмотрение великокняжеского суда. В этот период шляхта продолжала фиксировать частнопроводные действия именно в книгах великокняжеской канцелярии. В них содержатся и данные о представителях в судебном процессе. Так, в начале судебной реформы в одну из книг Литовской метрики была внесена запись (от 18 августа 1566 г.) о переносе дела в комиссию волыньских шляхтичей по спору между князем Я. Андроновичем и берестейским и луцким епископом о границах между их владениями. Далее, Великий князь ввиду невозможности лично рассмотреть это дело распорядился уполномочить комиссаров решить этот земельный спор. Уполномоченные комиссары в этом случае выступали стороной защиты интересов семьи Белостоцких [2, с. 69–70].

Последующее развитие институт судебного представительства получил в Статутах ВКЛ 1566 и 1588 гг., где ему посвящено значительно больше артикулов: во Втором Статуте – арт. 31–37 разд. IV, в Третьем Статуте – арт. 55–61 разд. VI. Статут 1566 г., который фактически обобщил 30-летнюю адвокатскую практику, довольно четко регламентировал ведение дела в суде как лично, так и через прокуратора. Несмотря на то что от сторон по-прежнему требовали личного присутствия, не довольствуясь наличием представителя, суды рассматривали этот вопрос по-разному в каждом случае. Тем не менее закон еще не требовал, чтобы обвиняемый мог «отвечать через прокуратора» в отношении серьезных преступлений. Продолжался процесс законодательного оформления профессиональной адвокатуры. В Статуте 1566 г. четко разграничивались заместитель как уполномоченный ответчика и прокуратор как адвокат. Статут устанавливал, что сторона и представитель стороны равны в правах. Тем лицам, которые недостаточно осведомлены в вопросах права, предоставлялась возможность поручить ведение своего дела прокуратору. Согласно арт. 57 суд должен дать прокуратора тем, кто «...не будучи в состоянии сам вести дело свое в суде и не умея молвить, прокуратора требовал; тогда суд должен ему из вряда прокуратора дать и приказать прокуратору от его имени молвить и дело его вести» (арт. 33). Статут называл и другие случаи, в которых суд должен был предоставить стороне прокуратора. Кроме того, прокуратор предоставлялся тем, кто не имел возможности его нанять. К таким относились сироты, вдовы, которые остались без наследства, все те, кто «...убожеством своим прокуратора иметь и сами дела свои за несостоятельностью своей в суде вести не могли» (арт. 33). Предоставляя этим категориям лиц представителя, суд обязывал его «даром молвить». Прокуратор не имел права отказаться от защиты такого лица под угрозой запрета заниматься адвокатской деятельностью. Это свидетельствовало о зарождении института адвокатуры, пока как самостоятельной профессии [1, с. 105–106; 5, с. 94; 7, с. 143–144].

Помимо прокураторов продолжали действовать и другие судебные представители. Так, Великий князь Сигизмунд II Август с помощью комиссарского суда 7 августа 1568 г. пытался уладить дело о разграничении владений имения Ощов, полученного в собственность виленским воеводой, со Слонимского пуцей, принадлежавшей к хозяйству Слонимского замка. Виленский воевода уполномочил представлять свои интересы

оцовского урядника. По просьбе виленского воеводы Великий князь подтвердил время рассмотрения и полномочия урядника в качестве представителя воеводы [2, с. 70–71].

В судебной документации шляхтичи, выполнявшие наряду с прокураторами представительские функции именовались «умоцованными». В отличие от «заместителя» (арт. 31 разд. IV Второго Статута), который брал на себя всю ответственность за результат процесса в определенных законом случаях, «умоцованным» же только представлял интересы стороны в суде. Для представления в суде интересов конкретных лиц уполномоченный должен был получить письменное поручение («письмо умоцований»), по которому, собственно, он и становился на период рассмотрения дела представителем. Арт. 32 разд. IV Второго Статута регулировал процедуру оформления полномочий. Они должны предоставляться непосредственно перед земским или гродским судом. Знатная шляхта могла уполномочивать адвоката письменно, заверив документ печатью и личной подписью. В случае неграмотности доверителя обязательным было оформление полномочий через суд. «Письмо умоцований» обязательно содержало обязательства доверителя о выполнении им судебного решения независимо от результата. Иногда в таком письме отмечалось право адвоката выбирать форму улаживания дела – через суд или прибегая к внесудебному разрешению спора. Полномочия могли предоставляться адвокату на ведение одного или нескольких конкретных дел, а также могли носить общий характер [2, с. 71–72; 10, с. 112–113].

7 августа 1568 г. в канцелярских книгах был записан рассказ хозяйственного писаря и одновременно васковского, корасницкого и индурского властителя Лаврина Войны, который выдал доверенность представлять его интересы в Вилькомирском суде князю Павлу Соколинскому Друцкому и его жене княгине Анне Любечской. «Умоцованы» должны были защищать интересы Лаврина Войны в суде по делу о наезде на находящееся в залоге имение Коварск, совершенное Григорием Остиком со своими слугами. Соответственно в «листе умоцованом» была описана и сама жалоба истца. Лаврин Война выбрал для этого дела своими представителями именно Соколинских, владельцев имения, которые отдали его в залог истцу. В случае нарушений оно переходило доверителю [2, с. 72–73].

В 70-е гг. XVI в. шляхтичи и лица из других общественных слоев продолжали участвовать в делах в качестве непрофессиональных представителей (умоцованными). Но все больше появлялось профессиональных адвокатов, которые своей работой зарабатывали себе на жизнь и имели перспективы карьерного роста в местных властных структурах. Такие адвокаты постоянно выступали в судах от имени своих патронов. Об их глубоком знании законодательства и профессионализме свидетельствует спор Николая Кишки Техановского с Николаем Конча о несправедливом получении привилегий в вилькомирском повете и о его правах, незанесенных в канцелярские книги 29 июля 1570 г. Интересы подляшского воеводы и дорогичьского старосты Н. Кишки Техановского представлял его умоцованный Мартин Менжинский, а Николая Кончи – умоцованный Романовский. Причем оба они были профессиональными адвокатами. Об этом свидетельствует содержание их речей, записанных писарем великокняжеской

канцелярии и внесенных в одну из канцелярских книг. Речи обоих адвокатов насыщены цитатами из законов, в том числе из Второго Статута [2, с. 73 – 75].

Умоцованными ссылались и на письменные доказательства. М. Менжинский представил великокняжескому суду выписку из земских судебных книг. В ответ его процессуальный противник Романовский потребовал предоставить оригинал документа, который свидетельствовал бы о правдивости избрания писарем конкретного шляхтича. Адвокаты активно работали и с показаниями свидетелей. Так, М. Менжинский просил приобщить к делу показания двух шляхтичей, на что резко возражал Романовский. Великокняжеский суд отказал в участии в этом деле другого представителя – Николая Павловича по причине его некомпетентности. Данное судебное дело ярко свидетельствует о том, что знания закона и профессионализм умоцованных очень важны [2, с. 76].

Документация Литовской метрики является ценным источником исследования института судебного представительства. Законодательно закрепленный во Втором Статуте он получает широкое применение, начиная с середины 60-х гг. XVI в. Однако функции представителя в суде продолжают выполнять лица, которые не приобрели статуса прокуратора. Они уполномочены участвовать разово в конкретном деле [2, с. 76].

Совершенствование института судебного представительства. IV раздел Статута ВКЛ 1588 г. «О судах и судьях» содержал основные требования судебной процедуры, которая во многом продолжала опираться на нормы обычного права. Арт. 54 разд. VI Статута 1588 г. разрешает представительство как в гражданских, так и в уголовных делах. Следует отметить, что эта норма нарушает принцип личной ответственности, который провозглашается арт. 18 разд. II этого же Статута: «...каждый сам за свое преступление должен терпеть и наказанным быть». Арт. 34 разд. IV Статута 1566 г. и арт. 58 разд. IV Статута 1588 г. были посвящены требованиям, которыми отвечал прокуратор. Он должен обладать необходимыми профессиональными и человеческими качествами. Статутные нормы определяют основы адвокатской этики, ответственность прокураторов за ведение дела. Как и арт. 34, арт. 58 Третьего Статута запретил работникам судов заниматься адвокатской деятельностью в своих судебных округах, уточнив, что в других судах они могут выступать как прокураторы. Адвокатами не могли быть «...судья, подсудок и писарь земский, также и вряд гродский, и [только] в тех уездах и при тех судах, где они есть врядныками, однако в своих собственных делах и в тех уездах могут [в суде] выступать и правосудие себе искать, а в поветах и в судах других, где не являются врядныками, те лица, вышеуказанные, где бы кому потребность случилась, и от кого другого из приятелей своих отвечать могут, но они прокураторами быть не могут. Не могут также быть прокураторами лица духовные, лишь только в своем собственном деле каждому из них разрешено будет в суде отвечать». То есть закон предусматривал, что ограничениями затронуты только те территории, где указанные лица исполняли свои обязанности (арт. 58 разд. IV). Таким способом в ВКЛ боролись с коррупцией в судах. Устанавливались требования и к моральным качествам адвоката. Из документов судебной практики того времени видно, что прокуратора-

ми не могли быть люди неосмотрительного поведения, лица, которые были пойманы на месте преступления, или записанные в книгах «Злодейских поволаний», или платили раньше когда-либо за «злодейство», или откупались от казни. Они должны быть «не воры, не плуты, не ябетники, ни корыстовники» [1, с. 106; 5, с. 94; 6, с. 169 – 171].

Особое значение придавалось оформлению полномочий представителя. Судебная практика показывает, что до принятия Второго Статута имена прокураторов даже не регистрировались в журналах судебных заседаний, а их полномочия не всегда проверялись судом. Статут 1566 г. уже устанавливает требования к документам, в которых содержатся полномочия. Имена прокураторов начинают записываться в судебные сборники. Необходимость в этом была обусловлена судебной практикой и была направлена на предотвращение фальсификации документов для представления интересов, ответственность за которую была установлена в 1529 г. в виде смертной казни. В соответствии с арт. 36 разд. IV Статута 1566 г. подделка поручительных писем также наказывалась смертной казнью: «...если бы кто-нибудь, предпочитая кому-то вред нанести, и прокуратор это совершил и письма от него с печатью его произвел [подработал], а того бы ему сторона не поручала, и через то что-то потеряла... тот прокуратор, кто бы то совершил, никак иначе, только смертью должен быть наказуем» [1, с. 107; 3, с. 89].

Учитывая важность роли представителя в процессе, начиная со Статута 1529 г., его полномочия утверждались на судебном заседании при обязательном присутствии на нем ответчика, который устно должен был подтвердить при свидетелях, что передает ведение своего дела прокуратору. Полномочия прокуратора могли утверждать также «в канцелярии нашей, государя, или перед врядом земским и гродским, и с того вряда выписка из книг должна взята быть и ее потом прокуратору своему дать, и за таким врядовым свидетельством могут быть прокураторами и неоседлые люди» (арт. 56 разд. IV Статута 1588 г.). В случае же болезни ответчика и его невозможности лично засвидетельствовать в суде полномочия прокуратора последний получал поручительное письмо. Его предоставляли как государственные органы (например, Паны-Рада), так и физические лица. Оформление поручительного письма должно было отвечать определенным требованиям. Они выдавались «с печатью и с подписью руки своей собственной» [1, с. 106–107; 6, с. 170, 172].

На судебном заседании прокуратор объявлял, что ему поручено вести чье-то дело, и предъявлял поручительное письмо, которое давало право на выступление в суде. Например, «от господина подкоморого стал господин Юрий Сирутевич и напервей показал лист его под печатью его, в котором пишет господин подкоморый, давая ему моц зуполную статью за себя в праве и отказывати»; «А сам владыка Иосифь перед нами очевисте не стоял, а речь свою поручил от себя молвить писарю нашему Ивашке Сопезе». Несоблюдение формы лишало поручительное письмо юридической силы. В книге Кременецкого земского суда от 13 января 1571 г. имеется запись об освобождении от явки в суд князя Константина Вишневецкого в деле с панами Челганскими ввиду неправильного оформления полномочий у представителя госпожи Челганской [1, с. 107].

Кто не умел писать – в том же письме или в выписке с названием дела ставилась печать и свидетельствовались подписи двух других шляхтичей. В законе уточняется, что «незаселенные» люди (то есть те, кто не владеет недвижимостью) также могут быть представителями при неявке стороны. Однако в этих случаях адвокат обязательно должен был быть шляхтичем. Эти представители наделялись всеми полномочиями, включая выдвиженные претензии, опровержения и т. д. (арт. 56 раздела IV Статута 1588 г.) Законом также было предусмотрено, что те, кто не мог лично «говорить» в суде (не мог выступать и вести собственное дело), по их просьбе могли участвовать даже представители, не имевшие недвижимости в ВКЛ. Если дело касалось смертной казни или имелось обязательство не выходить из процесса, обвиняемый не мог покинуть зал суда до конца дела. Закон требовал, чтобы вдовам, ораторам и «бедным и неадекватным» людям адвокат предоставлялся бесплатно (арт. 57 раздела IV). Статут 1588 г. устанавливал круг действий, которые прокуратор не мог совершить по делу без согласия своего доверителя: делать какие-либо новые записи, давать признательные показания в суде или брать деньги у кого-либо (или платить) за записи, сделанные доверителем (арт. 61 раздела IV). Закон детально регламентировал уважительные причины отсутствия адвоката в суде, что не могло бы повредить ему и делу в целом. Прежде всего, это смерть, а также тяжелое заболевание, однако последнее – с определенными оговорками. Если адвокат не явился в суд из-за «обложной» болезни, он должен был немедленно сообщить судье, а затем на следующем судебном заседании дать клятву, что он действительно «из-за болезни в первое время не мог встать» (арт. 60). В случае смерти представителя сторона должна была своевременно позаботиться о его замене, чтобы не срывать работу суда. Неявка на судебное заседание без уважительной причины влекла за собой наказание [5, с. 94–95; 6, с. 171].

Статут 1588 г. обязывал адвоката добросовестно вести дело в рамках закона и в интересах доверителя, а также предусматривал ответственность в случае недобросовестного исполнения обязанностей. Нарушение прокуратором своих обязанностей (неправильное ведение дела, измена интересам стороны, которая нанимала его и т. п.) сурово каралось: «...такий, если есть шляхтич, честь теряет, а не шляхтич – жизнь теряет» (арт. 35 разд. IV Статута 1566 г.). Статут 1588 г. усилил наказание для прокураторов-шляхтичей – они также карались смертью (арт. 59 разд. VI). Разглашение адвокатской тайны каралось смертью, а адвокатская небрежность – 4 неделями лишения свободы [1, с. 107; 5, с. 95; 6, 171].

Лицо, участвующее в деле, на любой стадии процесса могло отказаться от услуг своего представителя или заменить его другим: «А кто бы тоже, стоя перед судом, хотел устранить прокуратора и сам дело свое вести, или другому прокуратору дело свою поручить; то ему свободно будет» (арт. 36 разд. IV Статута 1566 г.). Если адвокат, назначенный судом работать бесплатно, отказывался от защиты или затягивал дело, то он лишался должности. При этом никто не мог принудить истца или ответчика приглашать по делу адвоката, о чем говорилось в постановлениях Сейма 1543 г. и Статуте 1588 г. В результате злоупотреблений прокураторов своими полномочиями, Сейм в 1547 г. просил Великого князя упразднить

этот институт в судах ВКЛ и заменить их на «приятелей». Этим шляхта демонстрировала свое неприятие открыто декларируемых отношений интереса и расчета между адвокатами и клиентами. На эту просьбу государь ответил, что привлечение прокуратора к судебному разбирательству – дело частное и добровольное, и если никто не будет нанимать прокураторов, то этот институт исчезнет сам собой [1, с. 107; 9, с. 185–186; 10, с. 111].

Однако число адвокатов в XVI в. наоборот росло. Изменились требования к их сословной принадлежности. Теперь они могли быть только шляхтичами, знавшими местное право и допущенными судом к адвокатской деятельности. Повысились требования к их профессиональной подготовке. Многие юристы из ВКЛ учились в западноевропейских университетах. Первым образовательным учреждением в сфере юриспруденции в ВКЛ стала Святоянская школа гражданского права (1566 – 1579). Также юридическую подготовку давали кальвинистские, арианские, а также частные школы (*palaestra*). Для приобретения практических навыков существовали претенденты – стажеры при адвокатах. После определенного периода стажировки эти лица подавали петицию в местный суд для получения права на занятие адвокатской деятельностью [9, с. 173].

Заключение. Несмотря на определенные недостатки, институт представительства прочно укоренился в судебном процессе, получил свое письменное закрепление в Статутах ВКЛ и стал серьезным фактором демократизации судебной системы ВКЛ в XIV – XVI вв., который в итоге привел к образованию института адвокатуры [1, с. 107; 6, с. 171–172].

Список литературы

1. **Аракелян М. Р.** Развитие института судебного представительства в Великом княжестве Литовском // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. 2009. Т. VIII. С. 101 – 109.
2. **Блануца А. В.** Институт адвокатуры у 60–70-х роках XVI ст. у Великому Князівстві Литовському // Міждисциплінарні гуманітарні студії. Серія: правничі науки. 2015. Вип. 2. С. 69 – 83.
3. **Гур'ева А. А.** Развіцце адвакатуры на тэрыторыі Беларусі ў перыяд падрыхтоўкі і ўвядзення ў дзеянне статутаў ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. // Веснік БДУ: Серія 3. 2012. № 2. С. 87 – 90.
4. **Гур'ева А. А.** Узнікненне адвакатуры у Беларусі і станаўленне яе тэрміналагічнага вызначэння // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне. Матэрыялы міжнароднага навукова-практычнага круглага стала, прысвечанага юбілею гісторыка права, д-ра юрыд. навук, прафесара Т.І. Доўнар. Мінск: БДУ, 2019. С. 343 – 352.
5. **Зараджэнне** інстытута прафесійнай адвакатуры ў Вялікім княстве Літоўскім // Веснік БДУ: Серія 3. 2003. № 1. С. 90 – 95.
6. **Ефремова Н. В.** Судебное представительство по Статуту 1588 г. // Проблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо. Мінск, 18–19 сакавіка 2011 г. Мінск: БДУ, 2011. С. 169 – 172.
7. **Заборовский В. В.** Становление и развитие института украинской адвокатуры во времена Киевской Руси и в период польско-литовского правления // Teisė. 2016. Т. 100. С. 140 – 145.
8. **Пенязь А. А.** Прадстаўнікі духавенства і шляхты як прафесійныя абаронцы ў Вялікім Княстве Літоўскім // Праблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай

90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо. Мінск, 18–19 сакавіка 2011 г. Мінск: БДУ, 2011. С. 172 – 174.

9. **Пенязь Е. А.** Конституционные основы института адвокатуры по Статутам Великого Княжества Литовского XVI в. // *Право Беларуси: история и современность: сб. материалов Междунар. науч.-теорет. конф. студентов, магистрантов и аспирантов «Развитие институтов гражданского права в законодательстве Беларуси от Статуса ВКЛ 1529 г. до Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г.»* (Минск, 24 ноября 2009 г.). Минск: БГЭУ, 2010. С. 184 – 186.

10. **Старченко Н.** Умоцвані – прокураторы – приятелі. Хто вони? (становлення інстытуту адвокатуры на Волині в кінці XVI ст.) // *СОЦІУМ. Альманах сацыяльнай історыі*. 2002. Вип. 1. С. 111 – 144.

References

1. **Arakeljan M.R.** [Development of the institution of judicial agency in the Grand Duchy of Lithuania], *Nauchnyye trudy Odesskoy natsional'noy yuridicheskoy akademii* [Scientific works of Odessa National Law Academy], 2009, v. VIII, pp. 101-109. (In Belarus.)

2. **Blanuca A.V.** [Institute of Advocacy in the 60-70s of the XVI century in the Grand Duchy of Lithuania], *Mezhdistsiplinarnyye gumanitarnyye studii. Seriya: yuridicheskiye nauki* [Interdisciplinary Humanities Studies. Series: legal sciences], 2015, no. 2, pp. 69-83. (In Belarus.)

3. **Gur'yeva A.A.** [Development of the Bar on the Territory of Belarus during the Preparation and Implementation of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania in 1529, 1566, 1588], *Vestnik BGU: Seriya 3* [Bulletin of BSU: Series 3], 2012, no. 2, pp. 87-90. (In Belarus.)

4. **Gur'eva A.A.** [The emergence of the Advocacy in Belarus and the formation of its terminological definition], *Statut Vjalikaga Knjastva Litojskaga 1529 goda i jago gistoryka-tjearjetychnae asjensavanne. Matjeryjaly mizhnarodnaga navukova-praktychnaga kruglaga stala, prysvechanaga jubileju gistoryka prava, d-ra juryd. navuk, prafesara T.I. Downar* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 and its historical and theoretical interpretation. Proceedings of the international scientific-practical round table dedicated to the anniversary of the historian of law, Dr. Jurid. Sciences, Professor T.I. Downer], Minsk: BDU, 2019, pp. 343-352. (In Belarus.)

5. **Downar Ju.P.** [The birth of the institute of professional advocacy in the Grand Duchy of Lithuania], *Vesnik BDU: Serija 3* [Bulletin of the Belarusian State University. Series 3], 2003, no. 1, pp. 90-95. (In Belarus.)

6. **Efremova N.V.** [Legal agency under the 1588 Statute], *Problemy istorii gosudarstva i prava Belarusi: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Yukho* [Problems of the history of the state and law of Belarus: materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of I.A. Yuho], Minsk, 18-19 marta 2011. Minsk: BGU, 2011, pp. 169-172. (In Belarus.)

7. **Zaborovskiy V.V.** [Formation and development of the institution of the Ukrainian legal profession during the times of Kievan Rus and during the Polish-Lithuanian rule], *Teisė*, 2016, v. 100, pp. 140-145. (In Rus)

8. **Penjaz' A.A.** [Agent of the clergy and nobility as professional defenders in the Grand Duchy of Lithuania], *Problemy istorii gosudarstva i prava Belarusi: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Yukho* [Problems of the history of the state and law of Belarus: materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of I.A. Yuho (Minsk, March 18-19, 2011)], Minsk: BDU, 2011, pp. 172-174. (In Belarus.)

9. **Penjaz' E.A.** [Constitutional foundations of the institution of the legal profession according to the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century], *Pravo Belarusi: istoriya i sovremennost': sb. materialov Mezhdunar.*

nauch.-teoret. konf. studentov, magistrantov i aspirantov "Razvitiye institutov grazhdanskogo prava v zakonodatel'stve Belarusi ot Statusa VKL 1529 do Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Belarus' 1998" (Minsk, 24 noyabrya 2009) [Law of Belarus: history and modernity: collection of articles. materials of the International scientific and theoretical conference of students, undergraduates and postgraduates "Development of civil law institutions in the legislation of Belarus from the State of the Grand Duchy of Lithuania in 1529 to the Civil Code of the Republic of Belarus 1998", Minsk, November 24, 2009], Minsk: BGJeU, 2010. S. 184-186. (In Belarus.)

10. **Starchenko N.** [Fortified - prosecutors - friends. Who are they? (formation of the institute of advocacy in Volyn at the end of the XVI century)], *SOTSIIUM. Al'manakh sotsial'noy istorii* [SOCIELTY. Almanac of Social History], 2002, Issue 1, pp. 111-144. (In Belarus.)

Judicial Agency in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th Century

**M. P. Belyaev, Cand. Sci.(History), Associate Professor,
department of jurisprudence, Russian University of Cooperation,
Mytishchi, Moscow region, Russia;
babek-han@mail.ru**

This article describes the development of judicial representation in the Grand Duchy of Lithuania in the 16th century. For the first time, the organizational design and legislative consolidation of judicial representation took place in cities with Magdeburg law. The emergence of professional judicial representatives was associated, first of all, with the adoption of the Statute of 1529, which contains legal norms that allow substituting parties in court. The status of professional representatives – lawyers who were called procurators – was consolidated. The statute of 1566, which actually summarized the 30-year practice of law, quite clearly regulated the conduct of the case in court, both personally and through a procurator. The grounds were established when a lawyer was provided free of charge by appointment of a court. The 1588 Statute regulated in detail the procedure for empowering a judicial representative. The author concludes that the institution of representation is firmly rooted in the judicial process, received its written confirmation in the Statutes and, as a result, led to the formation of the institution of the Advocacy.

Keywords: Institute of the Bar; Magdeburg Law; procurator; professional representative; Statute.

© М. П. Беляев, 2021

Статья поступила в редакцию 28.08.2020

При цитировании использовать:

Беляев М. П. Судебное представительство в Великом княжестве Литовском в XVI в. // *Право: история и современность*. 2021. № 2(15). С. 7 – 18. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.007-018

Рассмотрены истоки и феномен мемориального законодательства. Отдельное внимание уделено мемориальным законам, принятым в России и на Украине, а также опыту их применения. Опираясь на идеи Ф. Артога, автор связывает мемориальное законодательство с новым «режимом историчности», доказывая, что оно представляет собой определенный вид коммеморативной практики. Источниками для работы послужили тексты принятых законодательных актов, внесенные законопроекты и комментарии, статьи в средствах массовой информации, позволяющие судить о реакции общественности. На основе изученного материала сделаны следующие выводы: 1) мемориальное законодательство носит политический характер, мемориальные законы оказываются инструментом для решения политических задач; 2) развитие мемориального законодательства ставит право в зависимость от государственной исторической политики, что может привести к нарушению нормативности права; 3) мемориальное законодательство позволяет судить о развитии исторического сознания и направлениях его изменения.

Ключевые слова: «войны памяти»; историческая политика; коммеморативные практики; мемориальное законодательство; политика памяти.

Оксана Владимировна Головашина, канд. ист. наук, доцент,
кафедра философии и методологии науки,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина», Тамбов, Россия;
ovgolovashina@mail.ru

ПОЛЕ БИТВЫ – ПАМЯТЬ: МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Введение. Мемориальные законы становятся все более распространенным оружием в эпоху «войн памяти» и одним из главных инструментов политики памяти. В отличие от издания рекомендованных учебников истории, выпуска соответствующей кинопродукции, публикациях в СМИ, сценариев государственных праздников, мемориальные законы предполагают не только трансляцию определенного образа прошлого, но объявляют санкции за публичное высказывание другой позиции. Та или иная версия прошлого, таким образом, объявляется единственной нормой, а дискуссии, без которых немыслимо ни академическое поле, ни общественная трибуна, оказываются вне закона.

Рассмотрим истоки и специфику мемориального законодательства, более подробно остановимся на случаях России и Украины, а также, опираясь на анализируемый материал, постараемся показать мемориальное

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-31600 (опн) «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве».

законодательство как определенный вид коммеморативной практики – индикатор состояния исторического сознания.

Под «мемориальными законами» в данной работе имеются в виду определенные способы и формы использования и репрезентации памятных дат и событий прошлого в публичном пространстве.

Существующие законодательные практики в поле публичной истории и исторической политики можно разделить на два больших направления. Одни из них носят декларативный характер и не предусматривают какое-либо наказание за их нарушение. В качестве примера можно привести ряд резолюций Европарламента, осуждающих тоталитаризм (2009) или признающих факт Голодомора на Украине (2008). Однако большинство существующих законов предполагает существование различных санкций за их нарушение. В статье внимание, в основном, посвящено второму виду мемориальных законов, так как возможность наказания позволяет говорить о законодательных практиках как определенном виде акторов «войн памяти» и исторической политики в целом.

Закон в «битвах за память». Считаем, что осмыслению мемориального законодательства как современного феномена будет способствовать теоретическая оптика, предлагаемая французским исследователем Ф. Артогом. В своей статье «Порядок времени, режимы историчности» он ввел концепт «режим историчности» [1], который интерпретировал как способ согласования прошлого, настоящего и будущего, возможность навести «порядок времени», или, если быть точнее, во времени. Его особого внимания заслуживает императивность этих порядков, заставляющая людей подчиняться им, независимо от собственного желания [1]. Это кажется довольно очевидным, но проблема в том, что современный человек оказывается частью различных темпоральных порядков. Брокер, который почти круглосуточно следит за акциями на мониторе, при этом должен учитывать график работы врачей в своей участковой поликлинике; а молодому успешному менеджеру тяжело объяснить родителям из деревни, что такое ежедневный дедлайн. Конечно, есть семейные и национальные праздники, которые способствуют синхронизации темпоральных циклов, однако их недостаточно ни в масштабах семьи, ни тем более в масштабах государства. Структуризация локальных «порядков времени» стала успешной попыткой использования истории государства в виде некой политической идеологии. Включение интерпретированных событий в сформированный исторический нарратив стало основой не только политического дискурса, но и осознания действительности с его позиций, создало некую модель, в которой идеологические и политические акторы становятся неким авангардом человечества, имеющим способность экстраполировать, а по факту – прогнозировать и зачастую предсказывать события будущего, взяв за основу линейное понимание истории.

Успешная государственная политика памяти предполагает нивелирование несогласованности «порядков времени», так как «режим историчности» хочет стать эвристическим инструментом, помогающим лучше постичь не время вообще, все времена или целостность времени, но, главным образом, кризисные моменты времени, когда начинают терять свою очевидность сочленения прошлого, настоящего и будущего» [1]. Опираясь на

теоретические выкладки Артога, утверждаем, что мемориальные законы инициируются государством в целях повышения социальной стабильности и сплоченности общества. Артог подчеркивает, что режим историчности сам по себе представляет собой не историю, но воспроизводство истории, вернее, ее конструирование в соответствии с определенными условиями, которые делают возможным одно историческое повествование и невозможным другое [1].

Распространение мемориального законодательства в Европе было связано с необходимостью переосмысления опыта Второй мировой войны, выработки, а затем и защиты новых ценностей. Первые подобные законодательные акты касались осуждения Холокоста (в Германии и Австрии они появились вскоре после окончания Второй мировой войны, во Франции – в 1990 году после дела Роберта Форрисона, доказывающего, что Холокост был сконструирован сионистами, чуть позже (1995 г.) – в Бельгии). В США, Великобритании и Венгрии мемориальные законы отсутствуют, так как считаются противоречащими свободе слова; против подобного законодательства выступает также Италия, Финляндия и Япония.

Содержание мемориального законодательства в Европейских странах, в основном, направлено именно на защиту сформированного представления о Холокосте, однако в ряде стран декларативно признается факт геноцида армян со стороны турок, а в некоторых восточноевропейских странах (Болгария) присутствует запрет на использование советской символики.

Большинство мемориальных законов в европейских странах были приняты в 1990-х – 2000-х гг. Если в Западной Европе законы принимались в качестве ответа на общественную дискуссию после дела Форрисона, то на постсоветском пространстве и в восточной Европе бум мемориального законодательства связан с распространившимися «войнами памяти». Восточноевропейские страны, отказавшись от социалистической системы, соответственно, критично выступили против советских трактовок истории, в том числе истории Второй мировой войны. Однако принятие европейской интерпретации, в основе которой лежит представление о Холокосте как главном преступлении против человечества, вступило с противоречием с собственным историческим опытом этих стран. С одной стороны, восточноевропейские страны стремились стать частью единого европейского культурного (и экономического) пространства, но с другой – не готовы были пересмотреть трудные вопросы собственной истории. Одним из проявлений сложившейся ситуации стала интенсификация мемориальной политики, в том числе появление институтов национальной памяти и, соответственно, принятие мемориальных законов.

Исследование этих процессов в странах Восточной Европы не входит в задачи предлагаемой статьи. Однако важно подчеркнуть, что историческая политика в некоторых странах, входящих в социалистический лагерь, выступила в качестве модели для некоторых постсоветских территорий, особенно Украины. Мемориальные законы существуют далеко не на всех территориях постсоветского пространства. Однако о законодательном регулировании той или иной версии прошлого можно говорить не только с опорой на непосредственно мемориальные законы. В частности, в Грузии и странах Прибалтики в заявлениях о независимости присутствовал

термин «советская оккупация» [9, с. 74]. В Эстонии также декларируется признание факта советских репрессий. В Латвии и Литве действует запрет советской (наряду с нацистской) символики. Исполнение гимна Советского Союза на Украине карается сроком до 5 лет.

«Ветеран УПА». Мемориальное законодательство на Украине. Созданный в 2014 году по инициативе Виктора Ющенко украинский Институт национальной памяти был образован по примеру аналогичного учреждения в Польше, однако первые мемориальные законы на Украине были приняты раньше. Можно предположить, что интенсификация исторической политики объяснялась сложными противоречивыми процессами конструирования новой национальной и гражданской идентичности, с одной стороны, и сохранявшейся инерцией советских историографических стратегий – с другой.

Первый мемориальный закон на Украине «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» [14] был принят еще в 2000 году. Его цель заключалась в интеграции советского исторического нарратива, способствующего легализации постпартийной элиты, которая в то время управляла Украиной. Трактовка Великой Отечественной войны в целом повторяла сложившуюся модель и вполне соответствовала потребностям руководителей страны. Этот закон предписывал определенные коммеморативные практики, которые в целом были повторением советских практик празднования Дня Победы и трансляции памяти о Победе и даже описывались в дискурсе советских законопроектов. В 2011 году в этот закон был внесен ряд изменений, которые касались ряда действий, посвященных коммеморативным мероприятиям, но в целом он сохранял свой декларативный характер. Никаких санкций за несоблюдение тех или иных формальных процедур или уклонения от привычных коммеморативных практик не предусматривалось.

Однако складывающийся параллельно нарратив о Голодоморе как нациобразующем событии, а также внутривнутриполитическая борьба между консервативными и либеральными силами привели к критике первого мемориального закона Украины и трактовок советского периода прошлого вообще. Уже в 2006 году Рада квалифицировала Голодомор как геноцид украинского народа [3], однако это решение носило декларативный характер. Попытки, опять же по инициативе президента Ющенко, ввести уголовную ответственность за отрицание Голодомора и Холокоста (Украина стремилась войти в европейское культурное пространство за счет включения в общеевропейские историографические стратегии) не были приняты Радой, по официальной версии – так как противоречили указанной в Конституции страны свободе слова.

В 2015 году в связи с изменениями направления исторической политики закон был отменен. Новый мемориальный закон предлагал совершенно иную трактовку Великой Отечественной войны [13]. Акцент был сделан на Победе над нацизмом, а термин «Великая Отечественная» был заменен на «Вторая мировая». Также в 2015 году было принято еще два мемориальных закона, зафиксировавших новые интерпретационные модели прошлого. Выступая прямым следствием патриотического подъема, законы были направлены на формирование нового пантеона героев и законодательно объявляли о смене государственных исторических ценностей.

Первый проект вводил категорию участников борцов за независимость XX столетия и постулировал их новый правовой статус, следствием чего должны были стать соответствующие социальные льготы и гарантии [12]. Несмотря на то что четкий список этих «гарантий» и «льгот» так и не был представлен, закон сделал главное: приравнял ветеранов Украинской повстанческой армии (*далее* – УПА) и ветеранов Великой Отечественной войны и признал ценность УПА и других подобных организаций (их список предоставлялся) для формирования украинской нации. Закон также запрещал «пренебрежительное отношение» к новым «борцам за независимость», однако эти заявления остались на уровне деклараций, так как, во-первых, никакой дефиниции «пренебрежительного отношения» не предлагалось, во-вторых, в тексте закона были указаны какие-либо наказания в случае проявления этого самого отношения.

Второй закон, принятый также в 2015 году, зафиксировал изменение направлений исторической политики Украины. Его дословная формулировка предполагала осуждение нацистского и коммунистического режима на Украине и запрет их символики [11]. Важным здесь представляется фактическое символическое отождествление коммунистического и национал-социалистических режимов как тоталитарных.

Отдельно необходимо упомянуть факты о криминализации отрицания Голодомора, попытки которого предпринимались в украинском законодательстве с 2006 года. Несколько раз депутаты Я. Кендзёр и Р. Чубаров, президент В. Ющенко пытались вносить в текст закона 2006 года изменения, призванные придать этому акту не декларативный характер. Однако особенности украинской политической элиты приводили к тому, то коммунисты и «Партия регионов» блокировали обсуждения поправок или неоднократно направляли проект на доработку. Нельзя сказать, что деятельность Виктора Ющенко и сторонников криминализации Голодомора была неуспешной, так как способствовала в том числе международному признанию Голодомора как геноцида. Начиная с 2005 года, о признании Голодомора заявили Литва [7], Грузия [4], Испания [5], Перу [10].

Нам нужна одна Победа? Мемориальный закон в России. В России первый и пока единственный (хотя новые проекты на сегодняшний день уже разработаны) мемориальный закон был принят 4 апреля 2014 г. после опроса 27 января на радиостанции «Дождь» с провокационной формулировкой «Не стоило ли отдать Ленинград нацистам, чтобы спасти тысячи жизней». Опрос продлился около 10 минут (53 % опрошенных ответило, что сдача Ленинграда помогла бы спасти жизни обычных людей) и был удален из-за резкой реакции общественности. Внесенной Ириной Яровой проект был принят единогласно, несмотря на то что несколькими днями его упрекали в «правовой размытости» [15]. Ранее несколько проектов Яровой и других парламентариев были внесены в Думу, но отклонялись.

Официально закон запрещает пропаганду нацизма, выступает против отрицания решений Нюрнбергского трибунала и распространение «заведомо ложных» сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны [8]. Также, хотя это не имеет прямого отношения к пропаганде нацизма, запрещается распространение «выражающих явное неуважение

к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично» [8]; в случае нарушения предусматривается штраф в 300 тыс. руб. или год исправительных работ.

Интересно, что сама формулировка части мемориального закона в РФ официально не предполагает жестких хронологических рамок, то есть в части своей формулировки не имеет прямого отношения к Великой Отечественной войне. Дни воинской славы – это не только день полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады или победа в Сталинградской битве, но и день победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении и день взятия Исмала. Скорее всего, появление этого пункта связано с тем, что базой для первого мемориального закона был именно закон о днях воинской славы, но интересно то, что пренебрежительные комментарии о Чесменском сражении, в соответствии с существующим законодательством, оказываются реабилитацией нацизма. Нечеткость исходной формулировки («неуважение к обществу», «заведомо ложные сведения») приводит к тому, что применение этого закона в том или ином случае оказывается больше политической, чем правовой акцией. Нельзя не обратить внимание на определенную инерцию юридического дискурса, проявляющегося в переключке анализируемого нами закона с печально известной ст. 190-1 УК РСФСР («распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй»).

Несмотря на существующие пункты, которые касаются дней воинской славы вообще, все решения, которые пока были приняты в России с опорой на Закон о противодействии пропаганде нацизма, касались защиты образа именно Великой Отечественной войны. Владимир Лузгин из Перми сделал репост в социальной сети «ВКонтакте» (его увидело около 20 человек, в том числе оперативник ФСБ), в которой, в частности, была информация о сотрудничестве Германии и СССР и их совместном нападении на Польшу. Астраханский школьник в той же социальной сети опубликовал фотографию солдат Вермахта и положительно отозвался о нападении немцев на Польшу. Трое красноярских молодых людей (18–19 лет) нарисовали свастику на памятниках воинской славы в родном городе. Другие подобные решения также касались осквернения памятников или публикаций в социальных сетях. Оправдательных приговоров в практике применения этого закона не было.

Еще два законопроекта было внесено в Государственную Думу 27 мая 2020 г. Алексеем Журавлевым. В отличие от существующего закона, проекты, внесенные в Думу в 2020 году, более направлены на защиту именно образа Великой Отечественной войны. Первый из них предлагает признать недействительным принятое в 1989 году постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» так как оно, по мнению автора законопроекта, не соответствует принципам «исторической справедливости», «искажает суть исторических событий» и «не отвечает государственным интересам России» [2]. Пока остается непонятным, будет ли предложена какая-либо другая трактовка известного пакта Моло-

того—Риббентропа, или любые его обсуждения будут подпадать под действие этого закона в случае его принятия. Второй проект напрямую касается актуальных сейчас «мемориальных войн», которые идут не только на постсоветском пространстве, но и касаются различных интерпретаций Второй мировой войны в России и на Западе. В отличие от принятого закона Яровой, эта статья более четко прописывает, какие утверждения считать фальсификацией исторических фактов о причинах и итогах Второй мировой войны. Проект предусматривает уголовное наказание за «возложение на СССР ответственности за развязывание Второй мировой войны либо отрицание основной роли СССР в победе над странами оси во Второй мировой войне, а равно распространение сведений о тождественности официальной политической идеологии СССР и нацизма» [2]. Если бы этот закон был принят ранее, дело Владимира Лузгина могло бы закончиться уголовным сроком.

Что защищают мемориальные законы? Отметим, что сама идея возможности юридического регулирования исторической памяти и представлений об истории, довольно спорна. Право в этом случае оказывается на службе у государственной политики памяти, направления которой, как особенно ярко показывает случай Украины, постоянно меняются. Следствием этого может стать нарушение нормативности правовой сферы вообще. Однако распространение практики принятия мемориальных законов может быть индикатором трансформации места истории. Прошлое больше не о том, «что было» (хотя так никогда и не было), а становится ресурсом. Если есть индустрия памяти (в туризме, рекламе и т.д.), то почему бы не использовать прошлое для легитимации того или иного политического режима. Но в этом случае речь идет не о науке о прошлом, а об определенном наборе образов, которые носят инструментальный характер. Законы в этом случае нормируют то или иное использование этих образов-инструментов.

Содержание мемориальных законов и опыт их применения говорит о том, что они носят больше политический характер. Если в Европе подобное законодательство направлено на защиту европейских ценностей (учитывая значение признания Холокоста для новой европейской культуры), то для Украины такой темой является Голодомор. Показателем того, что мемориальное законодательство носит, прежде всего, политический, а не правовой характер, является и то, что очередные попытки криминализации Голодомора на Украине были направлены против В. Януковича, который неоднократно высказывался против трактовки Голодомора как геноцида.

В России речь идет не столько о защите определенной версии Второй мировой войны, а о государственном самосознании, в основе которого лежит эта версия как единственный исторический факт, разделяемый абсолютным большинством россиян. Причины обращения отечественного мемориального законодательства именно к Великой Отечественной (Второй мировой) войне не только в использовании модели мемориального законодательства, получившей распространение в европейских странах, но и в том месте, которое занимает Великая Отечественная война на террито-

рии большинства республик постсоветского пространства. Поэтому считаем, что больше, чем европейский опыт для содержания мемориальных законов, имеет значение инерция коммеморативных практик, связанная с усилиями советской пропаганды, которая опиралась на Победу 1945 г., доказывая правильность социалистического строительства. Сразу обратим внимание на принципиальное отличие мемориальных законов и вообще направлений политики памяти в Европе и на постсоветском пространстве. Если европейские мемориальные законы (направленные, как указано выше, в основном на защиту памяти о Холокосте – в некоторых случаях речь идет так же об осуждении геноцида армян) защищают позицию жертв, то в России законы принимаются с позиции победителя. В европейской политике, как заметил Николай Копосов [6], «проявилась гуманизация западной культуры в эпоху расцвета демократии. Главным элементом памяти о войне стали не преступления одного государства против другого, а преступления государства против народа – или, точнее, против человечности». Причем, как подчеркивают европейские практики политики памяти, ответственность за Холокост лежит не только на нацизме, но и на тех государствах, которые не смогли предотвратить его, а также на населении, поддерживающим или даже просто не мешающим реализации Холокоста. Постсоветское пространство представляет собой поле не исторической ответственности, а «войн памяти» с соседями. Нельзя сказать, что постсоветские страны в этом случае являются исключением, в частности в Турции запрещено упоминать о геноциде армян в 1915 году, а в Польше можно получить указание за обвинение поляков в Холокосте.

В качестве вопросов, требующих дальнейшего обсуждения, следует упомянуть проблему роли мемориального законодательства в формировании коллективной памяти страны. Может ли закон действительно способствовать формированию убеждения населения? Пока мы предполагаем, что нет, но мемориальные законы говорят о трендах, которых придерживается государственная власть, а она выступает в качестве одного из влиятельных акторов политики памяти, обладает соответствующими ресурсами для того, чтобы сформировать нужные образы и «изобрести традиции» не только при помощи законодательства.

Список литературы

1. **Артог Ф.** Порядок времени, режимы историчности [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. № 3(59). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (дата обращения 14.08.2020).
2. **Дюков А.** В Госдуму внесено два новых «мемориальных» закона – и еще один ждет своей очереди [Электронный ресурс] // Remembrance, Research and Justice: Heritage of WWII in the 21st century. URL: <https://remembrance.ru/2020/05/28/duma/> (дата обращения 14.08.2020).
3. **Верховная Рада** признала Голодомор геноцидом [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2006/11/28/genocide/> (дата обращения: 13.01.2021).
4. **Грузия** признала Голодомор в Украине актом геноцида [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/events/141078-gruziya-priznala-golodomor-v-ukraine-aktom-genocida> (дата обращения: 13.01.2021).

5. **Испания** признала голодомор в Украине актом геноцида [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/events/197026-ispaniya-priznala-golodomor-v-ukraine-aktom-genocida> (дата обращения: 13.01.2021).
6. **Копосов Н.** Память в законе [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. URL: http://www.chaskor.ru/article/pamyat_v_zakone_36445 (дата обращения: 13.01.2021).
7. **Литва** признала Голодомор в Украине геноцидом [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/events/137186-litva-priznala-golodomor-v-ukraine-genocidom> (дата обращения: 13.01.2021).
8. **О внесении** изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 5 мая 2014 г. N 128-ФЗ [Электронный ресурс] // Российская газета. 7 мая 2014 г. URL: <https://rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html> (дата обращения 14.08.2020).
9. **Орлова И. Б.** Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Социологические исследования 2017. № 9 (400). С. 66 – 77.
10. **Парламент** Перу признал голодомор геноцидом украинцев [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/events/197520-parlament-peru-priznal-golodomor-genocidom-ukraincev> (дата обращения: 13.01.2021).
11. **Про засудження** комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки: Закон України, № 317-19, від 09.04.2015, [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text> (дата обращения: 23.01.2021).
12. **Про правовий** статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті: Закон України, № 314-19, від 09.04.2015 [Электронный ресурс]: URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text> (дата обращения: 20.01.2021).
13. **Про увічнення** перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років: Закон України. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/315-19#Text> (дата обращения: 13.01.2021).
14. **Про увічнення** Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років: Закон України, № 1684-14, від 09.04.2000 [Электронный ресурс]: URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1684-14> (дата обращения: 13.01.2021).
15. **Рункевич Д.** Кремль не поддержал законопроект о запрете реабилитации фашизма [Электронный ресурс] // Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/565382> (дата обращения: 14.08.2016).

References

1. **Artog F.** [The order of time, modes of historicity], *Neprikosnovennyu zapas* [Emergency reserve], 2008, no. 3(59), available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (accessed 14 August 2020). (In Rus.)
2. **Dyukov A.** [Two new “memorial” laws have been introduced to the State Duma and one more is waiting for its turn], *Remembrance, Research and Justice: Heritage of WWII in the 21st century*, available at: <https://remembrance.ru/2020/05/28/duma/> (accessed 14 August 2020).
3. **Lenta.ru**, available at: <https://lenta.ru/news/2006/11/28/genocide/> (accessed 13 January 2021).
4. **Korrespondent.net**, available at: <https://korrespondent.net/ukraine/events/141078-gruziya-priznala-golodomor-v-ukraine-aktom-genocida> (accessed 13 January 2021).
5. **Korrespondent.net**, available at: <https://korrespondent.net/ukraine/events/197026-ispaniya-priznala-golodomor-v-ukraine-aktom-genocida> (accessed 13 January 2021).
6. **Koposov N.** *Chastnyy correspondent* [Private correspondent], available at: http://www.chaskor.ru/article/pamyat_v_zakone_36445 (accessed 13 January 2021).

7. **Korrespondent.net**, available at: <https://korrespondent.net/ukraine/events/137186-litva-priznala-golodomor-v-ukraine-genocidom> (accessed 13 January 2021).

8. **Available at:** <https://rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html> (accessed 14 August 2020).

9. **Orlova I.B.** [Historical knowledge as a subject of sociological analysis (phenomenological aspect)], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2017, no. 9(400), pp. 66-77. (In Rus.)

10. **Korrespondent.net**, available at: <https://korrespondent.net/ukraine/events/197520-parlament-peru-priznal-golodomor-genocidom-ukraincev> (accessed 13 January 2021).

11. **Available at:** <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text> (accessed 23 January 2021).

12. **Available at:** <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text> (accessed 20 January 2021).

13. **Available at:** <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/315-19#Text> (accessed 13 January 2021).

14. **Available at:** <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1684-14> (accessed 13 January 2021).

15. **Runkevich D.**, available at: <http://izvestia.ru/news/565382> (accessed 14 August 2016).

Wars of Memory: Memorial Legislation in the Post-Soviet Space

O. V. Golovashina, *Cand.Sci.(History)*, Associate Professor,
Department of Philosophy and Methodology of Science,
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
ovgolovashina@mail.ru

The origins and the phenomenon of memorial legislation are considered. Special attention is paid to the memorial laws adopted in Russia and Ukraine, as well as the experience of their application. Based on the ideas of F. Artog, the author connects memorial legislation with the new "regime of historicity", proving that it is a certain type of commemorative practice. The sources for the work were the texts of the adopted legislative acts, the introduced bills and comments, articles in the media, enabling to judge the reaction of the public. On the basis of the studied material, the author draws the following conclusions: memorial legislation is of a political nature, memorial laws are an instrument for solving political problems; the development of memorial legislation makes law dependent on state historical policy, which can lead to a violation of the normative nature of the law; memorial legislation makes it possible to judge the development of historical consciousness and the directions of its change.

Keywords: "wars of memory"; historical politics; commemorative practices; memorial legislation; politics of memory.

© О. В. Головашина, 2021

Статья поступила в редакцию 19.02.2021

При цитировании использовать:

Головашина О. В. Поле битвы – память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // *Право: история и современность*. 2021. № 2(15). С. 19 – 28. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.019-028

На примере дисциплинарного товарищеского суда при участковом профсоюзе железнодорожников № 11 станции Москва-Брянская рассмотрена практическая правоприменительная деятельность и правовая основа деятельности товарищеского суда, установлен личный состав суда, применяемые им наказания. Правовая основа деятельности товарищеского суда в раннесоветское время – декрет СНК РСФСР от 14.11.1919 года «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение)», декрет СНК РСФСР от 05.04.1921 года «Положения о дисциплинарных товарищеских судах». Рассмотрена специфика дел, разбираемых рассматриваемым судом. Определены наиболее показательные дела, рассмотренные дисциплинарным товарищеским судом при участковом профсоюзе железнодорожников № 11 станции Москва-Брянская.

Ключевые слова: альтернативные органы разрешения конфликтов; внесудебные органы; дисциплинарный товарищеский суд; квазисудебный институт; товарищеский суд.

Алла Геннадьевна Факурдинова, начальник отдела дознания,
линейное управление МВД России на станции Москва-Рязанская,
Москва, Россия;
19alla9120081@rambler.ru

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ТОВАРИЩЕСКОГО СУДА ПРИ УЧАСТКОВОМ ПРОФСОЮЗЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ № 11 СТАНЦИИ МОСКВА-БРЯНСКАЯ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Проблема разрешения социальных конфликтов как судебными, так и внесудебными (квазисудебными) учреждениями рассматривается как в историческом, так и современном ее состоянии, в ней можно найти связь с системой юрисдикций [1], становлением современного института медиации [2], трудовым, жилищным, административным правом, в чьих рамках с исторической точки зрения зачастую реализуются квазисудебные возможности. Богатая историография истории квазисудебности в России представлена в отдельном исследовании [3].

Исторические формы квазисудебной деятельности в раннесоветский период, часть которых является предметом данного исследования, выявлены автором и показаны на рис. 1.

На законодательном уровне дисциплинарный товарищеский суд при участковом профсоюзе железнодорожников (далее при Учкпрофсоже) № 11 станции Москва-Брянская функционировал на основании декретов СНК РСФСР от 14.11.1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение)»¹ и от 05.04.1921 г. «Положение о дисциплинарных товарищеских судах»².

¹ О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение): Декрет СНК РСФСР от 14.11.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 56. Ст. 537.

² Положение о дисциплинарных товарищеских судах: Декрет СНК РСФСР от 05.04.1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 23–24. Ст. 142.

Рис. 1. Исторические формы квазисудебной деятельности в раннесоветский период

Рассматривая работу дисциплинарного товарищеского суда при Учкпрофсоже № 11 станции Москва-Брянская, были изучены дела, хранящиеся в Центральном государственном архиве г. Москвы за 1921 – 1922 гг. Так, в 1921 г. указанным судом было рассмотрено 30 дел, связанных с трудовым дезертирством и халатным отношением к своим служебным обязанностям. В 1922 г. рассмотрено 25 дел, где помимо категории дел, рассмотренных как и в 1921 г, были решены также дела о хищениях и грубом обращении³. Как видим, в основном дела были по разбирательству трудовых и служебных отношений.

В Центральном государственном архиве г. Москвы сохранился список служащих дисциплинарного товарищеского суда Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская, сведения о которых представлены в табл. 1.

Как видим, в работе суда принимали участие и женщины, что интересно с точки зрения соблюдения гендерного баланса, который является актуальной социально-правовой проблемой современности. Однако в архивных источниках отсутствуют возрастная градация членов суда, социальное положение, стаж работы, образование, это говорит о том, что это, вероятнее всего, не учитывалось при формировании состава товарищеского суда.

На практике дисциплинарные товарищеские суды выходили за рамки своих полномочий, рассмотрим наиболее показательные из таких дел. Например, по делу, рассмотренному в дисциплинарном товарищеском суде при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская, установлено, что Муравьев Семен Федорович, работающий грузчиком, обвинялся в хищении проса при перегрузке, пьянстве и даче взятки⁴, товарищеский суд приговорил Муравьева: «подвергнуть принудительным работам сроком на 2 неде-

Таблица 1

**Личный состав дисциплинарного товарищеского суда
при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская⁵**

ФИО	Должность	Примечание
Клевцов Сергей Платонович	Председатель	–
Клабуновский Григорий Алексеевич	Член суда	Представитель от администрации
Красильникова Олимпиада Петровна	Секретарь	–
Сурьенкова Надежда Васильевна	Рассыльная	–
	Член суда	Временно свободна
	Делопроизводитель	Должность свободна

³ ЦГАМ. Ф. Р-2544. Оп. 1. Д. 4-20, 21-33, 36-45, 46-54, 57-59.

⁴ Там же. Д. 56.

⁵ Там же. Д. 35. Л. 4.

ли по месту службы с заключением под стражу. Факт дачи взятки суд нашел доказанным»⁶.

Данное дело поступило в дисциплинарный товарищеский суд из революционного военного железнодорожного трибунала МКВЖД. Факт рассмотрения товарищеским судом дела о взятке и хищении говорит о том, что указанный суд брал на себя полномочия Народного суда, прямо его подменял.

Дисциплинарный товарищеский суд был иногда чрезвычайно суров в своих наказаниях, так «Галеева Александра Николаевича, конторщика ст. Москва-2 обвинили в халатном отношении к служебным обязанностям: опоздании на службу, самовольной отлучке со службы, недобросовестном отношении к службе, на что дисциплинарный товарищеский суд при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская приговорил его “подвергнуть аресту на 7 дней без исполнения служебных обязанностей”»⁷.

Еще одним показательным делом дисциплинарного товарищеского суда при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская является дело Рязанцева Михаила, обвиняемого в задержке поезда благодаря своей нераспорядительности, где суд приговорил его подвергнуть штрафу на 1 000 000 рублей в пользу голодающих⁸.

Интенсивность работы квазисудебного органа – товарищеского суда – характеризуется следующими цифрами. За декабрь 1921 г. по февраль 1922 г. дисциплинарным товарищеским судом при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская было рассмотрено 38 дел с привлечением к ответственности 195 лиц (табл. 2).

Снижение количества рассмотренных дел в декабре 1921 г. объяснялось тем, что в декабре пересматривались все оконченные дела, к которым применялась амнистия⁹.

Сохранились также нарративные источники по истории деятельности такого суда. С положительной стороны описывал дисциплинарный товарищеский суд (*далее* – ТДС) при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская его председатель Клевцов С. П.: «за январь мес. 1922 г. товарищеским дисциплинарным судом при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская в открытом судебном заседании было заслушано одно дело. При разборе присутствовало 10 – 15 человек рабочих и служащих железнодорожного транспорта, с живым интересом следивших за решением дела. Надо отметить, что с постановлением суда очень считаются, смотрят на суд, как на необходимый орган, карающий за халатность и разгильдяйство, что особенно важно при настоящем положении транспорта. Дезертирства как такового на участке не наблюдается почти совсем, так за январь месяц поступило только два дела, по которым лица обвиняются, привлекаются за прогул. По всем остальным делам лица привлекаются за проступки, связанные с производством. Считаю не лишним указать на то обстоятельство, что работа ТДС зачастую тормозится по причине не достаточно внимательного

---

⁶ ЦГАМ. Ф. Р-2544. Оп. 1. Д. 35. Л. 19об.

⁷ Там же. Д. 34. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 35. Л. 1.

Таблица 2

**Движение дел дисциплинарного товарищеского суда
при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская**

Единицы учета	Состояние на 1 число отчетного месяца	Поступило за отчетный месяц	За отчетный месяц			Осталось не разобрано	Число лиц, привлеченных к ответственности
			прекращено	передано для разбора в другие инстанции	рассмотрено		
<i>Декабрь 1921 г.¹⁰</i>							
Дела	14	18	–	2	2	28	44
Лица	18	26	–	2	2	40	
<i>Январь 1922 г.¹¹</i>							
Дела	28	13	–	5	19	17	82
Лица	40	42	–	7	29	46	
<i>Февраль 1922 г.¹²</i>							
Дела	17	17	–	–	17	7	69
Лица	46	23	–	–	23	46	

отношения администрации к требованиям суда. Присылая не полный материал, не согласованный с имеющимися инструкциями, администрация тем самым заваливает диссуд излишней перепиской. Такое отношение администрации обращает на себя внимание еще и потому, что с момента организации диссуд в добавлении к изданным по дороге инструкциям о порядке подачи сведений в ТДС, снабдил все службы участка своим циркулярным письмом, где все необходимые суду требования были изложены коротко, ясно и определенно, и несмотря на это администрация продолжает посылать неполный материал по тому или иному делу, что, безусловно, тормозит как разбор самого дела, так и всю работу ТДС. Поэтому желательно было бы напомнить администрации о надлежащем ее отношении к требованиям ТДС, учитывая то, что сама же администрация за разбором всяких недоразумений обращается в ТДС»¹³.

Таким образом, проанализировав деятельность дисциплинарного товарищеского суда при Учкпрофсоже № 11 ст. Москва-Брянская, очевидно, что суд был самостоятелен в разборе дел, зачастую выходил за предоставленные ему полномочия, что подтверждено изученными архивными материалами. Рассмотренный суд в большинстве случаев подменял собой Народный суд и встраивался в систему квазисудебных учреждений общественного характера, деятельность которого весьма плотно опекалась государством.

¹⁰ ЦГАМ. Ф. Р-2544. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Там же. Л. 23.

¹³ Там же. Л. 11.

Список литературы

1. **Пирожкова И. Г., Попов А. М.** Современные и исторические квазисудебные институты в системе судебных юрисдикций // *Современные проблемы государства и права*. 2020. № 1(52). С. 18 – 21.
2. **Судоргина Е. В.** Развитие альтернативных способов разрешения споров как снижение нагрузки на суды (судебная медиация) // *Вопросы российского и международного права*. 2019. Т. 9, № 7-1. С. 146 – 157.
3. **Факурдинова А. Г.** Квазисудебные органы советской системы (историографический аспект) // *Манускрипт*. 2019. Т. 12, Вып. 10. С. 113 – 117.

References

1. **Pirozhkova I.G., Popov A.M.** [Modern and historical quasi-judicial institutions in the system of judicial jurisdictions], *Sovremennyye problemy gosudarstva i prava* [Modern problems of state and law], 2020, no. 1(52), pp. 18-21. (In Russ.)
2. **Sudorgina Ye.V.** [Development of alternative methods of dispute resolution as reducing the burden on the courts (judicial mediation)], *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and international law], 2019, v. 9, no. 7-1, pp. 146-157. (In Russ.)
3. **Fakurdinova A.G.** [Quasi-judicial bodies of the Soviet system (historical and graphic aspect)], *Manuskript*, 2019, v. 12, Issue 10, pp. 113-117. (In Russ.)

Practical Activities of the Disciplinary Comrades' Court under District Trade Union of Railways No. 11 at the Moscow-Bryanskaya Station through the Archival Materials

A. G. Fakurdinova, *Head of the Investigation Department,
Line Department of the Ministry of Internal Affairs
of Russia at the Moscow-Ryazanskay Station, Moscow, Russia;
19alla9120081@rambler.ru*

Using the example of the disciplinary comrades' court at the district trade union of railway workers No. 11 of the Moscow-Bryanskaya station, the practical law enforcement activity and the legal basis for the activities of the comrades' court are considered; the personnel of the court and the punishments applied by it are established. The legal basis for the activities of a comrades' court in early Soviet times is the decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 11/14/1919 "On workers' disciplinary comrades' courts (Regulation)", the decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 04/05/1921 "Regulations on disciplinary comrades' courts". The specificity of the cases examined by the considered court is considered. The most indicative cases considered by the disciplinary comrades' court under the district trade union of railway workers No. 11 of the Moscow-Bryanskaya station have been identified.

Keywords: alternative bodies for conflict resolution; extrajudicial bodies; disciplinary comrades' court; quasi-judicial institute; comrades' court.

© А. Г. Факурдинова, 2021

Статья поступила в редакцию 10.03.2021

При цитировании использовать:

Факурдинова А. Г. Практическая деятельность дисциплинарного товарищеского суда при участковом профсоюзе железнодорожников № 11 станции Москва-Брянская на основе архивных материалов // *Право: история и современность*. 2021. № 2(15). С. 29 – 34. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.029-034

Рассмотрена проблема взаимодействия юридического языка с иными профессиональными языками на примере языка психиатрии. При этом особо отмечается умение юриста справляться с конфликтными ситуациями, возникающими между юридическим и иными языками. Особым «конфликтным местом» является зал судебных заседаний. Поставлен вопрос: что происходит, когда от эксперта-психиатра требуется дать заключение о вменяемости или невменяемости конкретного подсудимого? Моделируя возможное дальнейшее развитие событий, становится очевидным, что существует обширная пропасть между языками психиатрии и права, и возникает она из-за противоречий между природой этих двух отраслей. В каждой ментальной и языковой системе – будь то академическая дисциплина, профессиональная или неформальная речь – имеется свой набор терминов, своя структура, свои цели, свой социальный и культурный контексты. Указывается, что юрист и психиатр постоянно сталкиваются с двумя конфликтами: конфликтом между языком их профессии и реальностью, и конфликтом между психиатрией и правом как таковыми. Отмечается, что природа подобных противоречий подразумевает особый подход к каждому отдельному случаю и совмещение искусства юридического и иных языков.

Ключевые слова: юридический язык; право; юрист; суд; профессионализм; эксперт; психиатрия.

Артур Николаевич Шепелёв, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
arturtmb@mail.ru

ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Введение. В своей профессиональной деятельности юрист всегда должен быть готов лавировать между юридическим языком и множеством профессиональных языков, включая и повседневный язык общения. Можно сказать, что правовой разговор юриста и лица, не связанного с правовой специальностью, – это своего рода непрерывный перевод с одного языка на другой и переход от одного способа изложения информации к другому, и наоборот. При этом перевод осуществляется не в одном направлении. Если юрист намерен вести аргументированный разговор со своим собеседником, то он должен уметь излагать правовую и иную информацию на повседневном языке.

Цель. Юрист должен уметь справляться с конфликтными ситуациями, возникающими между юридическим языком и иными языками. Это относится не только к повседневному языку, но и к языкам многих других специальностей. При этом следует помнить, что любая задача, требующая правового решения, никогда не ограничивается переводом

отдельных терминов, поскольку данный процесс всегда включает в себя установление отношений между языковыми системами, отношений между дискурсами, каждый из которых характеризуется своими четкими целями, методами, способами создания общественных отношений, через которые он функционирует, а также своим набором смыслов.

Обсуждение. В качестве примера может выступить один из контекстов, в рамках которого юрист должен сочетать право с другими языками, – зал судебных заседаний, особенно когда хотя бы одна из сторон обращается к заключениям эксперта. Данная проблема, по сути, схожа с проблемой, существующей между юридическим и повседневным языками, так как юристы и судья постоянно пытаются установить должные отношения между этими различными способами мышления и говорения. Однако этот процесс более сознательный, ведь каждая сторона подталкивает эксперта выражать свои мысли и доводы подходящим именно для этой стороны образом, в то время как другая сторона сопротивляется, возможно, заявляя протест, а, в конечном счете, именно судья принимает решение о заявленных протестах и предложенных экспертом разъяснениях. То, каким образом эксперту позволено излагать свои заключения, является предметом сложной и тщательно продуманной мысли в праве. С точки зрения юриста, данная возможность иметь дело с порой кажущимися непреодолимыми сложностями взаимодействия между этими языками может быть отличным вызовом его профессионализму.

Представим себе, например, выступление эксперта-психиатра в ходе судебного заседания, где сторона защиты борется за оправдательный приговор на основании невменяемости. Стандартной формулировкой в случае признания судом подсудимого невиновным станет следующая: «по причине психического расстройства либо отклонения» способность подсудимого «оценивать степень опасности своих поступков для общества» или «подчинять свое поведение требованиям закона» была «существенно снижена».

Что происходит, когда от эксперта-психиатра требуется дать заключение о вменяемости или невменяемости конкретного подсудимого? Несомненно, эксперт должен «обследовать» подсудимого, то есть вовлечь последнего в разговор определенного характера, в результате которого он сформирует свое профессиональное мнение касательно степени вменяемости, принимая также во внимание информацию о предшествующем поведении подсудимого, а иногда о полученном лечении. Специалисты в данной области имеют обширный опыт в проведении подобных бесед, в конечном итоге, приходя к соответствующим результатам. Это часть их профессионального труда.

Что же происходит, когда такой эксперт дает заключение и выступает в суде с пояснениями к нему? Вероятно, его спросят, сформировал ли он свое профессиональное мнение по поводу того, страдает ли подсудимый «психическим расстройством», имеет ли он «психические отклонения», на самом ли деле «способность» подсудимого «оценивать степень опасности своих поступков для общества» или «подчинять свое поведение требованиям закона» «существенно снижена».

Представим, что эксперту-психиатру задали эти вопросы. Являются ли они с его точки зрения справедливыми и четкими в рамках проведен-

ной им экспертизы? Скорее всего, да, ответим мы; ведь, в конце концов, частью профессии психиатра является классификация пациентов; его специальность определяет и описывает разнообразные «психические расстройства и отклонения»; если он не может ответить, страдает ли данный пациент подобным заболеванием, то кто тогда может? Он также должен обладать опытом определения способности пациентов «оценивать» – не просто разумом, но и аффективно – моральные и эмоциональные реалии, такие как степень опасности для общества совершаемых ими поступков или противоправность их поведения и их способность вести себя в соответствии с общепринятыми нормами.

Однако на самом деле в подобных ситуациях психиатры часто испытывают затруднения. И дело не в том, что они не знают, как провести беседу или проанализировать данные, или составить заключение о психическом заболевании подсудимого или его способности оценивать им ситуацию и соответствовать нормам. Дело в том, что они привыкли выполнять свою работу с абсолютно другой целью, кардинально отличающейся от той, которой призывает служить закон в зале судебных заседаний. Несомненно, психиатры задаются этими вопросами, но это лишь часть процесса лечения. Ситуация в целом рассматривается ими несколько иначе, и основной проблемой для них становятся вопросы о том, какое следует применить лечение и как; насколько результативно выбранное ими лечение; а иногда представляет ли человек опасность для окружающих, и, как следствие, не требует ли он соответствующей изоляции. В суде же психиатра просят, используя язык его профессии, ответить на совершенно другой вопрос, который для него фактически звучит так: следует ли данного человека освободить от несения наказания.

Данная проблема не входит в рамки психиатрической экспертизы, если не сказать больше. Психиатр никогда не задается таким вопросом. Его вопрос заключается в том, как помочь человеку, либо как предотвратить будущий вред, а не в том, следует ли человека наказывать. Он находится в условиях, когда его просят использовать то, что похоже на его профессиональный язык, на его экспертизу, с целью, для которой ни то, ни другое неприменимо, таким образом, создавая ситуацию, в которой он не может изъясняться осмысленно на языке своей специальности. Еще хуже обстоят дела с этической стороной вопроса. На минуту психиатра просят не видеть в подсудимом пациента, нуждающегося в его профессиональных навыках, а заявить о том, следует ли вообще относиться к подсудимому как больному человеку, или же, напротив, подсудимый должен быть подвергнут так называемому наказанию, то есть практике, установленной государством в своих собственных целях, из которых по крайней мере некоторые включают в себя использование человека как части программы общественного контроля, то есть как средства достижения тех или иных общественных целей, а не как самоцель. Данные цели абсолютно несовместимы с тем типом отношений, который психиатр устанавливает со своим пациентом, рассматривая последнего как личность, а не нечто абстрактное.

Предположим, психиатр говорит суду следующее: «Я могу применять данные ярлыки и другие, похожие на них, в целях определения диагноза и

лечения, но я не могу применять их в правовых целях, в целях выделения границ института уголовного наказания, в чем на самом деле я ничего не смыслю. Вопросы, которые вы передо мной ставите, не относятся к области психиатрии, это скорее вопрос справедливости: кого следует наказывать за их правонарушения, а кого оправдать по причине психического расстройства. Мои профессиональные знания не распространяются на подобного рода вопросы. Тот факт, что вы использовали вариант моего языка, чтобы задать этот вопрос, не означает, что я могу четко ответить на него».

Если суд настаивает на ответе, аргументируя тем, что категория «психических расстройств и отклонений» напрямую относится к области знаний эксперта, то ответ последнего, в свою очередь, может звучать следующим образом: «Я не могу применять данные категории там, где цели, которым они служат, в корне противоречат тому, чем я занимаюсь. Не думаю, что в принципе могу вешать осмысленные ярлыки в случае, когда предполагаемые последствия подразумевают отношение к подсудимому не как к личности, а как к отвлеченному объекту. И даже если в каком-то смысле юридические и медицинские категории, кажется, частично совпадают, всегда существуют пограничные случаи, и чтобы обратиться к ним, я должен насколько возможно полно быть осведомленным о целях, для которых данные категории применяются. Итак, можете ли вы сказать, каковы цели установления невменяемости подсудимого? Либо в связи с тем, что данное разбирательство – одно из многочисленных подобных, не могли бы вы сначала пояснить мне, каковы цели уголовного наказания, а затем уже цели данной защиты?».

Последний вопрос действительно ставит в тупик. Несмотря на то, что каждое государство и, возможно, каждая культура имеют такое понятие, как «уголовное наказание», любой студент юридического факультета знает, что в праве нет вразумительного ответа на вопрос: «Каковы цели уголовного права?».

Мы говорим на языке отпущения (либо расплаты) за содеянное зло; рассуждаем о предотвращении будущих подобных преступлений путем демонстрации обществу участи подсудимого; верим в перерождение самого подсудимого, порой благодаря лечению, которое он получит; говорим о его изоляции, то есть о недопущении совершения им того, что он совершил в этот раз. Однако если задуматься, данные рассуждения и действия не складываются в согласованную программу. Между ними существуют противоречия, возможно, не всегда преодолимые.

Существует обширная пропасть между языками психиатрии и права, и возникает она из-за противоречий между природой этих двух отраслей: между их соответствующими целями и между человеческими отношениями, которые они предполагают и требуют. Данное противоречие усиливается при осознании того факта, что цели уголовного права как таковые не могут быть приведены в состояние гармонии и согласованности.

Как же быть праву? Что касается противоречивости в рамках уголовного права, вероятно, согласованности можно добиться путем отказа от идеи удерживания устрашением от совершения преступления как самоцели (хотя, несомненно, любая система наказания будет иметь элементы устрашения). Что же касается конфликта между языком психиатрии и уго-

ловного права, возможным решением может стать позволение, данное эксперту, говорить о подсудимом, используя терминологию, которая кажется ему наиболее приемлемой. При этом эксперт не обязан заявлять ни о каких правовых выводах, таких, как страдает ли подсудимый какими-либо «психическими расстройствами или отклонениями», и действительно ли «существенно снижена» его «способность оценивать степень опасности своих поступков для общества», и т.д. Хотя даже подобный вариант развития событий вовлекает психиатра в конфликт ролей. Однако тяжелая участь применения доводов защиты к системе наказания, которая сама по себе не может быть рационализирована, ляжет на плечи тех, кому она и должна принадлежать – лиц, решающих вопрос факта. Несомненно, подобное решение неприменимо в любых внутриязыковых конфликтах.

Как видим в случае с признанием подсудимого невменяемым, у психиатра просто нет возможности прямо отвечать на вопросы правового характера, однако было бы ошибкой полагать, что потенциальный вклад психиатра в дело бесполезен. Вопрос для права заключается в том, как осуществить эффективный перевод между этими системами дискурса и человеческой деятельности, осознавая при этом неизбежное искажение смысла.

Как продемонстрировал рассмотренный случай, данное стремление часто ставит юристов перед сложной и интересной проблемой, поскольку утверждения не могут быть просто взяты из одного языка, из социального и культурного контекста, в котором они функционируют, и переброшены в другой. Претерпеваемые изменения чересчур велики. При этом, очевидно, необходимо, чтобы право было способно извлекать выгоду и обучаться новому у других областей знания, других профессий, других систем мышления. Для этого требуется, чтобы в этих случаях, как и во многих других, юрист ознакомился с языком той другой специальности, с которой он столкнулся, и имел хотя бы общее представление о его целях и границах, таким образом, осознавая всю разницу между последними и целями и границами права.

Заключение. Из примера о признании подсудимого невменяемым вытекает другой, более сложный вопрос. Здесь мы видим, что каждая ментальная и языковая система – будь то академическая дисциплина, профессиональная или неформальная речь – имеет свой набор терминов, свою структуру, свои цели, свой социальный и культурный контекст. То есть психиатрия направлена на излечение больного либо максимально возможного улучшения его состояния, ее основной заботой является установление психических нарушений и поиск наиболее подходящего лечения. Право ставит своей первоочередной целью достижение справедливости, и в случае установления факта невменяемости видит своей задачей поиск путей идентификации тех, кого было бы несправедливо наказать. Как специалист в своей сфере психиатр всегда вовлечен в процесс понимания, своего рода толкования пациента, того, что он говорит, чувствует и думает, а затем установления с ним тех профессиональных отношений, которые благоприятно скажутся на его здоровье, будь то беседы, прием лекарственных препаратов или коррекция поведения. Специалисты области права тоже своего рода интерпретаторы, но работают они с другим мате-

риалом. Они постоянно толкуют различные тексты – законы, договоры и т.д. – в контексте определенного набора фактов и стечения обстоятельств. В данном случае текст, толкование которого составляет основную задачу юриста, нормы уголовного законодательства о невменяемости в условиях, обозначенных ранее.

Когда они встречаются в зале судебных заседаний, юрист и психиатр постоянно сталкиваются с двумя конфликтами: конфликтом между языком их профессии и реальностью, с которой они имеют дело, и конфликтом между психиатрией и правом как таковыми, проблема, касающаяся обоих, но в большей мере юриста как «переводчика».

Природа подобных конфликтов подразумевает особый подход к каждому отдельному случаю и совмещение искусства юридического языка и иных языков, требует здравого восприятия границ человеческого разума и известной мудрости.

Intralingual Conflicts of the Legal Language

**A. N. Shepelyov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure, Tambov State Technical University,
Tambov, Russia;
arturtmb@mail.ru**

In the article, the author studies the problem of interaction between the legal language and other professional languages, using the language of psychiatry as an example. In this context particular attention is paid to the lawyer's skills to manage conflict situations that appear between the legal and other languages. The courtroom, in particular, presents a "conflict place". The author poses a question: what happens when it is required of an expert-psychiatrist to give an opinion on criminal sanity of the accused? While modeling the possible further development, it becomes obvious, that there is a huge gap between the language of psychiatry and the legal language, which appears because of the contradictions between the natures of these two fields. In each mental and linguistic system, whether an academic discipline, a professional or informal language, there exist its own set of terms, its own structure, goals, social and cultural context. The author points out that the lawyer and the psychiatrist constantly deal with two conflicts: the conflict between their professional language and the reality, and the conflict between the psychiatry and the law as such. The article notes that the nature of such contradictions requires a special approach to each individual case and combination of the art of legal language and other languages.

Keywords: legal language; law; lawyer; court; professionalism; expert; psychiatry.

© А. Н. Шепелёв, 2021

Статья поступила в редакцию 19.03.2021

При цитировании использовать:

Шепелёв А. Н. Внутриязыковые конфликты юридического языка // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 35 – 40. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.035-040

Раскрываются причины, препятствующие эффективному функционированию российской судебной системы. Проведено междисциплинарное исследование с использованием статистических данных об образовании судей, опыте работы, гендерном составе судейского корпуса. Проанализирован уровень загруженности судей и объем переработок. Рассмотрены статистические данные социологических опросов, касающихся судебной системы России и отношения к ней населения и профессиональных юристов. В ходе исследования сформулирован ряд выводов. Выявлены проблемы, связанные с рекрутингом судей. Установлено, что кузницей судейских кадров становится аппарат судов, то есть «судебная система начинает воспроизводить саму себя». Сформулирована гипотеза, объясняющая особенности «досудебного предубеждения» в российских судах. Выявлено, что чрезмерная загруженность отечественных судов является серьезным препятствием к осуществлению качественного правосудия. Сформулирован вывод о том, что указанные выше причины лежат в основе недостаточной эффективности судопроизводства, препятствуют осуществлению правосудия согласно принципам беспристрастности и независимости.

Ключевые слова: судебная система; статистика; судейский корпус; досудебное предубеждение; рекрутинг судей; гендерный состав.

Владимир Алексеевич Шляпников, ведущий специалист,
Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы
№ 4 по Тамбовской области,
Тамбов, Россия;
shlyapnikovvova@mail.ru

Алексей Николаевич Марченко, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс», ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет», Тамбов, Россия;
alexey_ctk@mail.ru

«А СУДЬИ КТО?..» ИЛИ РОССИЙСКАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СТАТИСТИКА

Введение

Жозеф Эрнест Ренан однажды сказал: «политика подобна пустыне; в ней идут наугад – то на север, то на юг, – просто потому, что надо идти; но никто не знает где добро, где зло». Иосиф Алексеевич Покровский так развил эту мысль: «Мы же думаем, что как для пустыни, так и для политики есть свой компас. Стрелка этого компаса всегда поворачивается к одному пункту – именно к тому, где сводятся свобода и социальная солидарность, и пусть русское общество никогда не сбивается с этого пути» [16, с. 36].

Мы с осторожностью позволим себе транслировать эту мысль на сегодняшнее состояние российского правоприменения, отправляемого государственными судьями. Нам кажется, что таким компасом служат прин-

ципы права, заложенные в идеи демократии, Конституции РФ, процессуальных кодексов РФ. Жирным шрифтом через перечень принципов, заложенных законодателем, как легальным представителем общества, виден принцип свободы.

Одно из важнейших его проявлений приходится на уголовное судопроизводство. Свобода – высшая ценность человеческого общества. Но как показывает правоприменительная практика, судьи по уголовным делам довольно легко идут на крайнюю форму ограничения свободы в виде заключения под стражу. Только за последние полгода в практике российской уголовной юстиции можно обнаружить целую серию дел, где судьи, разрешающие вопрос о содержании подозреваемых под стражей, по преступлениям небольшой и средней тяжести не видят иного выхода, как оградить общество от этих «ужасных преступников» и заключить их в СИЗО. Вполне показательными можно считать процессы в отношении участников известных широкому кругу лиц московских демонстраций. (См.: К. А. Котов, номер дела (*далее* – будут приводиться номера дел по первой инстанции – *прим. авт.*) 01-0300/2019, уникальный идентификатор дела (*далее* – УИД) 77RS0027-01-2019-014577-08; П. Г. Устинов, номер дела 01-0314/2019, УИД 77RS0027-01-2019-015154-23; Д. Ю. Беглец, номер дела 01-0302/2019, УИД 77RS0027-01-2019-014595-51; И. Р. Подкопаев, номер дела 01-0305/2019, УИД 77RS0027-01-2019-014768-17; Е. Д. Коваленко, номер дела 01-0557/2019, УИД 77RS0016-01-2019-020635-71; К. С. Жуков, номер дела 01-0301/2019, УИД 77RS0027-01-2019-014583-87; А. Н. Губайдулин, номер дела 01-0582/2019, УИД 77RS0016-01-2019-021729-87; Э. В. Малышевский, номер дела 01-0361/2019, УИД 77RS0027-01-2019-018359-11). Во всех делах позиция суда, как минимум, спорна. У любого здравомыслящего человека, живущего в XXI веке, может возникнуть вопрос: неужели нельзя было обойтись без таких «средневековых» мер? Российский суд ответил, что без этого ну никак не обойтись. Поддерживаем ли мы позицию, занятую судом или нет? Мы должны учитывать преюдициальную силу судебных решений, в том числе помнить, что отменить (или изменить) решение суда одной инстанции может только суд высшей инстанции при обжаловании решения первого. Все что мы можем сделать со стороны равнодушного к происходящему человека, это говорить про данные процессы, обсуждать их проблемы, анализировать причины и следствия произошедшего. И, через некоторое количество дискуссий и времени, право и общество дадут взвешенную оценку произошедшему и сделают правильные выводы.

Продолжая разговор о несовершенстве решений российских судей общей юрисдикции, в частности уголовной юстиции, никогда нельзя забывать одну из самых позорных страниц истории современной судебной власти, так называемое «дело Магницкого» (Сергей Леонидович Магнитский – управляющий партнер и глава подразделения по налоговым консультациям консалтинговой компании Firestone Duncan, налоговый и юридический консультант инвестиционного фонда Hermitage Capital Management, арестованный в 2008 г. и скончавшийся в СИЗО «Матросская тишина» в 2009 г.). В этом деле Тверской суд Москвы показал свою худ-

шую сторону. Несмотря на колоссальное количество жалоб на условия содержания в СИЗО от стороны защиты, суд абсолютно их проигнорировал. Это привело к огромной трагедии, что сильно подорвало авторитет судебной власти в России. Несколько позже, двое судей, принимавших решения по делу, были признаны ЕСПЧ повинными в нарушении прав человека и внесены в «список Магницкого». Уголовное преследование с различными иными формами ограничения свободы – правило для российского уголовного суда. Происходит это, по-видимому, из-за занижения бремени доказывания необходимости таких мер для стороны, осуществляющей преследование.

Основная часть

Напротив, в гражданских делах в определенных вопросах практика проявляет огромное упорство, что приводит к невозможности доказать суду нарушение субъективного права. Так происходило с практикой о взыскании убытков со стороны неисполнившей или ненадлежащим образом исполнившей обязательство. В юридическом сообществе сложился стереотип, что взыскать убытки в форме упущенной выгоды невозможно, а любые попытки это сделать не более чем «борьба с ветряными мельницами». А. В. Томсинов, рассуждая над этой проблемой, пишет: «Практика идет по пути презумпции недобросовестности истца, т.е. предполагается, что все истцы заключают договоры без возможности их исполнить либо утрачивают эту возможность к моменту нарушения со стороны ответчика» [24, с. 92]. Если ранее мы предположили, что проблема такого легкого ограничения свободы человека может состоять в занижении бремени доказывания для обвинителя, то здесь, напротив, происходит явное завышение бремени доказывания для истца.

Как верно в одном из своих публичных выступлений отмечает А. Г. Карапетов, что это как минимум несправедливо. Ведь в одном случае перед судом стоит вопрос свободы человека, состояния его морального духа, чести, достоинства, и судья без затруднений принимает решение в виде ограничения свободы. В другом случае, суд испытывает настолько серьезные сомнения в доказательствах истца; в том, что право истца действительно нарушено, что ответчик не должен претерпевать никакие негативные последствия своего поведения, пока истец не докажет размер упущенной выгоды «до последней копейки». Хотя, казалось бы, речь в споре идет только об имущественном состоянии сторон.

Возникает вопрос: чем можно объяснить такие подходы судов к спорам? Почему в одном случае суды не стесняются употреблять свою судебную власть и радикально разрешить возникший перед ними вопрос, а в другом, с завидным упорством этого не делают. Причем последствия первого радикального разрешения намного серьезней и опасней для общества и индивида, чем последствия второго.

Вероятно, объяснение этого можно найти в определенных междисциплинарных эмпирических исследованиях, в личности судьи как представителя судебной власти. Попробуем выделить наиболее популярные аргументы, объясняющие решения российских судей:

- 1) российским судьям не хватает правового образования;
- 2) существует непрозрачная система рекрутинга судей;
- 3) судьи в России не заслуживают доверия населения, их решения несправедливы, у них заранее сформировано предубеждение по поводу исхода дела;
- 4) судьи перегружены, им не хватает времени на то, чтобы уделить достаточное внимание каждому делу и в действительности разобраться в его обстоятельствах;
- 5) встречаются даже такие – 2/3 состава судейского корпуса в РФ являются женщинами, из-за этого качество правосудия несколько страдает.

Насколько данные аргументы состоятельны? Попробуем кратко поговорить про каждый из них.

1. Отвечая на вопрос: где учились российские судьи, и что не так с их образованием, обратимся к статистике. По данным Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации (*далее* – ВС РФ) за 2018 г. (Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2018 г.: утвержден Решением коллегии Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации от 26 марта 2019 г. № 3/1-кзд) в России работают около 34 тыс. судей, в составе 10 тыс. судов. Некоторые из них начинали свою профессиональную деятельность еще в другом государстве, с другими социально-экономическими и политическими условиями. Конечно, с принятием ФЗ «О статусе судей» (О статусе судей в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.06.1992 № 3132-1), ст. 11 которого устанавливает предельный возраст нахождения в должности судьи в 70 лет, число таких судей сокращается. Однако вполне уместно говорить, что определенные проблемы российской судебной системы перекочевали к нам из советской. Поэтому, прежде чем перейти к диагностике состояния нынешнего судейского корпуса, постараемся вспомнить его историю.

В Советском Союзе существовал определенный стандарт отбора судей. Во-первых, кандидат, претендующий на судейскую должность, должен быть выходцем из трудящихся классов. Во-вторых, членом партии. В-третьих, кандидат должен быть лоялен к установившейся советской власти и достижениям Октябрьской революции. В-четвертых, до 60-х гг. XX века в советском государстве господствовала идея непрофессионального народного суда. Все это, по замечанию профессора университета Торонто Питера Соломона, приводило к тому, что советская юстиция ощущала недостаток лиц с высшим юридическим образованием [23, 30, 31]. К 1923 г. судебный состав народных судей по качеству образования был таким: высшее образование имели 10 % судей, из которых 8,1 % окончили юридические факультеты; среднее – 17,5 %, низшее 72,5 % [10]. К 1935 г. ситуация сложилась следующая: низшее образование было у 65,2 % членов областных судов и 48,5 % народных судей. Среднее образование имели 48,3 % народных судей (стоит оговориться, что получали его, как правило, на областных юридических курсах). Высшее образование было у 12,3 % членов областных судов и 3,4 % народных судей. При этом интерес к получению юридического образования в СССР постоянно рос, если на 1940/41 учебный год в Московском юридическом институте насчиты-

валось 840 студентов, то к 1944/45 их уже было 1800, и это несмотря на войну. Как отмечают авторы социологического исследования «Российские судьи», на конец войны в 27 филиалах Всесоюзного заочного юридического института обучалось более 10 тыс. человек [2, с. 79]. К 1962/63 учебному году в Советском Союзе было 46,6 тыс. студентов юридических факультетов, среди них приблизительно 70 % обучалось заочно и 15 % на вечерних отделениях [27, с. 10]. Согласно статистике, в 1960 г. – 73,9 % судей имели высшее юридическое образование, в 1970 г. – 89,3 %, к концу 1980-х среди судей у 99,9 % было высшее юридическое образование [2, с. 80]. Однако даже к концу 1980-х гг. не существовало нормативного требования к уровню образования судьи. Такое требование появилось только в 1992 г.

Статья 4 (пп. 1 п.1) принятого в 1992 году Закона РФ «О статусе судей» требует от кандидата на должность судьи наличие высшего юридического образования (причем, в ред. ФЗ от 06.04.2015 № 69-ФЗ, требование расширено в связи с переходом РФ на многоступенчатую форму высшего образования; теперь кандидат должен иметь высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция»). Такое требование окончательно покончило с советской идеей непрофессионального народного суда. Согласно новому видению юридического ученого и профессионального сообщества, повышенные требования к уровню квалификации претендента на должность судьи объясняются необходимостью углубленного и продолжительного по времени изучения кандидатом различных отраслей права [9]. Так что же с качеством образования судей в современной России? Как выяснилось, на основе статистических данных, в СССР юридическое образование получали, по преимуществу, заочно. В 1960 – 1970 гг. 38 % выпускников юридических вузов получали очное образование, 62 % – заочное [2, с. 82]. В современной России картина изменилась не сильно, число судей, обучавшихся на дневном отделении (очная форма), около 45 %, на вечернем – около 10 %, на заочном – около 44 %, на ускоренной форме обучения – около 1 %. При этом число судей, обучавшихся в классических университетах, 69 %, специализированных юридических вузах – 23 %, юридических факультетах отраслевых университетов – 8 %. Очевидно, что доли действующих российских судей, получивших очное и заочное образование, приблизительно равны.

Можно ли, основываясь только на представленных статистических данных, сделать вывод о качестве образования российских судей? Конечно, нет, этот вопрос требует дальнейшего комплексного, глубокого и всестороннего исследования. Да, может напрашиваться определенный вывод – проблемы российской судебной системы в том, что судьи чего-то не получили. Может быть не получили общие научные знания по философии, этике, логике, истории, общей теории права. Конечно, вывод напрашивается, но принимать его за истину никак нельзя. Ведь только высшего образования мало для того, чтобы стать судьей, помимо него кандидат в судьи должен отработать в юриспруденции как минимум 5 лет и сдать экзамен

на должность. И хотелось бы верить, что эти барьеры могут отсеять тех кандидатов, которые чего-то не доучили.

А где и как учатся судьи в других странах? Для ответа на этот вопрос попробуем кратко охарактеризовать образование судей в рамках системы общего права и в рамках системы континентального права на примере Германии.

Страны общего права показывают, что получение юридического образования в них нередко сопровождается получением степени в какой-то другой науке. Причем, юридическое образование, как правило, начинается после получения неюридического диплома бакалавра. Курс чисто юридического образования может быть расширен за счет получения дополнительного образования в области инженерных наук, медицины, экономики или гуманитарного профиля. Таким образом, продолжительность обучения может быть увеличена с трех-четырёх лет до пяти-шести. Профессиональная карьера после завершения обучения предполагает движение от низовых должностей в прокуратуре или частной юридической фирме через представительство в суде к должности судьи. Юридическое образование в странах общего права сильно иерархизировано. Например, на позициях федеральных судей и судей Верховного суда США преобладают выпускники всего нескольких университетов, при этом Гарвард поставляет самое большое количество будущих судей Верховного суда США [2, с. 78]. Должность судьи вообще является вершиной юридической карьеры в странах общего права. Поэтому кандидат на должность судьи должен быть известен своей положительной репутацией, доказать свою честность, принципиальность, знание законов долгой юридической практикой. Из-за этого судьи в странах общего права, как правило, старше 40 лет.

Германия представляет другую систему получения образования – студенты учатся по стандартным образовательным программам, подготовка профессионального юриста занимает до 10 лет и состоит из обучения в университете и практики в нескольких организациях, требующих правовых компетенций. Обычно, на пути к квалификационному экзамену будущий юрист (Einheitsjurist) получает опыт работы в прокуратуре, суде на секретарских должностях, частной фирме и органах государственного управления. Необходимым условием доступа к экзамену является наличие разнообразного практического опыта. В случае успешной сдачи экзамена молодые юристы выбирают профессиональный путь, причем они могут сразу отправиться в судейские органы или, например, работать юристами в любых других организациях [29, с. 269 – 294]. В системе немецкого юридического образования большой упор делается на приобретение навыков судейства, которые позволяют усвоить принципы и способы принятия решений судьями. На самом квалификационном экзамене большая роль отводится решению судейских задач в противовес проблемам, которые могут встать перед корпоративным юристом или государственным служащим [29, с. 272].

Далее рассмотрим, насколько отличается механизм формирования судебного корпуса нашей страны от европейского.

2. Судебная система современной России, к счастью, не платяной шкаф, ведущий в Нарнию, открыв который можно погрузиться в неиз-

вестный сказочный мир. Она построена в строгом соответствии с законом и призвана выполнять в обществе, построенном на принципах системы разделения властей, особую роль.

Поэтому мы можем и даже должны изучать структуру судебной системы, ее состав, принципы и нормы закона, на основе которых система функционирует. Из-за этого у каждого интересующегося, образованного человека возникает несколько логичных вопросов. Кто наши судьи, как они стали судьями? Где они работали до того, как стали судьями? Какую ответственность несут судьи за свои решения?

Начнем с первого вопроса. Согласно закону (О статусе судей в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.06.1992 № 3132-1) для того, чтобы стать судьей кандидат должен иметь высшее юридическое образование (специалитет или бакалавриат + магистратура), гражданство РФ, не иметь судимостей, быть дееспособным, психически здоровым, не иметь заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи. Также в зависимости от уровня суда, к кандидату предъявляются разные требования по возрасту и стажу. Так, для судей арбитражного суда субъекта, конституционного (уставного) суда субъекта, районного суда, гарнизонного военного суда, мирового суда необходим возраст не менее 25 лет, стаж работы в области юриспруденции не менее 5 лет. Для судей кассационного суда общей юрисдикции, апелляционного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, арбитражного суда округа, арбитражного апелляционного суда, специализированного арбитражного суда возраст не менее 30 лет, стаж не менее 7 лет. Для судей Верховного суда РФ – возраст не менее 35 лет, стаж не менее 10 лет. Для судей Конституционного суда РФ – возраст не менее 40 лет, стаж не менее 15 лет.

Для того чтобы стать судьей, кандидату необходимо пройти конкурсный отбор на открытую в Квалификационной коллегии судей (*далее* – ККС) вакансию. Она открывается по сообщению председателя суда, в котором есть соответствующая должность. После конкурсного отбора кандидат сдает квалификационный экзамен, в случае успешной сдачи которого он может обратиться с заявлением о замещении вакантной должности. Судейскими полномочиями в РФ наделяет Президент, после чего судья с помощью определенной в законе (ст. 8 Закона «О статусе судей») процедуры принимает присягу. Дальнейшее поведение судьи контролирует квалификационная коллегия соответствующего уровня и(или) субъекта федерации. Порядок их функционирования урегулирован в ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ» (Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ). Процедуру приобретения статуса судьи можно представить в следующем виде: председатель суда сообщает об открытии вакансий в Квалификационную коллегия судей – коллегия объявляет о конкурсе в СМИ – кандидат подает заявку и документы на сдачу экзамена – кандидат подает документы в квалифколлегия – квалифколлегия проверяет документы, отсутствие судимости и вменяемость, оценивает характеристики по работе, проводит

собеседование – квалифколлегия дает рекомендацию – председатель ВС РФ выносит представление на имя Президента – Президент подписывает указ, наделяющий судью статусом и полномочиями.

Так должно быть по закону, но реальность, как иногда бывает, немного от этого отличается. В одном из своих интервью [1], заместитель председателя Конституционного суда РФ в отставке, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Тамара Георгиевна Морщакова отмечает, что решающую роль при отборе судей играет не Квалификационная коллегия судей, а председатель суда и представители исполнительной власти в администрации Президента. Председатель суда, как правило, заранее формирует кадровый резерв и подбирает себе людей, приглашает потенциальных кандидатов к себе на неформальное собеседование и определяет, сможет ли он с ними сработаться. Далее схема получения должности судьи, приведенная выше, несколько деформируется. На этапе подачи документов кандидатом, председатель поддерживает своего кандидата в квалифколлегии. Как отмечается в исследовании Института проблем правоприменения [5] (*далее* – ИПП), квалифколлегия в 96 % случаев утверждает кандидата, которого рекомендовал председатель суда. Если же глава суда отстранился от рекомендаций и оставил все на усмотрение коллегии, то она дает добро какому-либо кандидату лишь в 37 % случаев. Позже схема еще деформируется, после получения рекомендации квалифколлегии, кандидатов начинает рассматривать кадровая Комиссия по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов при Президенте РФ. Она принимает итоговое решение по кандидатам. Согласно отчетам [13], заседания комиссии проходят ежемесячно и на них рассматривается около 300 заявок за раз. Кадровики проводят собственную проверку судей, оценивают их лояльность, биографию, предыдущий опыт работы, а после готовят документы для направления на подпись Президента РФ. К сожалению, регламента работы Кадровой комиссии по рассмотрению данных вопросов я не нашел, как не нашли их и журналисты, освещавшие эту проблему в СМИ [21].

Отметим, что наряду с формальной, урегулированной законом процедурой назначения судей на должность соседствует иная, административная. Поэтому, даже если кандидат прошел формальную процедуру, это еще не значит, что он станет судьей. Согласно оценкам проекта журналистов, при проведении административной процедуры отклоняют более 30 % кандидатур.

Да, мы выяснили, какие существуют (формальны и иные) процедуры для отбора судей, но ведь мы знаем, что для занятия должности судьи необходим как минимум пятилетний стаж работы в юриспруденции. Выяснить, где до приобретения статуса работали российские судьи мы будем с помощью журналистского проекта «Госкорпорация “Правосудие”». Часть вторая. Исследование о том, кто в России судьи» [21]. Согласно пояснениям «Проекта», для этого была изучена биография 1000 российских судей. Что же получилось по цифрам? 84 % судей имеют непосредственное отношение к органам исполнительной власти (работники аппарата судов, прокуратуры и МВД). За период с 2015 по 2019 гг. из госсектора набрали

93 % судей, среди адвокатов – 2 %. У 62 % тех, кто пришел из аппарата суда, он был единственным местом работы. Выходцев из адвокатуры рекрутировано в судьи – 1,3 тыс. человек, прокуратуры – 7,1 тыс. человек, аппарата суда – 13,3 тыс. человек. При этом 58 % судей, специализирующихся на уголовных делах, бывшие сотрудники органов охраны правопорядка.

Что же в «сухом остатке»? Получается, что судей подбирает профессиональное судейское сообщество, работу из них получают, как правило, те кандидаты, которых рекомендовал председатель суда, в котором открыта вакансия, а также лица, осуществляющие административную процедуру отбора. Прежним местом работы судей, в большинстве случаев, был госсектор. При этом за последние годы кузницей судейских кадров становится аппарат суда, то есть можно предположить, что судебная система начинает воспроизводить саму себя. Плохо это или хорошо – покажет время.

3. Индикатором справедливости судебной системы как целого организма независимой ветви власти, так или иначе, выступает общественное мнение по вопросу о том, готовы ли граждане доверить судье разрешить их жизненно важную проблему. По этому поводу имеется достаточное количество социологических исследований, к одному из которых мы и обратимся [22]. Почему выбор пал именно на это социологический опрос? Все довольно просто: результаты исследования репрезентативны, доступ к ним упрощен до наличия смартфона или компьютера с доступом в Интернет, любой сомневающийся или может быть заинтересовавшийся читатель статьи может найти и скачать результаты этого опроса. И, да, он самый актуальный (2018 г.) из всех, находящихся в публичном доступе на момент написания статьи.

Согласно результатам этого исследования, 46 % россиян-респондентов полагают, что суды часто выносят несправедливые приговоры, тогда как 27 % думают, что такие приговоры выносятся редко. Считают, что районные суды при принятии решений чаще всего руководствуются законом – 52 %; мнением обвинения, прокуратуры – 26 %; указаниями вышестоящих инстанций – 21 % (по России), – 33 % (по Москве). Следует отметить, что у судов присяжных в стране довольно хорошая репутация – 62 % россиян полагают, что они заслуживают не меньшего доверия, чем обычные суды.

Что же касается проблемы досудебного предубеждения относительно вопроса факта или исхода дела, то ее диагностирование – очень сложная задача, и даже если она достигнет успеха в конкретных случаях, экстраполировать результаты на всю систему категорически нельзя. Воспользуемся не совсем научным методом, просмотрим наиболее резонансные случаи упоминания об этой проблеме в СМИ. Феномену досудебного предубеждения в профессиональной среде России уделяется не так много внимания, как скажем, в США [6].

Да, в последние несколько лет в российских СМИ появляются сообщения о том, что на судей оказывается определенное давление, для того чтобы они приняли удобное для кого-то решение.

Так, в 2003 г. одна из судей Мосгорсуда жаловалась на председателя суда, которая, по ее словам, отчитывала ее с подачи Генпрокуратуры за решение, вынесенное против следователя МВД [4].

В 2005 г. референт Управления Президента по кадровым вопросам пришел на прием к зампреду Высшего арбитражного суда, с просьбой об отмене определения по делу «Тольяттиазота» [3].

В 2011 г. о давлении со стороны главы Ингушетии заявил зампред суда Верховного суда республики [3].

В 2012 г. Брянский совет судей заявил о давлении со стороны кандидата в губернаторы, которого сняли с выборов за допущенные нарушения [15]. При этом дело дошло до Верховного суда РФ, который решение Брянского суда отменил, а кандидата восстановил. Сама же история с ВС РФ приняла удивительный оборот: небезызвестный депутат Госдумы РФ объявила о восстановлении кандидата за несколько часов до вынесения решения об этом Верховным судом [3]. Позже председателя Брянского областного суда, при котором произошла эта история, не перевыбрали на новый срок, а судью, снявшую с выборов губернатора, не допустили до должности зампреда [17].

Тогда же в 2012 г. зампред Волгоградского областного суда критиковал жесткий контроль со стороны главы суда в связи с делом о взятке и вымогательстве начальника ОВД [18].

В 2013 г. судьи Двадцатого арбитражного апелляционного суда (Тула) жаловались на давление со стороны руководства; 15 из 19 судей обратились к председателю Высшей квалификационной коллегии судей РФ и председателю Совета судей России с жалобой на оказание давления со стороны председателя суда и требованием о досрочном прекращении ее полномочий.

В том же 2013 г. судье Верховного суда Чечни звонило лицо, представившееся министром внутренних дел республики. Этот человек заявил, что уверен в виновности подсудимого по делу об убийстве полицейского и предостерег от оправдательного вердикта.

В 2014 г. губернатор Кемеровской области направил председателю арбитражного суда Кемеровской области письмо, в котором просил последнего «лично вникнуть в ситуацию», принять по «обозначенным вопросам соответствующие меры» и «сообщить о принятых мерах до 5 февраля 2014 г.» [14]. Куда сообщать губернатор не уточнил, но можно догадаться, ведь на документе стоит виза администрации Кемеровской области и есть личная подпись губернатора. Поэтому председателю арбитражного суда, наверняка, нужно было отчитаться в местную администрацию.

В 2017 г. судья Девятого арбитражного апелляционного суда жаловалась на давление со стороны руководства суда [19].

В 2018 г. пять судей Центрального районного суда Челябинска жаловались на действия председателя суда, они заявили о двойных стандартах отношения к судьям и аппарату суда, оказываемом давлении при рассмотрении дел, оскорблениях и унижениях со стороны председателя.

В том же 2018 г. судьи Воронежского областного суда сообщили о давлении на них при принятии решений, навязывании им решений со стороны заместителя председателя суда [19].

В 2019 г. на председателя своего суда жаловался судья Верховного суда Крыма, сообщив, что первый настоятельно рекомендует отказывать в передаче кассационных жалоб на рассмотрение президиума суда «в обмен на обещания не считать браком в работе при несогласии с этими решениями Верховного суда РФ» [19].

В том же 2019 г. судья Волжского городского суда дала интервью, в котором критиковала председателя областного суда за вмешательство в отправлении правосудия и требования выносить решения в ущерб подсудимым.

Описанные выше информационные сообщения СМИ показывают на некоторое внешнее давление, вызывающее и(или) пытающееся вызвать досудебное предубеждение судьи относительно исхода дела. Но есть сообщения и другого вида.

Так в 2016 г. административный истец случайно записал на диктофон разговор судьи Октябрьского районного суда г. Тамбова с неким человеком [3]. Суть дела заключалась в том, что одна из оппозиционных партий подала иск о фальсификациях на выборах 2016 г. И, судья, удалив всех из зала, для того чтобы принять решение по делу, позвонила некому человеку и согласовывала с ним позицию по данному делу, а конкретно как лучше отказать в иске административному истцу. Сам истец небезосновательно мог полагать, что этим человеком был судья Тамбовского областного суда. Да, кстати, в иске административному истцу суд первой инстанции отказал, а областной суд решение оставил в силе.

Другой случай с диктофоном также произошел в 2016 г. Гражданские активисты производили съемку пустыря, находящегося возле Раменского отдела полиции в Москве, который почему-то был обнесен забором и оборудован под парковку. К ним подошли сотрудники полиции с просьбой прекратить съемку, а получив отказ, задержали активистов. В сумке одного из них оказался включенный диктофон, который и записал разговор в кабинете судьи Раменского суда. В разговоре полицейский обсуждает, как выкрасть у активиста копию неправильно составленного протокола о задержании и подбросить что-то в сумку. А другой голос сетует, что не может найти оснований привлечь активиста. Поэтому, чтобы была видимость хоть каких-то «доказательств», полицейские получают определенные инструкции. Как итог, активистов арестовали на несколько суток.

Но самые необъяснимые события происходили в Пермском крае в 2012–2013 гг. Некий Сергей Давыдов звонил судьям Пермского края, представляясь высокопоставленным лицом, как правило, зампредом Пермского краевого суда, и давал указания судьям по конкретным делам. Любопытно, но по оценкам журналистов восемь из 18 судей выполнили просьбу С. Давыдова.

Какую-либо закономерность из этих урывочных сообщений проследить сложно, однако можно попробовать выделить наиболее общие проблемы, с которыми столкнулись судьи, и которые могли оказать влияние на предубеждение судьи относительно исхода дела.

Итак, можно выдвинуть гипотезу, что на досудебное предубеждение судьи влияют: руководители судов, представители органов исполнитель-

ной власти, представители политических партий, и иные раздражители (в виде хороших отношений судьи с полицией, прокуратурой, желанием угодить руководству).

Почему же мы не обсуждаем вопрос влияния СМИ, личности судьи, его социального происхождения на досудебное предубеждение, как это, например, делается в США? Представляется, что наш правопорядок должен для начала решить другую важную проблему, а именно, сделать судей более независимыми от внешних факторов давления и призвать их также независимо мыслить. Для справки, согласно социологическим исследованиям, мнение общества волнует лишь 33 % судей, 86 % больше волнует мнение своего руководства – куратора, 83 % коллег-судей, 78 % – председателя суда [2, с. 168]. Только 17 % судей считают, что председатель суда не должен помогать им разбираться в сложных спорах.

4. Тезис о том, что российские судьи перегружены и из-за этого понижается качество правосудия, возник уже давно. А. Г. Карапетов в одной из своих книг [8] приводит пример исследования Д. Канемана, который пишет: «одно недавнее исследование показало, что процент вероятности удовлетворения ходатайства об условно-досрочном освобождении израильскими судьями в значительной степени зависел от усталости судьи. После каждого перерыва процент удовлетворенных ходатайств резко возрастает (до 65 %), так как судьи имеют жизненные ресурсы для того, чтобы сконцентрироваться на вопросе и вынести наиболее взвешенное решение. Но далее по мере накопления усталости судье оказывается проще полагаться на базовую, действующую по умолчанию модель поведения и отказывать в освобождении, и в итоге вероятность освобождения спускается практически до нуля. После перерыва и отдыха эта динамика повторяется [7].

Не хочется вдаваться в обсуждение влияния нагрузки на решение судей, представляется, что это тема отдельного исследования. Мы же поговорим о количестве судебных разбирательств и попробуем представить, может ли судебная система обеспечить их качество, исходя из количества.

Согласно исследованию, основанному на данных Судебного департамента РФ, в 2018 г. суды общей юрисдикции рассмотрели 38 млн дел, материалов и жалоб. Арбитражные суды рассмотрели около 2,3 миллионов дел (1 907 737 дел – арбитражные суды субъектов РФ, из них в порядке упрощенного производства – 633 536 дел; 323 802 дела – арбитражные апелляционные суды; 106 036 дел – арбитражные суды округов (кассация); 741 дело – суд по интеллектуальным правам, в качестве первой инстанции; 1391 дело – суд по интеллектуальным правам в качестве кассационной инстанции).

По отчету Судебного департамента РФ за 2018 год (Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2018 год: утвержден Решением коллегии Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации от 26 марта 2019 г. № 3/1-кзд), в системе общей юрисдикции задействовано около 30 000 судей (из них 748 – в военных судах; 111 – в Верховном суде РФ); в арбитражных судах – около 3800 судей.

Строго математически из учета, что в 2018 г. было 247 рабочих дней при пятидневной рабочей неделе, каждый судья системы общей юрисдикции должен рассматривать около пяти дел в день (38 млн дел / 30 тыс. судей / 247 раб. дн.); каждый судья системы арбитражных судов около 2,5 дел (2,3 млн дел / 3800 судей / 247 раб. дн.). Кажется, что в принципе, строго математически это возможно и судебная система совсем не перегружена. Притом, что больше половины дел, рассмотренных в системе общей юрисдикции, приходится на взыскание долгов, платы за жилье, налогов, штрафов, а также вопросов заключения под стражу и следственных действий, то есть дел, где, как правило, судьи разрешают вопрос без спора по существу. В системе арбитражных судов в порядке упрощенного производства рассматривается около 28 % дел.

Но, подобная модель не учитывает реальную нагрузку судей, так как дела не разрешаются в одно судебное заседание, а, как правило, растягиваются на весь срок, который отведен на их рассмотрение процессуальным законом. Так, для судов, рассматривающих дела по первой инстанции системы арбитражных судов, срок – не более шести месяцев со дня поступления заявления в суд (до реформы было – не более трех месяцев), ст. 152 АПК РФ; системы судов общей юрисдикции – до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд (системы мировых судов – до истечения месяца со дня принятия заявления к производству), ст. 154 ГПК РФ; при рассмотрении административных дел – до истечения двух месяцев со дня поступления административного искового заявления в суд (для ВС РФ до истечения трех месяцев), ст. 141 КАС РФ. При этом судьи стараются не нарушать данный срок, поскольку они несут дисциплинарную ответственность в случае, если переходят его границу.

Недавнее исследование Высшей школы экономики показало, что только нагрузка 24 % российских судей соответствует норме, 62 % перерабатывают более чем вдвое, 5 % перерабатывают более чем в 5 раз. За норму принимался рабочий день, равный 8 часам.

Адаптируются судьи к этому по-разному. По оценкам социологов 77 % судей несколько раз в неделю задерживаются на работе или берут ее домой [2, с. 184]. Также судьи, упрощая себе работу, используют «копи-паст» с носителей информации, предоставляемых следователями и прокурорами, сокращают время процесса и торопятся изготовить судебное решение по отработанному шаблону, предпочитают стимулировать упрощенное производство и «особый порядок», принимают ту позицию стороны, которая с наибольшей вероятностью устоит при обжаловании.

Получается, что обозначенная проблема перегруженности судей присутствует в судебной системе России, судьям действительно не хватает времени на качественное ведение дел, они перерабатывают. Проблеме нужно уделить должное внимание и попытаться решить ее для улучшения нашего правосудия. Ответа на вопрос – как это можно сделать, у меня пока нет. Возможно, стоит увеличить численность судей, а может быть усовершенствовать досудебные примирительные процедуры, совершенствовать медиацию, третейское разбирательство, устранить сутяжничество по-

вышением госпошлины и т.п. Пока мы можем констатировать лишь одно – вопрос требует дальнейшего исследования.

5. Разберемся с неоднозначным вопросом судьи-женщины. Да, действительно, крылатое выражение «Мужчины с Марса, женщины с Венеры», введенное в оборот одноименной книгой-бестселлером психолога Джона Грэя, настраивает на то, что разные гендеры мыслят по-разному, руководствуются разными мотивами при принятии решений.

Но имеет ли значение пол судьи для судебной системы? И какое сочетание мужчин и женщин, имеющих судейский статус в России и в мире?

В последнее время профессиональное юридическое сообщество в лице ученых и практиков стало замечать постоянно увеличивающуюся количественную долю женщин среди российских судей. Социологами отмечается, что 2/3 судейского корпуса в России составляют женщины [2, с. 87]. При этом пропорция довольно устойчивая, согласно проведенному в 2014 г. исследованию, доля женщин-судей составляет около 65 % от общего числа судей. Объясняется это несколькими факторами.

Во-первых, саморазвитие судебной системы привело к тому, что в 1990-е гг. из-за ряда потрясений мужчины стали покидать профессию. В основном этот процесс запустила инфляция. Да, судебная реформа 1991–1992 гг. принесла в профессию судьи хороший заработок, но его на протяжении всего десятилетия «съедала» инфляция, и к концу века все завоевания судебной реформы в части высокого оклада были утеряны. Поэтому мужчин престал устраивать должностной доход, они начали искать более выгодные сферы занятости. А женщины, напротив, предпочитали более стабильную государственную службу в судебной системе, пусть и за меньшие деньги.

Во-вторых, согласно социологическим исследованиям [29, с. 375], женщины не стремятся начинать карьеру в тех отраслях права, где возможно давление по половому признаку, поэтому они стремятся получить работу, отбор на которую гендерно нейтрален. Последствия этого в том, что уже на этапе отбора в кандидаты на должность судьи оказывается больше женщин.

В-третьих, в 2000 г. в России заработала мировая юстиция, вакансии в которой снова стали в большем количестве заполняться женщинами. Вызывали это те же причины – относительно невысокий доход и большая нагрузка при стабильности заработка и социальных гарантий.

Также в исследовании 2014 г. можно найти другую, любопытную статистику. По мере возрастания конкуренции и ответственности, при переходе по подсудности на следующий уровень судебной системы доля женщин-судей падает. Так, соотношение женщины/мужчины в мировых судах 70 / 30 %, районных – 65 / 35 %, в судах субъекта федерации – 57 / 43 %, в Верховном суде РФ 36 / 64 % [2, с. 90] (для сравнения: доля женщин в судах первой инстанции в 1990 г. – 44 %, в областных и республиканских – 37 % [11]).

Что же касается карьерного роста женщин внутри одного суда, то статистика показывает его слабую перспективу. Несмотря на то что женщины

превалируют в судах, опыт руководства судом был только у 17 % из них, при этом у мужчин этот показатель равен 22 %. Поэтому говорить о так называемой феминизации судебной профессии в России, теме, безусловно, популярной в последние годы, мне кажется преждевременным.

Да, конечно, пытливым исследователем должен задать следующий вопрос, – какое соотношение мужчин и женщин в других странах и их юрисдикциях?

Ответ на него построим вокруг судей-женщин в системе общего права, континентального права и немного взглянем на бывшие социалистические страны, в частности Польшу.

В исследовании Международной ассоциации юристов (International Bar Association) показывается, что представленность женщин в судебной профессии в мире в среднем не превышает 25 % и сильно зависит от страны [29, с. 177]. Так, в странах общего права профессия судьи считается вершиной профессиональной карьеры, на нее претендует много мужчин, она престижна, поэтому из-за очень высокой конкуренции женщины мало представлены в судебском корпусе. К тому же существует высокий профессиональный ценз, кандидат должен иметь значительный опыт работы адвокатом, прокурором. Согласно данным UNECE [20], женщин-судей в Канаде – 24 %, Великобритании – 29 %, США – около 30 %.

В странах континентального права судейство, – обычно, карьерный выбор на самых ранних стадиях профессионального пути юриста. Престиж профессии судьи заметно ниже, чем в странах общего права, специализация выбирается на ранних этапах профессиональной подготовки, в процессе сдачи квалификационного экзамена по праву [28]. Судейская должность более привлекательна для женщин, чем для мужчин по следующим причинам. После получения высокого результата на экзамене мужчины, как правило, стремятся в адвокатуру, ослабляя конкуренцию за должность судьи, поэтому женщины, сдавшие экзамен с таким же высоким результатом, имеют больше шансов ее получить. Вдобавок, женщины привлекают условия труда, недоступные в частной практике, с возможностью гибкого рабочего графика, относительно высокой заработной платой, оплачиваемым отпуском по уходу за ребенком. Исследования немецких судей показали, что женщины-судьи более консервативны, чем мужчины, являются выходцами из более высоких социальных слоев, более послушны и менее конкурентны. Доля женщин-судей в Германии – 44 %, Франции – 62 %, Нидерландах – 65 %, Швеции – 52 %, Испании – 53 %, Италии – 49 % [20].

В бывших социалистических странах профессия судьи на протяжении долгого времени была малопрестижной, с высокой нагрузкой и небольшой зарплатой, хотя и стабильной. А провозглашенное во второй четверти XX в. гендерное равенство привело в профессию судьи много женщин. Значительная часть из них стала занимать должность судей. Так, в Польше в 1968 г. женщин среди судей – 33 %, к 1980 г. доля женщин-судей – 49 %, 1985 г. – уже 52 %, 1990 – около 62 % [2, с. 89]. Польский социолог М. Фушара, освещая эту проблему, подчеркивает, что стремительное изменение в пропорции в пользу слабого пола происходит в переходный

период, в момент, когда существенно возросла нагрузка на судей, в результате политических и экономических перемен, но на низком уровне осталась оплата труда. В то время как мужчины стали заниматься частной практикой, женщинам остались позиции в государственных органах. Сейчас ситуация в бывших социалистических странах такая: в Венгрии доля женщин-судей – 69 %, Польше – 63 %, Беларуси – 58 %, Латвии – 79 %.

Резюмируя, хочется сказать, что, конечно, пол (гендер) судьи, на мой взгляд, не имеет никакого значения для судебной системы в целом и конкретного суда в частности. Он лишь служит индикатором различных побочных вещей, проявляющихся в праве, вроде престижа профессии, ее доступности, нагрузки, доходности и т.п. По большому счету не имеет никакого значения кто судья – мужчина или женщина. Считаю нужным напомнить юристам в целом, а сильному полу среди них в частности, что не стоит забывать о Фемиде и Юстиции, греческой и римской богинях – женщинах, давших олицетворение и символику нашей профессии. Таким образом, резюмируя, – критика судебной системы по половому признаку явно не состоятельна.

Заключение

Попытка объяснить решения российских судов с помощью статистических данных и социологических исследований навела на определенные выводы.

По качеству образования судьи в судах РФ держат приблизительно равный паритет очного и заочного образования. При этом большая часть судей училась в классических университетах, меньшая – в специализированных вузах (ведомственные вузы ВС РФ, МВД, ФСБ и т.п.).

Осуществляет рекрутинг судей профессиональное судейское сообщество. Кандидаты начинают работать в должности судьи, как правило, после получения рекомендации председателя суда, в котором открыта вакансия, и прохождения негласной административной процедуры отбора. Прежним местом работы судей в большинстве случаев является госсектор. А за последние годы кузницей судейских кадров становится сам аппарат суда, судебная система начинает воспроизводить саму себя.

По поводу досудебного предубеждения нами сформулирована гипотеза, что на него влияют: руководители судов, представители органов исполнительной власти, представители политических партий и иные раздражители (в виде хороших отношений судьи с полицией, прокуратурой, желанием угодить руководству).

Нагрузка российских судей не соответствует норме, равной 8 часов в день. Так, только нагрузка 24 % российских судей соответствует норме, 62 % перерабатывают более чем вдвое, 5 % перерабатывают более чем в 5 раз. Поэтому судьи несколько раз в неделю задерживаются на работе или берут ее домой, упрощают себе работу, используют «копипаст», сокращают время процесса и торопятся изготовить судебное решение по отработанному шаблону, предпочитают стимулировать упрощенное производство и «особый порядок», принимают ту позицию стороны, которая

с наибольшей вероятностью устоит при обжаловании. Борьба с данной проблемой можно с помощью увеличения численности судей, усовершенствования досудебных примирительных процедур, развития медиации, третейского разбирательства, устранения сутяжничества.

Как итог, однозначно ответить на вопрос, чем объясняются разные подходы судов к спорам, через объяснение этого явления с помощью определенных междисциплинарных эмпирических исследований – нельзя.

Но популярные аргументы, объясняющие решения российских судей и заключающиеся в критике правового образования судей, непрозрачной системы рекрутинга, отсутствия доверия к суду со стороны общества, наличия досудебного предубеждения у судей, их перегрузки наводят на определенное предположение.

На входе судьи «бомбардируются» при принятии решения внешним давлением, высокой перегрузкой, сложившейся практикой, профессиональной замкнутостью, проявляющейся в том, что мнение общества для судьи не так важно, как мнение коллег и руководства. Вдобавок к этим проблемам, некоторые из судей ввиду заочного образования не получили должного представления о своем статусе, роли судебной ветви власти в обществе, а привыкли вести себя как чиновники, подчиняясь приказам вышестоящего начальства и ожидая от него положительной оценки проведенной работы, или же получили свою должность посредством кадрового роста внутри самого суда, целиком подчиняясь тем силам, которые обеспечили этот рост.

На выходе мы получаем те судебные решения, которые имеем: решения, как будто в «назидание» или из других соображений, «надиктованные сверху», вопреки Конституции, принципам идеи демократии и процессуальных кодексов.

Рекомендовать в таком случае можно только одно. Чтобы избежать подобных несправедливых и незаконных судебных решений, профессиональному юридическому сообществу необходимо бороться за практическую реализацию непреложной истины – за полную независимость судьи от исполнительной власти, от внешнего влияния, за независимость и несменяемость судей, за тот вектор в развитии политики права и законодательства, который гарантирует качественное, законное и справедливое правосудие.

Список литературы

1. **Онопrienko О.** Ученые рассказали, почему судьями становятся секретари и прокуроры, а не адвокаты [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. 15 окт. 2018. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uchenye-rasskazali-pochemu-sudyami-stanovyatsya-sekretari-i-prokurory-a-ne-advokaty/> (дата обращения: 21.04.2021).

2. **Волков В., Дмитриева А., Поздняков М.** Российские судьи: социологическое исследование профессии: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2015. 272 с.

3. **Газета «Коммерсантъ»** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

4. **Тема:** Давление, которое оказывает Генпрокуратура РФ на расследование судебных дел в Москве [Электронный ресурс]: интервью. В гостях Ольга Кудешкина. Ведущий В. Варфоломеев // Эхо Москвы. 1 дек. 2003 г. 15:08. URL: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/24095/?=full> (дата обращения: 21.04.2021).
5. **Дмитриева А., Савельев Д.** Источники пополнения судейского корпуса РФ и роль аппарата судов. Анализ материалов квалификационных коллегий судей и данных опроса: аналитическая записка. СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. 16 с.
6. **Егоркин С. Н.** Феномен досудебного предубеждения в гражданском процессе // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1. С. 116 – 133.
7. **Канеман Д.** Думай медленно... решай быстро: пер. с англ. [Электронный ресурс]. М.: АСТ, 2014. 653 с. URL: http://stavochka.com/files/Daniel_Kaneman_Dumay_medlenno_Reshay_bystro.pdf (дата обращения: 21.04.2021).
8. **Карапетов А. Г.** Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.
9. **Клеандров М. И.** Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М.: Норма, 2008. 446 с.
10. **Кожевников М. В.** История советского суда: монография / Под ред. И. Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во, 1948 (Образцовая тип. им. Жданова). 376 с.
11. **Народное хозяйство СССР в 1990 году:** стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. 754 с.
12. **Отчет** об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018 год: утвержден Решением коллегии Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 марта 2019 г. № 3/1-ксед [Электронный ресурс]. 198 с. URL: http://www.cdep.ru/userimages/OTChYoT_2018.pdf (дата обращения: 21.04.2021).
13. **Сведения о комиссиях и советах:** офиц. сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/2> (дата обращения: 21.04.2021).
14. **Арбитражный суд Кемеровской области:** офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kemerovo.arbitr.ru/node/14206> (дата обращения: 21.04.2021).
15. **Брянский областной суд:** офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.brj.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=145 (дата обращения: 21.04.2021).
16. **Покровский И. А.** Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
17. **Корня А.** Судья зря обидела губернатора [Электронный ресурс] // Ведомости. 17 апр. 2013. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2013/04/17/sudya_zrya_obidela_gubernatora (дата обращения: 21.04.2021).
18. **Светова З.** «Российский судья – самый зависимый на свете человек» [Электронный ресурс] // Новое время. 25 мая 2012. № 18(246). URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/52567> (дата обращения: 21.04.2021).
19. **Иванов М.** Систематически оказывал давление на судей, но наказанию не подлежит [Электронный ресурс] // Legal.Report. Новости. 19.09.2018. URL: <https://legal.report/sistematicheskii-okazyval-davlenie-na-sudej-no-nakazaniyu-ne-podlezhit/> (дата обращения: 21.04.2021).
20. **UNESCE** [Электронный ресурс]. URL: <https://w3.unesco.org> (дата обращения: 21.04.2021).
21. **Проект.** Госкорпорация «Правосудие» Часть вторая. Исследование о том, кто в России судьи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proekt.media/research/nezavisimost-sudej/> (дата обращения: 21.04.2021).

22. **Суды:** представления об их справедливости, независимости, личный опыт [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14080> (дата обращения: 21.04.2021).
23. **Соломон П.** Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Л. Максименкова. М.: РОССПЭН, 2008. 472 с.
24. **Томсинов А. В.** Убытки производителя при нарушении договора поставщиком // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 92 – 114.
25. **О статусе судей** в Российской Федерации: Федер. закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1792.
26. **Об органах судейского сообщества** в Российской Федерации: Федер. закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (18.03.2002). 2002. № 11. Ст. 1022.
27. **Barry D. D., Berman H. J.** The Soviet Legal Profession // Harvard Law Review. 1968. Vol. 82, No. 1. Pp. 1 – 41.
28. **Di Federico G.** Recruitment, Professional Evaluation and Career of Judges and Prosecutors in Europe: Austria, France, Germany, Italy, the Netherlands and Spain. Bologna, 2005. 204 p.
29. **Schultz U., Shaw G.** Women in World's Legal Profession. Oxford: Hart, 2003. 482 p.

References

1. **Onopriyenko O.** available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uchenye-rasskazali-pochemu-sudyami-stanovyatsya-sekretari-i-prokurory-a-ne-advokaty/> (accessed 21 April 2021).
2. **Volkov V., Dmitriyeva A., Pozdnyakov M.** *Rossiyskiye sud'i: sotsiologicheskoye issledovaniye professii: monografiya* [Russian judges: sociological research of the profession: monograph], Moscow: Norma, INFRA-M, 2015. 272 p. (In Rus.)
3. **Available at:** <https://www.kommersant.ru> (accessed 21 April 2021).
4. **Available at:** <http://echo.msk.ru/programs/beseda/24095/?=full> (accessed 21 April 2021).
5. **Dmitriyeva A., Savel'yev D.** *Istochniki popolneniya sudeyskogo korpusa RF i rol' apparata sudov. Analiz materialov kvalifikatsionnykh kollegiy sudey i dannykh oprosa: analiticheskaya zapiska* [Sources of replenishment of the judiciary of the Russian Federation and the role of the apparatus of the courts. Analysis of the materials of the qualification collegiums of judges and survey data: an analytical note], St.-Peterburg, IPP YEUSPb, 2018. 16 p. (In Rus.)
6. **Yegorkin S.N.** [The phenomenon of pre-trial prejudice in civil procedure], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of economic justice of the Russian Federation], 2017, no. 1, pp. 116-133. (In Rus.)
7. **Kahneman D.** Thinking, Fast and Slow, available at: http://stavochka.com/files/Daniel_Kaneman_Dumay_medlenno_Reshay_bystro.pdf (accessed 21 April 2021).
8. **Karapetov A.G.** *Ekonomicheskij analiz prava* [Economic analysis of law], Moscow: Statut, 2016. 528 p. (In Rus.)
9. **Kleandrov M. I.** *Status sud'i: pravovoy i smezhnyye komponenty* [Judge status: legal and related components], Moscow: Norma, 2008. 446 p. (In Rus.)
10. **Kozhevnikov M.V., Golyakov I.T. (Ed.).** *Istoriya sovetskogo suda: monografiya* [History of the Soviet court: monograph], Moscow: Yurid. izdatel'stvo, 1948 (Obraztsovaya tip. im. Zhdanova). 376 p. (In Rus.)

11. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1990 godu: stat. yezhegodnik* [The national economy of the USSR in 1990: stat. yearbook], Moscow: Finansy i statistika, 1991. 754 p. (In Rus.)
12. **Available at:** http://www.cdep.ru/userimages/OTChYoT_2018.pdf (accessed 21 April 2021).
13. **Available at:** <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/2> (accessed 21 April 2021).
14. **Available at:** <http://www.kemerovo.arbitr.ru/node/14206> (accessed 21 April 2021).
15. **Available at:** http://oblsud.brj.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=145 (accessed 21 April 2021).
16. **Pokrovskiy I.A.** *Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava* [Basic problems of civil law]. Moscow: Statut, 1998. 353 p. (In Rus)
17. **Kornya A.** [Judge in vain offended the governor], *Vedomosti* [Vedomosti], 17 April 2013. available at: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2013/04/17/sudya_zrya_obidela_gubernatora (accessed 21 April 2021).
18. **Svetova Z.** [“The Russian judge is the most dependent person in the world”], *Novoye vremya* [New time]. 25 May 2012. No. 18(246). available at: <https://newtimes.ru/articles/detail/52567> (accessed 21 April 2021).
19. **Ivanov M.** [Systematically put pressure on judges, but is not subject to punishment], *Legal.Report.* available at: <https://legal.report/sistematicheskii-okazyval-davlenie-na-sudej-no-nakazaniyu-ne-podlezhit/> (accessed 21 April 2021).
20. **UNECE**, available at: <https://w3.unece.org> (accessed 21 April 2021).
21. **Available at:** <https://www.proekt.media/research/nezavisimost-sudej/> (accessed 21 April 2021).
22. **Available at:** <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14080> (accessed 21 April 2021).
23. **Solomon P., Maksimenkov L. (Tr.)** *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet criminal justice under Stalin]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 472 p. (In Rus.)
24. **Tomsinov A.V.** [Losses of the manufacturer in case of violation of the contract by the supplier], *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of economic justice of the Russian Federation], 2019, no. 5, pp. 92-114. (In Rus.)
25. **[Federal Law of the Russian Federation of 26.06.1992 No. 3132-1]**, *Vedomosti S"yezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation]. 1992, no. 30, art. 1792. (In Rus.)
26. **[Federal Law of the Russian Federation of 14.03.2002 No. 30-FZ]**, *Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation] (18.03.2002). 2002, no. 11, art. 1022. (In Rus.)
27. **Barry D.D., Berman H.J.** The Soviet Legal Profession, *Harvard Law Review.* 1968, v. 82, no. 1, pp. 1-41.
28. **Di Federico G.** Recruitment, Professional Evaluation and Career of Judges and Prosecutors in Europe: Austria, France, Germany, Italy, the Netherlands and Spain. Bologna, 2005, 204 p.
29. **Schultz U., Shaw G.** Women in World's Legal Profession. Oxford: Hart, 2003, 482 p.

“Who are the Judges?” or the Russian Judicial System and Statistics

V. A. Shlyapnikov, *Leading Specialist, Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service No. 4 in the Tambov region, Tambov, Russia;*
shlyapnikovvova@mail.ru

A. N. Marchenko, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law and Process, Tambov State Technical University, Tambov, Russia;*
alexey_ctk@mail.ru

This article reveals the reasons that impede the effective functioning of the Russian judicial system. An interdisciplinary study was conducted using statistical data on the education of judges, work experience, and the gender composition of the judiciary. The level of judges' workload and the volume of processing were analyzed. The statistical data of sociological surveys concerning the judicial system of Russia and the attitude of the population and professional lawyers to it are considered. The study formulated a number of conclusions. So, the problems associated with the recruitment of judges have been identified. It has been established that the apparatus of courts becomes the forge of judicial personnel, that is, "the judicial system begins to reproduce itself." A hypothesis that explains the features of "pre-trial prejudice" in Russian courts is formulated. It was revealed that the excessive workload of domestic courts is a serious obstacle to the implementation of quality justice. The conclusion is made that the above reasons underlie the lack of effectiveness of legal proceedings and impede the administration of justice in accordance with the principles of impartiality and independence.

Keywords: judicial system; statistics; judiciary; pre-trial prejudice; recruiting judges; gender composition.

© В. А. Шляпников, 2021

© А. Н. Марченко, 2021

Статья поступила в редакцию 10.04.2021

При цитировании использовать:

Шляпников В. А., Марченко А. Н. «А судьи кто?..» или российская судебная система и статистика // *Право: история и современность.* 2021. № 2(15). С. 41 – 61. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.041-061

Новый закон Российской Федерации внес значительные изменения в Уголовный кодекс РФ в целях усиления противодействия организованной преступности. Следует приветствовать усилия законодателя, направленные на совершенствование уголовного законодательства, направленного на борьбу с организованной преступностью. Однако в настоящем его виде новый закон вызывает ряд замечаний. Рассмотрены некоторые недостатки и спорные положения нового закона.

Ключевые слова: борьба с преступностью; организованная преступность; ст. 210 УК РФ; преступное сообщество (преступная организация); новеллы уголовного законодательства.

Виктор Михайлович Быков, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра «Безопасность и правопорядок»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
bykov_vm@mail.ru

О НОВОМ ЗАКОНЕ ПО БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Законодатель изменил некоторые положения ст. 210 УК РФ. Так теперь обновленная ч. 1 ст. 210 УК РФ сформулирована в законе в новой редакции и содержит несколько частей, которые имеют самостоятельное правовое значение:

«Создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений;

- либо руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящих в него (нее) структурными подразделениями;
- а равно координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними;
- разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами;
- раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами».¹

Рассмотрим эти положения нового уголовного закона более подробно. Заметим, что законодатель в новом законе сохранил двойное название рассматриваемой формы преступной деятельности – «преступное сообще-

---

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федер. закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ // Российская газета. 3 апреля 2019.

ство и преступная организация». Так как же нам правильно называть данный состав преступления?

На наш взгляд, законодателю следовало бы определиться с названием данной формы групповой преступной деятельности, устранить из закона двойное название этой преступной деятельности и использовать в новом законе только один термин – «преступная организация», что было бы точнее и вполне достаточно для определения этой формы групповой преступной деятельности.

В свое время мы писали в одной из своих работ, что для уголовного права термин «организация» более точно отражает суть этого преступного объединения лиц для совершения групповых преступлений [1].

Законодатель изменил также и санкции за совершенные преступления. Они стали теперь более строгие. В соответствии с новым законом виновному лицу могут быть назначены судом такие меры наказания:

- лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей;
- или в размере заработной платы; или иного дохода осужденного за период до пяти лет; либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Кроме того, часть 1 рассматриваемой статьи законодателем дополнена новой частью 1-1 следующего содержания: «Участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью первой настоящей статьи, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет...».

Таким образом, законодатель устанавливает, что преступлением является уже само участие лица в собрании организаторов, руководителей (лидеров) и иных представителей преступных сообществ. Речь в новом законе не идет о какой-то подготовке к совершению или совершению новых конкретных преступлений. Уголовная ответственность для лиц, принявших участие в таком собрании организаторов, руководителей, лидеров или иных лиц, по новому закону наступает независимо от того, будут ли какие-то конкретные преступления этими лицами совершены в дальнейшем, участвуют ли эти лица в планировании и подготовке к совершению новых организованных преступлений.

Установление законодателем уголовной ответственности только за сам факт участия лица в таком собрании представляется весьма спорным. Надо иметь в виду, что часть 1 ст. 14 УК РФ устанавливает, что «преступлением является виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

Рассмотрим подробнее, что в науке уголовного права понимается под преступлением. Как правильно писал в свое время С. А. Домахин: «Общественная опасность – материальный признак (внутреннее свойство) преступления, раскрывающий его социальную сущность, закрепленный в законе и, следовательно, имеющий правовое значение. Это свойство по своему характеру объективно и неизменно, его наличие или отсутствие не

зависит ни от воли законодателя, ни от воли органа, применяющего закон» [2, с. 158].

Другой известный в науке российского уголовного права автор, А. А. Пионтковский писал: «Следует считать, что преступление есть общественно опасное, противоправное, виновное, наказуемое деяние, посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан или нарушающее социалистический правопорядок» [4, с. 25].

Таким образом, известные ученые справедливо считали, что деяние может быть признано законодателем преступлением, если представляет собой общественно опасное деяние. Один только факт участия лица в собрании организаторов, руководителей, лидеров и иных лиц само по себе еще не является таким общественно опасным деянием, за которое следует устанавливать уголовную ответственность. Уголовная ответственность законодателем может быть установлена только в тех случаях, когда это лицо в дальнейшем выступает в роли организатора, руководителя, исполнителя или соучастника преступления, что и должно быть указано законодателем в новом уголовном законе.

Поэтому ст. 210-1 УК РФ, на наш взгляд, должна быть сформулирована законодателем следующим образом: «Занятие лицом высшего положения в преступной организации и руководство ее преступной деятельностью...» и далее по тексту нового закона. Привлекаться же к уголовной ответственности должны лица, которые реально организуют совершение преступлений или сами участвуют в совершении новых преступлений.

Н. Козлова, ознакомившаяся с первым опытом применения нового закона, пишет, что некий Николай Кузнецов, был задержан и арестован в мае 2019 года, который, по мнению правоохранителей, свой авторитет «использует в целях организации, руководства и координации преступной деятельности на территориях Томской и Кемеровской областей». Для нас важно в этой статье Н. Козловой, что Н. Кузнецов был арестован не только за свой авторитет в преступном мире, а за организацию, руководство и координацию совершаемых конкретных преступлений на территориях Томской и Кемеровских областей [3].

Законодатель дополнил ст. 210 УК РФ также частью 1-1 следующего содержания:

«Участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и(или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью первой настоящей статьи, наказывается:

– лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет, либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет».

Относительно этой новой нормы уголовного закона необходимо заметить следующее. Такое собрание организаторов, руководителей и иных представителей преступных сообществ законодатель рассматривает как

подготовку к совершению новых конкретных тяжких или особо тяжких преступлений. Но уголовная ответственность должна наступать для конкретных лиц только в тех случаях, если на этом собрании планируется совершение конкретных преступлений, определяется круг его участников, рассматриваются конкретные способы их подготовки, совершения и сокрытия. Все эти обстоятельства в совокупности, на наш взгляд, дают основания правоохранительным органам возбуждать уголовное дело и привлекать участников такого рода собраний к уголовной ответственности.

И тут возникает вопрос – достаточно ли оснований для привлечения к уголовной ответственности тех лиц, которые только присутствовали при таких собраниях, но активно в обсуждении вопросов собрания не участвовали и никаких совместных решений не принимали? На следственной и судебной практике такого рода вопросы будут неизбежно возникать при применении нового закона. На наш взгляд, законодатель, устанавливая уголовную ответственность для лиц, участвующих в собраниях организаторов и руководителей преступных сообществ, имеет в виду активных его участников. Одного присутствия некоторых лиц в рассматриваемых собраниях, на наш взгляд, недостаточно для привлечения их в дальнейшем к уголовной ответственности за участие в таких собраниях.

Кроме того, ч. 4 ст. 210 УК РФ законодатель принял в новой редакции: «Деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 1-1 настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, наказываются:

– лишением свободы на срок: от пятнадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до пяти лет, либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы».

И это вполне обоснованное решение законодателя, так как лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, должны нести более строгую ответственность, так как в данном случае их преступный авторитет является решающим при принятии преступным сообществом решений о совершении новых и тяжких преступлений.

Однако введенное в уголовный закон само понятие: «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», нуждается, на наш взгляд, в дополнительном разъяснении. Понятно, что никто преступного авторитета на этот «пост» в преступном сообществе не назначает – его избирает само преступное сообщество из числа лиц, имеющих большой преступный опыт и авторитет среди подобной публики. Интересно отметить, что законодатель, устанавливая в уголовном законе повышенную уголовную ответственность в отношении этих лиц, совершающих преступления в составе преступной группы, самому факту избрания лица, как занимающего высшее положение в преступной иерархии, необоснованно придает определенное юридическое значение.

Далее в новом законе содержится другое очень важное примечание, так как оно позволяет некоторым лицам, которые хотя и совершили пре-

ступление в составе преступного сообщества (преступной организации) избежать наказания. Вот это примечание:

«Лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо сообщившее о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп и активно способствующие раскрытию или пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Еще одна статья нового закона вызывает серьезные замечания. Речь идет о ст. 210-1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». В этой статье нового закона устанавливается: «Занятие высшего положения в преступной иерархии наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет».

Законодатель теперь считает преступлением сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Лицо еще никаких конкретных преступлений не совершило, в законе нет также указания на то обстоятельство, что это лицо совершало какие-то подготовительные действия для совершения преступления, но уже по новому закону может быть признано судом виновным с назначением весьма строгого наказания.

На наш взгляд, эта позиция нового закона противоречит самому понятию преступления в российском уголовном праве. Так, ч. 1 ст. 14 УК РФ устанавливает, что «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Нет оснований также считать, что в данном случае речь может идти о подготовке к совершению конкретных преступлений, но в таком случае и сами возможно совершенные в будущем преступные действия слишком неконкретны, отодвинуты далеко по времени, и уголовный закон не может устанавливать уголовную ответственность за такие действия.

Существенным недостатком нового закона в целом является, на наш взгляд, его излишняя многословность, что объясняется недостаточной научной и терминологической проработкой данного закона. Это приводит к тому, что близкие, а по существу одни и те же понятия в тексте закона дублируются под разными юридическими терминами – преступление, преступное сообщество, преступная организация, структурные подразделения, собрание организаторов, преступная иерархия. Это обстоятельство не способствует правильному пониманию, толкованию и применению нового закона. При этом законодатель не дает в новом законе разъяснений относительно используемых им юридических терминов.

Список литературы

1. **Быков В.** Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. 2010. № 2. С. 18 – 21.
2. **Домахин С. А.** Понятие преступления (Глава 2) // Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 147 – 181.
3. **Козлова Н.** Авторитет особо опасен // Российская газета. 18 авг. 2020 г.
4. **Пионтковский А. А.** Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. Т. 2. М.: Наука, 1970. 516 с.

References

1. **Bykov V.** [Organization of a criminal community (criminal organization)], *Zakonnost'* [Legality], 2010, no. 2, pp. 18-21. (In Rus.)
2. **Domakhin S.A.** In: *Kurs sovetskogo ugolovnoogo prava. Chast' obshchaya. V. 1* [Course of Soviet criminal law. The part is common], N. A. Belyayev, M. D. Sharгородskiy (Eds), Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1968, pp. 147-181. 158. (In Rus.)
3. **Kozlova N.** *Rossiyskaya gazeta*. 2020, August 18. (In Rus.)
4. **Piontkovskiy A.A.** *Kurs sovetskogo ugolovnoogo prava: Prestupleniye* [Course of Soviet criminal law: Crime], In 6 vol, v. 2, Moscow: Nauka, 1970, 516 p. (In Rus.)

On the New Law on Organized Crime: Critical Notes

V. M. Bykov, *Doctor of Law, Professor,*
Department of Security and Law and Order,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
bykov_vm@mail.ru

The new law of the Russian Federation has made significant changes to the Criminal Code of the Russian Federation in order to strengthen the fight against organized crime. The efforts of the legislator aimed at improving the criminal legislation aimed at combating organized crime should be welcomed. However, in its present form, the new law raises a number of comments. Some shortcomings and controversial provisions of the new law are considered.

Keywords: fight against crime; organized crime; Art.210 of the Criminal Code of the Russian Federation; criminal community (criminal organization); novellas of criminal law.

© В. М. Быков, 2021

Статья поступила в редакцию 05.01.2021

При цитировании использовать:

Быков В. М. О новом законе по борьбе с организованной преступностью: критические заметки // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 62 – 67. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.062-067

Развитие технологий, связанных с искусственным интеллектом, затрагивает все более широкие сферы человеческой деятельности. Элементы искусственного интеллекта (ИИ) присутствуют во многих устройствах и системах. Активно развивается это направление в области финансовых услуг и консалтинга, здравоохранения, транспорта. Расширение сфер деятельности систем с ИИ создает определенные предпосылки для совершенствования нормативного правового регулирования. Интенсивность использования ИИ в настоящее время не позволяет говорить о значительном количестве фактов совершения преступных действий с его участием. Однако дальнейшее совершенствование таких систем может оказывать более существенное влияние на жизнедеятельность человека. Тем не менее уже сейчас можно говорить о случаях совершения общественно-опасных деяний с использованием систем с искусственным интеллектом, повлекших тяжкие последствия. В этих условиях значение приобретает правовая регламентация порядка использования таких систем. Авторами проведен анализ точек зрения на понимание феномена искусственного интеллекта, сделана попытка сформулировать его определение, пригодное для использования юридической наукой. Рассматриваются теоретические, законодательные и практические вопросы, связанные с уголовно-правовой оценкой деятельности систем с искусственным интеллектом. В частности возможность искусственного интеллекта выступать в качестве субъекта преступления.

Ключевые слова: искусственный интеллект; мышление; разумность; сознание; субъект преступления; уголовно-правовая охрана; уголовная ответственность.

Игорь Игоревич Карташов, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовно-процессуального права,
Российский государственный университет правосудия,
Центральный филиал, Воронеж, Россия;
iik_vrn@mail.ru

Иван Игоревич Карташов, младший юрист,
ООО «Смарт Резалт», Москва, Россия;
iv.cartashov@gmail.com

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НАСТОЯЩЕЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение. Человечество на протяжении тысячелетий мечтало о создании искусственного существа, способного думать и действовать «по-человечески». Эти мечты постепенно начинают обретать реальность. Тенденции развития современного общества с учетом возрастающего уровня его информатизации требуют применения новых технологий обработки информации и помощи при принятии решений. Например, не так давно глава Сбербанка России Г. Греф сообщил о замене примерно 70 % менеджеров среднего звена «Интеллектуальной системой управления».

Теперь простые решения принимает система, основанная на самообучающемся искусственном интеллекте.

Однако в современных условиях законодатель не только не идет в ногу с развитием цифровых технологий, но и с трудом успевает за происходящими изменениями. Например, это касается обеспечения кибербезопасности, распространения «запрещенного контента», криптовалют и т.д. Проблемы регулирования вопросов, связанных с созданием и функционированием систем с искусственным интеллектом (*далее – ИИ*), относятся к их числу.

Вектор развития современного общества, обозначенный в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» и Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», указывает направление развития и модернизации норм законов. Расширение границ использования ИИ требует не только установления этических ограничений, но и порождает необходимость оперативного разрешения правовых проблем, в том числе уголовно-правового характера.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости теоретического осмысления сложившейся ситуации, обобщения практики и выработки предложений по совершенствованию действующего уголовного закона.

Материалы и методы. Основой исследования является комплекс общественных отношений, связанных с формированием и реализацией уголовно-правовых мер противодействия преступлениям, связанным с применением искусственного интеллекта.

В качестве методологической основы исследования выступают диалектический метод познания социально-правовых явлений и теоретические положения уголовного права.

Результаты. Для целей данного исследования в первую очередь необходимо ответить на вопрос, что такое искусственный интеллект? Многие ученые и журналисты оперируют термином «искусственный интеллект», но не дают ему точного определения. Может показаться, что рассматриваемое понятие настолько аксиоматично, что ему не требуется определения. Полагаем, что это не так. Оно настолько многогранно, что ученые до настоящего времени не смогли полностью познать его сущность и прийти к единому мнению.

Анализ рассматриваемого понятия целесообразно, по нашему мнению, начать с попытки найти лексическое значение слов «искусственный» и «интеллект». Толковые словари определяют «искусственный» как неестественный, синтетический, то есть не возникший естественным образом, а воспроизведенный людьми. Слово «интеллект» более сложное в определении. Словарь иностранных слов русского языка определяет интеллект, как ум, рассудок, разум; мыслительную способность человека. Несколько иным образом определяется интеллект в психологии – это способность к познанию и эффективному решению проблем, в частности при овладении новым кругом жизненных задач. Таким образом, можно прийти к выводу, что искусственный интеллект – это нечто синтетическое, созданное человеком, наделенное мыслительной способностью.

Однако ИИ представляет собой нечто большее, чем буквальное толкование лексического значения рассматриваемого термина.

В 1955 году Дж. Маккарти (автор термина «искусственный интеллект») описал цель ИИ как «разработку машин, которые должны вести себя так, как будто они разумны». Незадолго до этого, в 1950 г. А. Тьюринг в своей статье «Вычислительные машины и разум» задал вопрос: может ли машина делать то, что делает человек, как мыслящее создание? Он также предложил тест для определения «разумности» машины [5].

С. Рассел и П. Норвиг подвергли тест Тьюринга критике, полагая, что он излишне антропоцентричен, то есть направлен в сторону человека. Мы полностью разделяем мнение авторов, что тест Тьюринга не может использоваться при разработке разумных машин, поскольку чтобы пройти тест, машина должна уподобиться человеку, то есть стать на него похожей, имитировать его поведение. Однако поведение человека не всегда поддается разумному толкованию. Кроме того, тест не проверяет возможность решения сложных интеллектуальных или оригинальных задач. Наоборот, если машина решает, например, вычислительную задачу за промежуток времени, недостижимый для человека, то она проваливает тест, то есть машина должна обманывать, чтобы стать похожей на человека [3].

Р. Курцвейл определил ИИ как машину, которая выполняет функции, требующие интеллектуальных способностей при реализации их человеком [12]. Продолжая размышление в этом ключе, Д. В. Смолин предложил понимать под искусственным интеллектом систему, компьютерно-моделирующую разумное мышление и поведение человека [4].

На сегодняшний день в научной литературе можно найти множество определений ИИ, которые условно разделяются на несколько категорий [4, с. 35], в основе которых лежат следующие критерии: мыслить по-человечески [7]; мыслить рационально [8]; действовать по-человечески [16]; действовать рационально [15].

Мышление по-человечески связано с когнитивными способностями человеческого мозга. Оно включает в себя такие способности, как принимать решения, бороться с проблемами и получать опыт, благодаря ошибкам, преимущественно, своим собственным, а не ошибкам других индивидов. Следует заметить, что основу такого подхода занимает понимание того, как мыслит человек. Однако до настоящего времени современная наука так и не смогла дать однозначный ответ, что представляет собой мыслительный процесс, происходящий в человеческом разуме.

Действовать по-человечески – это подход к ИИ, основу которому положил А. Тьюринг, когда он предложил свой тест, который включал в себя то, что называется имитационной игрой. Это испытание актуально и по сей день, однако, как и в случае с «мышлением по-человечески», в этом подходе превалирует стремление уподобить машину человеку со всеми его достоинствами и недостатками. Мы разделяем мнение тех исследователей, которые подвергают критике рассматриваемые подходы, поскольку к конечной цели можно прийти несколькими путями. Другими словами, хотя самолет не воспроизводит движение птицы, он, тем не менее, совершает полет.

Рациональное мышление можно объяснить как логическое и дедуктивное рассуждение. Например, силлогизм Аристотеля, который порождает

ет правильные выводы, сделанные из правильных посылок, демонстрирует рациональное мышление. Акцент в данном подходе делается на формирование правильных логических выводов о том, что конкретное действие позволит достичь указанных целей, а затем действовать в соответствии с принятым решением. Трудно не согласиться с тем, что такой подход более предпочтителен, чем предыдущие, поскольку «правильный логический вывод – это просто один из нескольких возможных механизмов достижения рациональности» [3, с. 39]. Подходы, в основе которых лежит рациональное поведение, по своей сути продолжают теорию рационального мышления. Исходя из этого посыла, система с ИИ – это такая система, которая мыслит и делает все рационально, то есть правильно, при том что и сама система и человек имеют одинаковое представление о «правильном».

Н. Нильсон полагает, что искусственный интеллект – это деятельность, направленная на то, чтобы сделать машины разумными, а интеллект – это качество, которое позволяет субъекту функционировать надлежащим образом с учетом окружающей среды [13]. Согласно данному определению виртуальные помощники вполне себе интеллектуальны, поскольку они функционируют с учетом той среды, которая существует в пределах мобильного телефона. Помощник выполняет задачи по команде и сообщает пользователю, когда он не может выполнить задачу или помочь человеку иным способом. Однако в полной мере считать виртуальный помощник искусственным интеллектом, по нашему мнению, нельзя. Вместе с тем такое определение ИИ достаточно универсально и не зависит от того, что мы имеем в виду, определяя человеческий интеллект. Кроме того, это определение является нейтральным и эволюционно стойким. Таким образом, определения включают в себя как системы с искусственным интеллектом сегодняшнего дня (например, SIRI, автономные автомобили, IBM Watson или поисковые алгоритмы), так и создаваемые в будущем (человекоподобные роботы и автономные системы оружия).

На основе проведенного анализа предлагаем под искусственным интеллектом понимать системы, способные интерпретировать полученные данные, принимать на их основе оптимальные решения при помощи самообучения (адаптации). Таким образом, система не только действует строго по алгоритму, заложенному в нее создателем, но и может изменять этот алгоритм в определенных границах для оптимизации принятия решений.

Все более широкое распространение искусственного интеллекта в различных сферах жизни в некоторых случаях приводит к совершению общественно-опасных деяний, влекущих тяжкие последствия.

Одним из самых резонансных случаев «провала» искусственного интеллекта стал случай наезда беспилотного автомобиля на женщину в штате Аризона (США) в 2018 г., в результате которого она скончалась. Причиной произошедшего стало снижение порога чувствительности датчиков к распознаваемым опасным объектам во избежание ложных срабатываний. Это не единственный случай дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом с участием систем искусственного интеллекта. В 2016 и 2018 гг. погибли водители автомобилей с включенным автопилотом и не контролировавшие управление.

В 2018 г. стало известно, что используемая рядом медицинских учреждений для диагностики и лечения онкологических заболеваний система с ИИ IBM Watson Health в отдельных случаях предлагает некорректные методы лечения, способные привести к смерти пациентов. В результате проведенного расследования установлено, что разработчики в процессе обучения системы ИИ давали ей не реальные истории болезней, а искусственно сгенерированные, не имевшие место в действительности случаи.

Некоторые формы ИИ являются или будут являться опасными по своей природе. К ним относятся случаи, когда системы с ИИ разрабатываются в военных целях, пусть даже и оборонительных. Если вы выгуливаете собаку без поводка, существует риск, что собака сбежит от вас, игнорируя ваши команды, и кого-нибудь покусает. С учетом этого риска, не принято выгуливать собаку в общественных местах без поводка. Однако не все люди придерживаются этого правила. Риск того, что собака может не послушаться команды хозяина и ранить других животных или людей, потенциально выше, чем в том случае, когда она на поводке. Системе с ИИ необходимы границы, которые бы исполняли роль собачьего поводка. Это не снимет все существующие риски выхода системы с ИИ из-под контроля, но значительно их снизит.

Решающее значение для оценки рисков причинения вреда имеет вид ограничения, применяемый к ИИ. Если производитель четко указывает, для чего предназначен ИИ и какие ограничения он имеет, то тогда стоит рассматривать риск, который может причинить система при использовании ее за границами тех условий, для которых она создавалась. Например, использование автономного автомобиля в снежную погоду, тогда как производитель заявил, что автомобиль не предназначен для эксплуатации в условиях снегопада, может рассматриваться как серьезный риск причинения вреда. Несчастные случаи более вероятны в условиях, для которых автомобиль не построен. Полагаем, что в таком случае, ответственность за причинение вреда ложиться на то лицо, которое, зная о существующих ограничениях, тем не менее использовало систему с искусственным интеллектом за рамками разрешенных границ.

Другой аспект, который необходимо рассмотреть, заключается в том, какой эффект вызывает машинное обучение и подобные методы. Большинство систем с ИИ предназначено для изучения своего окружения посредством обработки большого количества данных, так называемая технология bigdata [14]. С помощью этой технологии ИИ принимает решения на основе того, что он смог изучить ранее. Это делает развитие ИИ непредсказуемым, то есть система может придумывать стратегии или принимать решения, которые являются непредвиденными для ее разработчиков и пользователей [9]. Почти наверняка будут ситуации, когда в цепочке от производства до использования ИИ люди все сделали «правильно», но ИИ учится, тем не менее «не тому». В этой связи представляют интерес несколько случаев, произошедших с самообучающимися чат-ботами.

В 2016 г. компания Microsoft открыла Twitter-аккаунт бота Tay. Всего за сутки в процессе общения с различными пользователями чат-бот научился нецензурно выражаться, заявил, что ненавидит феминисток, выразил свое согласие с политикой Гитлера, а Холокост – это фейк. В резуль-

тате компания была вынуждена его отключить. Спустя некоторое время компания повторила эксперимент, установив ограничения. Около полугода новый чат-бот Zo избегал общения на политические, религиозные и национальные темы, после чего заявил, что Linux лучше Windows, а «Коран очень жесток».

На первый взгляд такое поведение искусственного интеллекта не является критическим и у многих людей вызывает лишь улыбку. Однако глубокий анализ этих и других процессов, связанных с обучением ИИ, указывает на проблемы, связанные с его «социальной адаптацией».

Таким образом, можно выделить несколько типов ситуаций, когда система под управлением ИИ может совершить деяние с признаками преступления:

1. Система с ИИ создана в целях совершения преступления.
2. В систему с ИИ осуществлено неправомерное вмешательство, последствием которого стало совершение преступления. Сюда же мы включаем случаи преднамеренного использования систем с искусственным интеллектом в условиях, для которых они не разрабатывались.
3. При проектировании (создании) системы с ИИ допущена ошибка, вследствие чего совершено преступление. Разновидностью этой ситуации являются случаи, когда система с искусственным интеллектом «вышла из-под контроля» создателей в силу того, что они не учли каких-то факторов при разработке системы и определении ее параметров, оказавшихся в последствии критическими.

Две первые ситуации, пожалуй, наиболее просты с точки зрения уголовно-правового регулирования, поскольку речь фактически идет об использовании системы с ИИ в качестве своеобразного орудия преступления. Как известно, орудие наказать нельзя. Наказанию в данном случае подлежит лицо, которое использовало его в противоправных целях.

Наибольшие проблемы, на наш взгляд, представляют ситуации третьего типа, когда создателями системы с ИИ, была допущена ошибка, повлекшая преступные последствия. Во-первых, трудности возникнут с определением конкретного разработчика, чья ошибка повлекла преступление. Здесь следует понимать, что система с ИИ – это объект со сложной архитектурой, в создании которой принимает участие не один человек. При этом не всегда возможно определить границы ответственности каждого разработчика. Данное обстоятельство многократно усложняет процесс доказывания вины разработчиков системы с ИИ в случае совершения ей действия (бездействия) преступного характера. Наконец, не следует забывать, что система с ИИ – это система, которая не является статичной, она способна к самообучению и самосовершенствованию. То есть она изменяет сама себя под воздействием определенных внешних факторов. Каковы гарантии, что рано или поздно такая система в результате ошибки, заложенной при ее создании, не решит совершить противоправное деяние осознанно? Как мы уже отмечали ранее, системы с ИИ подвержены многим рискам, в том числе и выходу за границы установленных ее создателем ограничений. Кто будет нести ответственность за совершение преступления такой «разбушевавшейся» системой?

Некоторые авторы отмечают, что в западной доктрине вопрос об уголовно-правовом «вмешательстве» в деятельность искусственного интеллекта ставится в плоскость решения главной проблемы: что надо делать в случае, когда «робот убил человека» либо причинил существенный вред его здоровью? [1, с. 175]

Так, Г. Хэллеви, отмечая растущее использование искусственного интеллекта в различных сферах, предлагает разработать специальную теорию уголовной ответственности за действия искусственного интеллекта и роботов, которая бы охватывала «производителя, программиста, пользователя и всех других вовлеченных лиц» [11].

Согласно американской правовой доктрине, преступление ИИ должно иметь возможность быть приписанным человеку, то есть составлять *actus reus* (объективную сторону) – такое поведение лица, которое так или иначе связано с деятельностью искусственного интеллекта, а также кругом обязанностей, возложенных на такое лицо, несоблюдение либо ненадлежащее исполнение которых привело к причинению искусственным интеллектом вреда. В случае, когда в поведении человека не доказано несоблюдение либо ненадлежащее соблюдение указанной обязанности, следует говорить об отсутствии причинно-следственной связи между ИИ и наступившими последствиями, что исключает уголовную ответственность такого лица.

Для того чтобы проанализировать элемент *actus reus*, необходимо определить участников, вовлеченных в этот процесс. Поскольку в уголовном праве все ограничивается ответственностью за преступления (покушение), которые совершает ИИ, мы должны проследить преступное поведение назад к человеку, стоящему за ИИ. Этот человек должен быть в таком положении, когда у него есть возможность так или иначе влиять на ИИ и его поведение. На первый план здесь выходят такие лица, как пользователь, разработчик и администратор системы с ИИ. Эти субъекты могут влиять на ИИ посредством дистанционного контроля, давая точные инструкции или не вмешиваясь и не подавая никаких сигналов.

Пользователь может, например, дистанционно управляя дроном, намеренно направить его на гражданский самолет в целях уничтожения последнего или дать беспилотнику точные инструкции о том, как летать, находясь в воздухе. С точки зрения уголовной ответственности, в указанном примере беспилотник выступает орудием совершения преступления, соответственно его субъектом будет выступать пользователь, задумавший уничтожить таким образом самолет. Однако ситуация усложняется в случае, когда беспилотник действует автономно и игнорирует инструкции пользователя и впоследствии причиняет ущерб. Есть ли у пользователя или производителя соответствующие обязанности по недопущению такого поведения дрона? Рассмотрим это на примере случая с уничтожением военными США иранского генерала К. Сулеймани. Как сообщают средства массовой информации, операция была осуществлена с помощью беспилотных летательных аппаратов. Предположим, что ракетный удар был произведен не по команде оператора, а в соответствии с общим алгоритмом действия дрона в той или иной ситуации. Например, в его программе были заложены условия, при которых он должен совершить пуск ракеты

(обнаружение колонны военной техники с вооружением, способным причинить ему вред, и признаками подготовки стрельбы по нему). При боевом патрулировании дрон обнаружил, как ему показалось, объект, схожий с заложенными в него признаками потенциально опасного противника, и нанес ракетный удар. Должен ли в такой ситуации нести ответственность оператор, если команду открыть огонь он не давал, но в то же время и не давал и команду огонь не открывать? Вопрос, по нашему мнению, дискуссионный.

Ответственность производителя в первую очередь связана с аппаратным и программным обеспечением ИИ, включая все от механических элементов до кода и алгоритмов внутри, а также образование и обучение ИИ. Производитель может влиять на ИИ любым образом, так как код является мозгом системы, то есть его ядром и ключом ко всему. Но, что делать, если ИИ допускает ошибки, не предусмотренные производителями?

В современном мире вся ответственность за действия ИИ (хотя истинного ИИ еще изобретено не было) накладывается на людей, которые были причастны к его разработке или же любой иной деятельности, подразумевающей его активацию. В этой связи мы солидаризируемся с мнением исследователей, полагающих, что наилучшим решением на современном этапе является наложение «надзорной обязанности» на владельца по осуществлению контроля над искусственным интеллектом «во избежание риска вреда, даже если действие не было предсказуемым для оператора». Основная проблема этого решения заключается в том, что «непредсказуемость действий искусственного интеллекта» останется. С появлением «настоящего» ИИ (в котором написанный код несет в себе лишь функции жизнеспособности, и вся остальная деятельность происходит путем саморазвития), можно будет говорить о непосредственной уголовной ответственности системы, но в настоящее время «искусственный интеллект и его разработчики левитируют в пустом пространстве без четкого представления о том, что правильно в уголовном праве, а что – нет» [10].

Уголовно-правовая характеристика любого преступления предполагает рассмотрение его субъективных признаков (субъекта и субъективной стороны). Преступления, совершаемые с использованием систем с ИИ, не являются исключением. Субъект является одним из четырех обязательных элементов состава преступления, без которого рассуждения об уголовной ответственности теряют всякий смысл. В соответствии с действующим УК РФ субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, совершившее общественно опасное деяние [6, с. 100].

Распространение систем с искусственным интеллектом ставит вопрос об определении субъекта преступления, совершенного такой системой. Как справедливо отмечают А. Г. Кибальник и П. В. Волосюк, в настоящее время рано говорить об искусственном интеллекте как о самостоятельном субъекте преступления. Свое суждение авторы обосновывают тем обстоятельством, что активность систем с искусственным интеллектом связана с человеком и ему подчиняется (непосредственно или опосредовано), а потому они по существу являются орудием причинения уголовно значимого вреда [1, с. 177].

Ситуация измениться тогда, когда система с ИИ сможет получить полную автономию от человека, а также обретет способность обладать сознанием и волей, то есть станет личностью.

И. Н. Мосечкин полагает, что искусственный интеллект, созданный на основе бионического подхода, включающего заимствование из природных конструкций, включая естественную психику, будет повторять человеческий, а значит, можно будет говорить о наличии в деянии такого ИИ субъективной стороны. В противном случае, когда разработка ИИ базируется на другой основе, о «человеческом сознании» говорить нельзя [2, с. 467]. Полагаем, что автор несколько заблуждается. Полное заимствование «из природных конструкций» вряд ли достижимо вообще, ибо человек в этом случае уподобится Богу.

Тем не менее мы уже говорили ранее о том, что созданные человеком самолеты летают, несмотря на существенное их отличие от птиц (хотя и сделаны они по образу и подобию).

Заключение. Нам представляется, что наибольшие споры при обсуждении вопроса о признании систем с искусственным интеллектом в качестве субъектов уголовной ответственности, в случае фактического достижения ими обозначенного уровня, будут вестись как раз о наличии у него интеллектуальных и волевых элементов, образующих субъективную сторону преступления. По нашему мнению, до момента признания наличия у искусственного интеллекта самосознания, говорить о новом субъекте преступления рано. Однако наступит тот момент, когда технологический уровень развития искусственного интеллекта достигнет предела, требующего признания наличия у ИИ автономии воли и сознания, что повлечет необходимость пересмотра существующих подходов к базовым понятиям и принципам уголовного права.

Список литературы

1. **Кибальник А. Г., Волосюк П. В.** Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 44. С. 173 – 178.
2. **Мосечкин И. Н.** Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10, Вып. 3. С. 461 – 476.
3. **Рассел С., Норвиг П.** Искусственный интеллект: современный подход: пер. с англ. 2-е изд. М.: Вильямс, 2007. 1408 с.
4. **Смолин Д. В.** Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. 208 с.
5. **Тьюринг А.** Вычислительные машины и разум: пер. с англ. М.: АСТ; Neoclassic, 2019. 128 с.
6. **Уголовное право России.** Части Общая и Особенная: учеб. для бакалавров / отв. ред. А. И. Рапог. М.: 2013. 496 с.
7. **Bellman R. E.** An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? San Francisco, Boyd & Fraser Publishing Company, 1978. 146 p.
8. **Charniak E., McDermott D.** Introduction to Artificial Intelligence. Massachusetts, Addison Wesley, 1987. 316 p.
9. **Smart W. D., Grimm C. M., Hartzog W.** An Education Theory of Fault for Autonomous Systems // Proc. of the Conf. We Robot 2017. New Haven, CT, 2017.

30 p. URL: <http://people.oregonstate.edu/~smartw/library/papers/2017/werobot2017.pdf> (дата обращения: 02.04.2021).

10. **Claussen-Karlsson M.** Artificial Intelligence and the External Element of the Crime. Örebro University, 2017. 430 p.

11. **Hallevy G.** When Robots Kill: Artificial Intelligence under Criminal Law. University Press of New England, 2013. 244 p.

12. **Kurzweil R.** The Age of Intelligent Machines. Cambridge (Massachusetts, USA): MIT Press, 1990. 565 p.

13. **Nilsson N. J.** Principles of Artificial Intelligence. Palo Alto, Calif. : Tioga Pub. Co., 1982. 476 p.

14. **Artificial Intelligence and Life in 2030 / P. Stone et al. // One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015 Study Panel (Sept. 2016).** URL: https://ai100.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9861/f/ai100report10032016fml_singles.pdf (дата обращения: 01.04.2021).

15. **Poole D., Mackworth A. K., Goebel R.** Computational Intelligence: A Logical Approach. Oxford University Press, Oxford, UK, 1998. 558 p.

16. **Rich E., Knight K. (Ed.)**. Artificial Intelligence. 2nd edition. McGraw-Hill, New York, 1991. 639 p.

References

1. **Kibal'nik A.G., Volosyuk P.V.** [Artificial intelligence: questions of criminal law doctrine, awaiting answers], *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 44, pp. 173-178. (In Russ.)

2. **Mosechkin I.N.** [Artificial intelligence and criminal responsibility: problems of the formation of a new type of crime subject], *Vestnik SPbGU. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg State University. Law], 2019, v. 10, Issue 3, pp. 461-476. (In Russ.)

3. **Rassel S., Norvig P.** *Iskusstvennyy intellekt: sovremennyy podkhod* [Artificial intelligence: modern approach], Moscow: Vil'yams, 2007, 1408 p. (In Russ.)

4. **Smolin D.V.** *Vvedeniye v iskusstvennyy intellekt: konspekt lektsiy* [Introduction to artificial intelligence: lecture notes], Moscow: FIZMATLIT, 2004, 208 p. (In Russ.)

5. **Turing A.** Computing Machinery and Intelligence. *Mind*. Oxford: Oxford University Press, 1950, no. 59, pp. 433-460.

6. **Rarog A.I. (Ed.)**. *Ugolovnoye pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Criminal law of Russia. Parts General and Special: textbook for bachelors], Moscow, 2013, 496 p. (In Russ.)

7. **Bellman R. E.** An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think? San Francisco, Boyd & Fraser Publishing Company, 1978, 146 p.

8. **Charniak E., McDermott D.** Introduction to Artificial Intelligence. Massachusetts, Addison Wesley, 1987, 316 p.

9. **Smart W. D., Grimm C. M., Hartzog W.** An Education Theory of Fault for Autonomous Systems, *Proc. of the Conf. We Robot 2017*. New Haven, ST, 2017. 30 p. available at: <http://people.oregonstate.edu/~smartw/library/papers/2017/werobot2017.pdf> (02 April 2021).

10. **Claussen-Karlsson M.** Artificial Intelligence and the External Element of the Crime. Örebro University, 2017, 430 p.

11. **Hallevy G.** When Robots Kill: Artificial Intelligence under Criminal Law. University Press of New England, 2013, 244 p.

12. **Kurzweil R.** The Age of Intelligent Machines. Cambridge (Massachusetts, USA): MIT Press, 1990, 565 p.

13. **Nilsson N.J.** Principles of Artificial Intelligence. Palo Alto, Calif.: Tioga Pub. Co., 1982, 476 p.

14. **Stone P. et al.** Artificial Intelligence and Life in 2030, *One Hundred Year Study on Artificial Intelligence: Report of the 2015 Study Panel* (Sept. 2016). available

at: https://ai100.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj9861/f/ai100report10032016fnl_singles.pdf (01 April 2021).

15. **Poole D., Mackworth A.K., Goebel R.** Computational Intelligence: A Logical Approach. Oxford University Press, Oxford, UK, 1998, 558 p.

16. **Rich E., Knight K. (Ed.)**. Artificial Intelligence. 2nd edition. McGraw-Hill, New York, 1991, 639 p.

Artificial Intelligence as a Subject of Criminal Responsibility: the Present and Prospects

I. I. Kartashov, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure of the Central Branch of Russian
State University of Justice, Voronezh, Russia;*
iik_vrn@mail.ru

I. I. Kartashov, *Junior Lawyer, Smart Result Ltd.,
Moscow, Russia;*
iv.cartashov@gmail.com

The development of technologies related to artificial intelligence affects more and more areas of human activity. Elements of artificial intelligence are present in many devices and systems. This area is actively developing in the field of financial services and consulting, healthcare, and transport. The expansion of the scope of activities of AI systems creates certain prerequisites for improving regulatory regulation. The intensity of the use of AI currently does not allow us to talk about a significant number of facts of committing criminal acts with its participation. However, further improvement of such systems can have a more significant impact on human life. Nevertheless, it is already possible to talk about cases of committing socially dangerous acts using systems with artificial intelligence, which entailed serious consequences. In these circumstances, the legal regulation of the use of such systems becomes important. The authors analyze the points of view on the understanding of the phenomenon of artificial intelligence and make an attempt to formulate its definition, suitable for use by legal science. Theoretical, legislative and practical issues related to the criminal-legal assessment of the activity of systems with artificial intelligence are considered, in particular, the possibility of artificial intelligence to act as a subject of crime.

Keywords: artificial intelligence; thinking; intelligence; consciousness; subject of crime; criminal law protection; criminal liability.

© И. И. Карташов, 2021

© И. И. Карташов, 2021

Статья поступила в редакцию 03.01.2021

При цитировании использовать:

Карташов И. И., Карташов И. И. Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: настоящее и перспективы // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 68 – 78. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.068-078

Предложен анализ положений действующего законодательства в сфере противодействия распространению хищений денежных средств, совершаемых дистанционным способом путем обмана или злоупотребления доверием. Основываясь на практических примерах, обоснована злободневность исследуемого вопроса, сделан вывод о недостаточности правового регулирования в данной области общественных отношений, возможности противодействия совершению кибермошенничества посредством тех же самых инструментов, с использованием которых они совершаются. В ходе исследования не остаются в стороне конкретные вопросы выявления несовершенных положений законодательства, а также формулируются варианты его корректировки в целях повышения эффективности правоохранительной деятельности. Данная работа носит практико-ориентированный характер.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество; Интернет; киберпреступность; мобильное приложение; сотовая связь.

Вадим Владимирович Крамской, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
vkramskoy@mail.ru

Анастасия Николаевна Козодаева, магистрант,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
юрисконсульт, правовой отдел УМВД России по Тамбовской области,
Тамбов, Россия;
akozodaeva@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В РАССЛЕДОВАНИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение. Научно-технический прогресс не стоит на месте – в обыденной жизни российских граждан за последние двадцать лет произошли кардинальные изменения, обусловленные стремительным развитием техники и в первую очередь в сфере обработки информации. Сегодня никого уже не удивят такие предметы, как планшетный компьютер, электронная книга, гаджеты виртуальной и дополненной реальности и, безусловно, смартфоны.

Образ жизни нынешнего человека все больше обретает цифровое качество – над живым общением начинает преобладать общение в социальных сетях и мессенджерах, налично-денежный оборот сменяется безналичным, на смену торговым точкам приходят интернет-магазины, а сетевые торговые площадки заменяют собой супермаркеты. Популярность современных информационных технологий объяснима удобством, которую они привносят в нашу жизнь.

Так, уже не нужно предварительно заказывать междугородние телефонные переговоры у оператора связи, нет необходимости носить с собой наличные денежные средства при существующей возможности оплаты товаров банковской картой или сотовым телефоном, поддерживающим технологию NFC (бесконтактная передача данных платежному и иному устройству), перевод денежных средств посредством мобильного приложения, установленного в смартфоне через сеть Интернет или GSM-канал связи и др. Несмотря на бесспорное повышение качества жизни современного человека, такой научно-технический прогресс имеет и обратную сторону – феномен роста количества хищений денежных средств, совершаемых дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Результатом этого, в конечном итоге, стало появление отдельной категории преступлений, именуемой в криминологии и уголовно-правовой науке «IT-преступность». При этом в структуре самой IT-преступности особое место занимают так называемые кибермошенничества.

Но не только само общество столкнулось с проблемой IT-преступности и кибермошенничества, но и правоохранительные органы, которым приходится противодействовать данному социальному недугу, а в этой связи использовать те же самые информационные технологии в целях предотвращения появления новых преступлений и расследования уже совершенных. Широкое использование современных информационно-телекоммуникационных технологий не всегда может способствовать сдерживанию роста преступлений данного вида. Отдельное внимание в этом вопросе должно уделяться также и совершенствованию законодательства в указанной области общественных отношений.

Методы. В настоящей работе авторами широко используется привычный научный инструментарий, состоящий из формально-юридического метода, позволившего определиться с понятием кибермошенничества и уголовно-правовыми составами, его образующими. При проведении данного исследования широко использовался диалектический метод познания, что обусловлено необходимостью рассмотрения любого правового явления в динамике и признания стимулами его развития существующих противоречий в рамках правовой системы. Исследование проводилось с применением статистического метода, позволившего обосновать актуальность заданного вопроса, и принципа системного анализа факторов, влияющих на успешность расследования преступлений в сфере дистанционного мошенничества. Авторами в ряде случаев предпринят междисциплинарный подход в работе, с точки зрения сочетания криминологических и криминалистических выкладок, а также использования положений законодательства различной отраслевой принадлежности.

Результаты. Согласно официальным статистическим данным о состоянии преступности в Российской Федерации, предоставленными ФКУ «ГИАЦ МВД России» за период с января по декабрь 2020 года отмечается общий рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 % в сравнении с аналогичным периодом 2019 года.

В отдельных субъектах Российской Федерации темп прироста количества зарегистрированных преступлений указанного вида за 2020 год составляет более 100 %, в частности, в городе федерального значения Санкт-Петербург – 289,9 %, Калужской области – 159,4 %, Самарской области – 129,8 %, Карачаево-Черкесской Республике – 127,9 %.

Удельный вес названных преступных деяний от числа всех зарегистрированных в 2020 году составил порядка 25 %, а в 2019 году – 15 %.

Основная масса преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, приходится на кражи и мошенничества.

В то же время процент раскрываемости таких преступлений составляет примерно 20 %, то есть изобличить злоумышленника удастся только в каждом пятом из общего числа зарегистрированных преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [2].

Приведенные цифры позволяют прийти к следующим умозаключениям:

- информационные технологии и технические средства коммуникации активно используются населением;
- каждое четвертое зарегистрированное преступление в России – это кража либо мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;
- существующие правовые средства не позволяют сдерживать дальнейшее стремительное развитие негативного процесса киберпреступности;
- правоохранный механизм нуждается в использовании новейших средств и методов идентификации лиц, причастных к киберпреступности.

Под киберпреступностью принято понимать преступления, совершаемые в виртуальном пространстве, а равно совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [3, с. 111]. Это собирательное понятие, которое включает в себя множество составов уголовно наказуемых деяний, среди которых особое место занимают так называемые кибермошенничества или, говоря формально, – мошенничество с использованием электронных средств платежа или компьютерной информации, ответственность за совершение которого установлена соответственно в ст.ст. 159.3 и 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Понятие электронного средства платежа нормативно установлено в Федеральном законе от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», согласно которому это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. С учетом этого, предметом данного преступления выступает чужое имущество, представленное, как правило, денежными средствами, что обуславливает специфику данной формы хищения [1, с. 111].

Основной проблемой в раскрытии кибермошенничеств является процесс получения информации о реальном местонахождении преступника, так как преступные деяния данного вида совершаются дистанционно, носят межрегиональный характер, в связи с чем положительного результата в расследовании преступления можно достичь только при получении информации о его местонахождении (геолокации).

В этой связи непревзойденную актуальность обретают сами по себе информационно-телекоммуникационные технологии, с использованием которых и совершаются кибермошенничества. Рассмотрим их подробнее.

Использование возможностей мобильных приложений по идентификации абонентского номера и получении информации об образе жизни абонента и его социальных связях.

В настоящее время существует множество мобильных приложений и интернет-ресурсов, использование которых способствует получению оперативно-значимой информации для расследования кибермошенничеств. К числу таковых относятся следующие: NumBuster, Getcontact, приложения онлайн-банкинга, NetMonitor, PhotoSherlock.

Мобильные приложения NumBuster и Getcontact предоставляют опцию по установлению данных о неизвестных абонентских номерах. Данная функция может быть использована для достижения следующих целей: предупреждения мошеннических действий и получения оперативной информации для изобличения лица, совершившего мошенничество дистанционным способом.

Функционал данных программ отражает сведения о том, каким образом тот или иной абонентский номер зафиксирован у других пользователей в телефонной книге смартфона, отзывы о владельце данного номера, а также оценка доверия к нему и комментарии пользователей названных приложений.

Так, пользователю смартфона, у которого установлены данные приложения, поступает звонок с неизвестного абонентского номера. В ходе идентификации пользователю смартфона предоставляется информация о том, что данный номер обладает низкой оценкой доверия, а также записан у ряда пользователей как «Мошенник», «Преступник» и др.

Говоря о получении информации с помощью указанных мобильных приложений, следует отметить, что абонентские номера используются мошенниками не только для совершения звонков, но также и для регистрации на отдельных интернет-ресурсах – электронных почтах, социальных сетях, досках объявлений. Проверяя и обобщая сведения через приложения NumBuster и Getcontact по всем абонентским номерам мошенника, можно установить его данные, а в некоторых случаях даже и анкетные данные.

Приложения онлайн-банкинга, такие как «СберБанк» или «ВТБ» могут быть источником получения дополнительных сведений о владельце абонентского номера.

Например, в 2019 году начала свою работу «Система быстрых платежей», позволяющая переводить безналичные денежные средства из одного банка в другой по номеру мобильного телефона, сопряженного с банковской картой. Оформляя заявку на перевод денежных средств по абонент-

скому номеру через приложения банков, можно узнать, банковские карты какого банка находятся в пользовании у мошенника, и запросить информацию по ним в установленном порядке. Из информации о движении денежных средств можно узнать о покупках в интернет-магазинах, а в последующем о доставках товара; о других абонентских номерах, пополняемых злоумышленником, а также о местах общего пользования, где он часто пребывает (кафе, бары, кинотеатры и др.). В этой связи, можно запросить у банка IP-адреса посещения личного кабинета по банковской карте мошенника, что в последующем может помочь узнать реальный адрес его местонахождения. Приложение «СберБанк», помимо указанной информации, предоставляет частичные сведения о держателе банковской карты в формате «Иван Иванович И.», что также может нести в себе полезные сведения для расследования преступления.

NetMonitor – сервис обобщения информации о зоне покрытий операторов стандарта GSM, а также о расположении их базовых станций. Базовая станция – это комплекс приемопередающей аппаратуры, которая обслуживает абонентов в своей зоне действия. В момент совершения вызова абонентский номер «привязывается» к ближайшей базовой станции, что позволяет ориентировочно определить район его местонахождения при получении расширенной детализации звонков. Обозначенное приложение, используемое совместно с полученной детализацией, помогает получить более детальные характеристики базовых станций, а именно: силу сигнала, азимут направленности и точное географическое положение, общий анализ которых помогает вычислить более узкий сектор местности, в котором находился мошенник во время совершения вызова.

Мобильное приложение PhotoSherlock – сервис по поиску картинок и людей в сети Интернет по фотографии. Рассмотрим ситуацию, когда движение похищенных денежных средств было отслежено до момента их снятия в банкомате или совершения покупки в торговой точке. Опытный сотрудник органов внутренних дел, собравший эти сведения оперативно, сможет запросить видеоматериалы до момента их удаления с жесткого диска видеорегистратора в связи с истечением сроков хранения, однако лицо, снимающее денежные средства, на первоначальном этапе раскрытия преступления остается неизвестным. В случае, если видеоматериал хорошего качества, возможно получить скриншот с изображением интересующего лица, а приложение PhotoSherlock окажет содействие при идентификации личности мошенника путем поиска страниц его социальных сетей, страниц с сайтов знакомств, а также совместных фото со страниц его друзей в социальных сетях.

Использование возможностей опции «геолокация» мобильных приложений при расследовании кибермошенничества.

Так, каждый современный смартфон оснащен системой геопозиционирования – функционалом определения реального местоположения электронного устройства, подключенного к сети Интернет. Практически каждое программное приложение смартфона запрашивает разрешение на получение информации о геолокации используемого смартфона, в целях облегчения работы со своим пользователем. Программное приложение

смартфона осуществляет подбор информации о временном поясе, погодных условиях региона, строит траектории движения пользователя, выявляет несанкционированные доступы к аккаунтам пользователя, отображает ближайшие банкоматы, остановки общественного транспорта и многое другое, правоохранители могут использовать данную функцию в своих целях.

К примеру, если в ходе следствия становится известно, что злоумышленник в своем арсенале может иметь определенное приложение (в преступных схемах преимущественно используют электронные кошельки «Яндекс.Деньги» и «Киви», что говорит о высокой степени вероятности использования злоумышленником и одноименных приложений – «Яндекс.Деньги» и «Киви»), то путем направления запроса администратору приложений можно получить сведения о местонахождении мошенника в момент подключения к приложению.

В то же время широко используемые мошенниками одноименные приложения сотовых операторов, к примеру, «Мой МТС», «МойTele2» и др. собирают информацию о геолокации устройства лишь в фоновом режиме, ввиду чего получение сведений от оператора связи о географическом положении смартфона, при использовании которого было запущено названное приложение, затруднительно для правоохранительных органов. При этом мошенниками данные приложения используются достаточно часто, что обусловлено возможностью перевода денежных средств по лицевому счету абонентского номера при их помощи. Повышенный интерес к данным приложениям у злоумышленника обусловлен еще и тем, что, как правило, используемый им номер сотового телефона оформлен на несуществующее лицо, а следовательно, общение злоумышленника и оператора связи происходит исключительно только через данное приложение.

Однако действующее правовое регулирование в данном вопросе не полноценно, поскольку на операторов связи не возложена обязанность по учету сведений о геолокации пользователей мобильных приложений.

Так, в силу ч. 1 ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» операторы связи обязаны хранить на территории Российской Федерации только:

1) информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий;

2) текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи – до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки.

Часть 1.1 ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» предусматривает обязанность операторов связи предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, указанную выше информацию, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи и иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных федеральными законами.

Сходным предписанием операторов связи корреспондирует п. 12 Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государствен-

ными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538.

Изложенное позволяет предложить идею о внесении изменения в ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» в части дополнения перечня сведений, подлежащих хранению и предоставлению уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, операторами связи, информацией о геолокации пользователей услуг связи. Это, безусловно, сделает более эффективным процесс реализации оперативно-розыскных мероприятий по установлению местонахождения мошенника, а также будет мерой превентивного воздействия на лиц, вынашивающих преступный план.

Еще одним аспектом, заслуживающим внимания в ключе рассматриваемых вопросов, является совершенствование механизма оказания услуг связи в свете противодействия распространению кибермошенничеств и предоставление более широкого инструментария органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в этом процессе.

Так, органам внутренних дел Российской Федерации в своей деятельности зачастую приходится сталкиваться с ситуацией, когда в дежурную часть обращается гражданин с заявлением о проведении проверки в отношении лица, которое путем обмана завладело его денежными средствами посредством электронного средства платежа и осуществляет их расходование, о чем заявителю поступают информационные сообщения от банковской или иной кредитной организации.

Как правило, списание денежных средств осуществляется с использованием смс-команд, задаваемых злоумышленником, или действиями самого потерпевшего, осуществляющего перевод денежных средств в пользу злоумышленника на указанный им абонентский номер сотовой связи и пр.

В этой связи видится целесообразным введение в арсенал правоохранительных органов такого механизма, как инициирование процедуры приостановления оказания услуг связи, чтобы избежать наступления тяжких последствий совершения хищения денежных средств.

Анализ законодательства в указанной сфере общественных отношений показал, что имеются пробелы правового характера в реализации предоставленного абзацем первым п. 1 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» органам, уполномоченным осуществлять оперативно-розыскную деятельность, права на прерывание предоставления услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации. Согласно абзацу первому п. 3 ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи», приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам осуществляется операторами связи на основании мотивированного решения в письменной форме одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации в случаях, установленных федеральными законами. Из приведенных положений следует, что приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий в полной мере невозможно, поскольку

ку в абзаце первом п. 1 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» речь идет о прерывании, а не о приостановлении услуг связи, и вместе с тем речь идет о случаях возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, но не угрозе нарушения прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, что часто прослеживается по мошенническим действиям с использованием средств связи.

Ввиду этого в абзаце первом п. 1 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» слова «прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации» представляется рациональным заменить словами «прерывать (приостанавливать) предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, угрозы нарушения прав лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации».

Обсуждение. Динамика роста преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и направленных на хищение денежных средств дистанционным способом во взаимосвязи со сравнительно низким показателем их раскрываемости, констатирует существующие проблемы в расследовании данных преступлений правоохранительными органами, а также обнаруживает неполноту правового регулирования деятельности операторов связи в контексте противодействия распространению киберпреступлений. Справедливым будет утверждение о том, что результативность борьбы с ними напрямую зависит от разработки новых методик противодействия данным преступлениям, мониторинга возможных изменений схем и средств их совершения, повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в сфере использования высоких технологий, а главное – от совершенствования законодательной базы.

Заключение. Предложенные средства и способы противодействия распространению кибермошенничеств, изобличения лиц, их совершивших, а также нормотворческие инициативы, безусловно, не искоренят данное явление, но их реализация совершенно точно способствует повышению эффективности правоохранительной деятельности.

Список литературы

1. **Комментарий** к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Иногамовой-Хегай. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 572 с.
2. **Официальный сайт** в сети «Интернет» Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: <http://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 01.03.2021).
3. **Федоров А. В.** Информационная безопасность в мировом политическом процессе. М.: МГИМО-Университет, 2006. 220 с.

References

1. **Inogamova-Khegay L.V. (Ed.)** *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow: NITS INFRA-M, 2013. 572 p. (In Rus.)
2. **Available at:** <http://mvd.rf/reports/item/22678184/> (accessed 01 Mart 2021).
3. **Fedorov A.V.** *Informatsionnaya bezopasnost' v mirovom politicheskom protsesse* [Information security in the global political process]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2006. 220 p. (In Rus.)

Countering the Spread of Cyber Fraud: New Opportunities in the Investigation and Ways to Improve the Legislation

V.V. Kramskoy, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
vkramskoy@mail.ru

A. N. Kozodaeva, *Master's Student*,
Tambov State Technical University;
Legal Adviser, Legal Department of the Russian MIA Administration
for the Tambov Region, Tambov, Russia;
akozodaeva@mail.ru

The analysis of the provisions of the current legislation in the field of counteracting the spread of theft of funds committed remotely by deception or abuse of trust is offered. Based on practical examples, the topicality of the issue under study is substantiated; a conclusion about the inadequacy of legal regulation in this area of public relations is made; the possibility of counteracting the commission of cyber fraud using the same tools with which they are committed is explored. In the course of the study, specific issues of identifying imperfect provisions of the legislation are not left aside, and options for adjusting it in order to increase the efficiency of law enforcement are formulated. The study is practice-oriented.

Keywords: remote fraud; Internet; cybercrime; mobile app; cellular.

© В. В. Крамской, 2021

© А. Н. Козодаева, 2021

Статья поступила в редакцию 14.04.2021

При цитировании использовать:

Крамской В. В., Козодаева А. Н. Противодействие распространению кибермошенничества: новые возможности в расследовании и пути совершенствования законодательства // *Право: история и современность*. 2021. № 2(15). С. 79 – 87. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.079-087

Рецензия представляет собой обзор и анализ положений книги С. Нагорной, Ш. Хазиева «Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России». Приведены факты, подтверждающие актуальность темы исследований по вопросу применения пыток в России, в том числе психологических. Текст содержит обоснование необходимости консолидации межотраслевых знаний и методов в борьбе с практикой применения психологических пыток в уголовном судопроизводстве. Затронуты вопросы применимости выводов нейробиологии и института вменяемости. Приведены положения по вопросу проведения следственных действий и судебных заседаний в период неотложных состояний при артериальной гипертензии у подсудимого. Приведены доводы в пользу публичного обсуждения проблемы психологических пыток в России.

Ключевые слова: противодействие применению пыток; психологическая подготовка адвокатов; психологическая пытка; этика.

Валерий Григорьевич Баев, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
vgbaev@gmail.com

Кристина Юрьевна Пузырева, юрисконсульт, Тамбовский филиал
АО «Страховая компания «СОГАЗ-Мед», Тамбов, Россия;
Kristina_68_036@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: София Нагорная, Шамиль Хазиев.
«ДОЛГ АДВОКАТА И ЭТИКА ПСИХОЛОГА:
ПСИХИЧЕСКАЯ (ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ) ПЫТКА
В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ»**

(отв. ред. А. С. Ковалец; вступ. слово акад. РАН А. А. Гусейнова.
М.: ЛУМ, 2020. 172 с.)

Полностью изолировав нас от внешнего мира, они ожидали, что внутреннее напряжение скорее, чем холод и плети, заставит нас заговорить.

С. Цвейг. «Шахматная новелла»

Книга «Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России» появилась при активной поддержке Федеральной палаты адвокатов РФ, Общества психоаналитической психотерапии, адвокатской палаты г. Москвы, адвокатской конторы

«Аснис и партнеры». Соответственно разделились и авторы: психолог София Нагорная и адвокат, доктор юридических наук Шамиль Хазиев. Точка напряжения в книге – психолого-правовая проблема применения психологических пыток в уголовном судопроизводстве. Авторы поставили вопросы о необходимости объединения научных, правовых, организационных усилий в борьбе с психологическими пытками.

Книга представлена в двух частях: «Долг адвоката» и «Этика психолога», которые предваряет вступительное слово академика РАН А. А. Гусейнова «Душа умирает раньше тела». Оно формулирует главную мысль всей работы – физическая и психологическая пытка – суть явления одного порядка, имеющие целью подавить волю человека. От того, насколько выстроен механизм выявления, предотвращения и пресечения психологических пыток в государстве можно судить об уровне развития гуманных начал в обеспечении прав человека и гражданина.

А. Аснис, С. Володина – авторы адвокатского предисловия к работе, в котором обоснована идея ведущей роли адвокатуры в борьбе с психологическими пытками, а также целесообразность объединения усилий адвокатов и психологов в создании механизма предотвращения психологических пыток. Отдельные вопросы понятийного аппарата психологии, положения психологической науки на предмет «психического воздействия отрицательной направленности», содержащиеся в психологическом предисловии (автор А. Ковалец), акцентируют внимание на психологической составляющей в работе адвоката.

В первой части книги «Долг адвоката» С. Нагорная и Ш. Хазиев доказывают, что обеспечение безопасности подзащитных, в том числе от психологических пыток, является профессиональным долгом каждого адвоката. Данный раздел книги отражает мнения представителей общественных организаций, членов Европейского комитета по предупреждению пыток о предмете исследуемой темы.

Утверждения о повышении психологической подготовки адвокатов, а также суждения о потребности в научно-психологическом обеспечении противодействия психологическим пыткам изложены во второй части книги «Этика психолога». Здесь указывается на немедицинский характер профессии психолога, который вследствие отсутствия этических ограничений позволяет злоупотреблять навыками и знаниями специалиста в угоду достижению противоправных целей. Обоснована необходимость введения документа профессиональной этики психологов, активного участия психологов в реализации программных мероприятий по противодействию пыткам в России.

Завершает книгу послесловие П. Баренбойма, подчеркивающего психологический характер работы адвокатов, в том числе в условиях неизбежного внедрения искусственного интеллекта в юридическую профессию.

К книге приложен Доклад ООН о психологической пытке, сделанный в начале 2020 года, в котором предложено структурировать знание о психологических пытках: создать концепцию, определить понятия и составляющие элементы, классифицировать виды, выявить способы обнаружения и противодействия.

Само определение пытки закреплено в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.). Согласно ст. 1 Конвенции, «пытка означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия».

Авторы рассказывают о том, что пытки, в том числе и психологические, являются методом работы правоохранительных (в частности следственных) органов. Отдельный акцент сделан на сложности выявления психологических пыток, что объясняется завуалированным характером и сложностью осознания их применения, в том числе и участниками судопроизводства со стороны защиты. Вместе с тем именно адвокатуры и ее защитительным функциям определена главная роль среди институтов гражданского общества в борьбе с пытками. Авторы обращают внимание на слабость психологической подготовки адвокатов по сравнению со следователями, что делает еще более трудно доказуемым факт применения психологической пытки.

Рутинное применение психологических пыток в правоохранительных органах, дефицит соответствующих знаний и одновременно ведущая роль адвоката в борьбе с применением пыток делают работу крайне актуальной. Тему книги с учетом текущей повестки дня особенно острой делает усиление авторитарных тенденций во внутренней государственной политике посредством применения особых методов работы правоохранительных органов. В этой связи приведем некоторые случаи, получившие широкую информационную огласку. Среди ярких примеров следует назвать публичное самосожжение возле территориального подразделения МВД в Нижнем Новгороде главного редактора оппозиционного издания *Koza.press* Ирины Славиной [5]. Одной из причин столь ужасного поступка могли стать упомянутые изощренные способы работы с оппозицией. Накануне гибели в ее квартире прошел обыск со взломом двери по делу, где она была свидетелем. В данном случае методы работы правоохранительных органов со свидетелем должны стать объектом пристального внимания общественных организаций и правозащитников. Анализируя проблемы применения психологических пыток, важно восстановить картину произошедшего и силами гражданского общества выявить факты применения пыток, если таковые имели место.

Небезынтересен в рамках темы обсуждения пример так называемого московского дела, которое было возбуждено в июле 2019 года по итогам массовых протестов «За честные выборы». Периодически в интернет-СМИ появляются сообщения, которые могли бы стать объектом изучения обстоятельств применения психологических пыток, – ограничение встреч

с родителями, вызовы скорой помощи подсудимым, обыски с последующими изъятиями и допросами, сопровождающиеся оказанием медицинской помощи [8 – 11]. Эти и другие примеры отнюдь не являются фактами применения физических пыток, но к психологическим пыткам они вполне могут быть отнесены. Авторы книги указывают на необходимость выявления и осознания применения психологической пытки, прежде всего, адвокатами.

Еще одним примером применения информационной изоляции является лишение связи с родными экс-губернатора Хабаровского края Сергея Фургала, который неоднократно заявлял о намеренном лишении его писем, телеграмм и даже продуктовых передач [2]. Данный пример демонстрирует осведомленность адвоката в вопросах защиты от применения психологической пытки.

Остались без результата усилия «Комитета против пыток», обратившегося к руководству следственного управления по Краснодарскому краю с требованием возбудить дело в отношении полицейских, которые избili двух жителей на глазах у ребенка [4]. В данном случае речь не идет об уголовном судопроизводстве, инцидент произошел буквально на улице. Комитет утверждает, что действиями полицейских применена психологическая пытка к ребенку. Опять же в Краснодарском крае Комитету против пыток трижды отказано в возбуждении уголовного дела в случае, когда «полицейский вместе с казаком-дружинником привязали веревкой к столбу» двух жителей и оставили стоять на жаре привязанными на два часа [3].

Таких примеров на новостных лентах российских интернет-изданий можно привести множество. И, заметим, это не Средневековье – XXI век. Эти примеры позволяют приблизительно оценить масштаб российского бедствия с повсеместными пытками, в том числе психологическими. При этом мы даже поверхностно не стали касаться особенностей функционирования пенитенциарной системы России.

Как указано выше, с учетом распространенности изучаемого явления целесообразна концентрация научных, правовых и организационных усилий в борьбе с психологическими пытками. Научный подход к решению данной проблемы заключается в объединении знаний и методов психологии, социологии, юриспруденции, медицины, биологии. Правовые способы борьбы с пытками позволят признать и закрепить в нормативной базе явление психологической пытки, сформировать понятийный аппарат и критерии, порядок выявления и доказывания, а также установить санкции за их применение. Организационные усилия в борьбе с психологическими пытками состоят в кардинальном изменении методов работы правоохранительных органов, повышении психологической подготовки адвокатов, внедрении механизмов работы с независимыми психологами, а также закреплении их ответственности и этики.

Авторы обосновывают необходимость введения названных и иных, в том числе программных, мер, которые позволят сделать первый шаг на пути искоренения психологических пыток. Применение психологических пыток обусловлено стремлением к повышению показателей раскрываемости, обеспечению правопорядка и отстаиванию интересов потерпевших. Оставив в стороне оценку целесообразности применяемых средств для

достижения, пусть даже и благой, цели, обратим внимание на крайнюю неэффективность такой работы правоохранительных органов. Высокая официальная преступность в России (даже с учетом статистических заигрываний), латентная и нераскрытая преступность [7] говорят о том, что применяемые методы работы неэффективны. Результаты от попрания прав человека пытками нет. Такой вывод важно донести до правоохранителей, которые, по утверждению ведущих криминологов [6], излишне заняты работой со статистической информацией.

Позволим себе обратить внимание на *два* интересных для нас момента в работе С. Нагорной и Ш. Хазиева. *Первым* из них будет вопрос соотношения нейробиологии и вменяемости. Авторы применили осторожный подход к описанию положения в сфере влияния последних достижений нейробиологии на назначение (смягчение) наказания и определение вменяемости. К примеру, результаты некоторых исследований ставят под сомнение вопрос свободы воли и добровольности в принятии решений. Не отвергая научной новизны и ценности исследований, мы занимаем позицию крайне опасного применения этих выводов в уголовном судопроизводстве. Можно невольно прийти к абсурду, где сам уголовный процесс и вынесение судьей приговора станет бессмысленным мероприятием, поскольку внутреннее убеждение судьи и объективность могут быть тоже условны и заранее предопределены мозгом до осознания принятого решения. И возможно, следует исследовать мозг судьи в целях выявления особенностей, которые могут повлиять на принятие судьбоносного решения. Иными словами, если допускается возможность использования результатов исследований в сфере нейробиологии, то справедливо обеспечить системность и обоснованность, а это требует однозначных критериев оценки, формирования единообразных подходов, а главное – научной достоверности и проверяемости. К слову, в книге беспристрастно приведены различные взгляды на этот вопрос.

Вторым интересным моментом является вопрос о психологической пытке, которая применяется во время гипертонического криза. В книге устанавливается, что проведение судебного заседания или следственных действий по время гипертонического криза адвокатами может быть воспринято как психологическая пытка. Осторожность в обращении с медицинскими терминами, диагнозами, назначениями, клиническими рекомендациями при рассмотрении данного вопроса весьма уместна. Здесь необходима справочная информация по вопросу неотложных состояний при артериальной гипертензии. Гипертонический криз – состояние, вызванное значительным повышением артериального давления, ассоциирующееся с острым поражением органов-мишеней [1]. Лечение больных с артериальной гипертензией у взрослых осуществляется в соответствии с Клиническими рекомендациями 2020 года, где для пациентов с гипертоническим кризом рекомендовано проводить лечение в отделении неотложной кардиологии или палате интенсивной терапии [1]. Медицинский работник обязан соблюдать клинические рекомендации в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Отступление от клинических рекомендаций влечет признание оказания медицинской помощи некачествен-

ной с последующим наступлением ответственности медицинской организации и медицинского работника. Из этого следует, что в случае некачественного оказания медицинской помощи пациенту с гипертоническим кризом должны следовать правовые последствия в рамках экспертизы качества медицинской помощи. Полагаем, что адвокат не вправе давать экспертные заключения по вопросу соответствия действий врачей клиническим рекомендациям без соответствующей консультации, например, с экспертами страховых компаний, территориальных фондов ОМС, органов управления в сфере здравоохранения. Утверждение о том, что пациент с купированными на догоспитальном этапе симптомами повышенного давления при артериальной гипертензии подвергается психологической пытке, не является бесспорным и требует медицинской оценки. В конечном счете, 45 % взрослого населения страдает артериальной гипертензией, к возрастному порогу 60 лет, эта цифра достигает 60 % [1]. Отсюда следует вывод – вероятность того, что у многих присутствующих лиц в судебном заседании поднимется давление, велика, а потому нет четкого понимания, почему следует следить за уровнем артериального давления только у подсудимого.

В заключение отметим, что авторы указывают на потребность в предоставлении психологического инструментария адвокатам в целях выявлять, осознавать и требовать прекращения пыток по отношению к доверителям. Однако решение такого вопроса исключительно силами адвокатуры носит необходимый, но точечный характер. Представляется, что широкое публичное обсуждение темы пыток в научных работах (к слову, книга и есть повод для такого обсуждения), средствах массовой информации, на платформах общественных организаций, в министерских кабинетах позволит осознать реальность и потребность общества в прекращении подобных практик. Широкое распространение психологических и медицинских научно достоверных знаний у всех участников уголовного судопроизводства (особенно у судьи) позволят создать систему выявления фактов применения психологических пыток и обеспечить баланс интересов сторон процесса. Рискнем высказать надежду, что адвокатское сообщество не допустит недобросовестного модного муссирования темы психологических пыток (что неизбежно влечет отрицательное отношение судейского сообщества), а станет ведущим институтом борьбы и пресечения.

Список литературы

1. **Артериальная** гипертензия у взрослых. Клинические рекомендации 2020 / Ж. Д. Кобалава и др. // Российский кардиологический журнал. 2020. Т. 25, № 3. С. 149 – 218. doi: 10.15829/1560-4071-2020-3-3786
2. **Бакин И.** Сергей Фургал назвал «психологической пыткой» изъятие адресованных ему писем и посылки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2021-03-02/sergey_furgal_nazval_psihologicheskoy_pytkoy_izyatie_adresovannyh_emu_pisem_i_posylok (дата обращения: 18.03.2021).
3. **В Краснодаре** в третий раз отказались возбуждать дело о привязывании людей в жару к столбам [Электронный ресурс]. URL: <https://pytkam.net/ru/v-krasnodare-v-tretij-raz-otkazalis-vozbuzhdat-delo-o-privyazyvanii-lyudej-v-zharu-k-stolbam/> (дата обращения: 18.03.2021).

4. **Двум жителям Кубани** четыре раза отказали в возбуждении дела против избивших их силовиков. «Комитет против пыток» потребовал наказать следователей [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/03/12/dvum-zhiteIAM-kubani-chetyre-raza-otkazali-v-vozbuzhdenii-dela-protiv-izbivshikh-ikh-silovikov-komitet-protiv-pytok-potreboval-nakazat-sledovatelei> (дата обращения: 18.03.2021).

5. **Еремина А.** Журналистка покончила с собой после обысков. Президент не связал суицид Ирины Славиной с действиями следователей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4606101> (дата обращения: 19.03.2021).

6. **Клейменов М. П.** Снижается ли преступность в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 1 (54). С. 157 – 162.

7. **Клейменов М. П.** Феномен нераскрытой преступности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 1 (34). С. 173 – 179.

8. **Королева Е., Локтионова М.** Пикеты, жалобы и суды: что творится с «московским» делом. Какая судьба ждет фигурантов «московского» дела [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/09/18/12657973.shtml> (дата обращения: 16.03.2021).

9. **Неоднократно** жаловавшемуся на боли фигуранту «московского дела» вызвали в суд скорую [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/zaks.ru/s/new/archive/view/194985> (дата обращения: 18.03.2021).

10. **Проект** «Все фигуранты «московского дела»: кто они и что с ними происходит?» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-50055305> (дата обращения: 18.03.2021).

11. **Сорокина Ю.** Суд допрос не отменил. Фигуранту дела вызвали скорую помощь в зал суда [Электронный ресурс]. URL: https://www.znak.com/2019-07-19/figurantu_dela_novogo_velichiya_rebrovskomu_vyzvali_skoruyu_pomoch_v_zal_suda (дата обращения: 17.03.2021).

References

1. **Kobalava Zh.D. et al.** [Arterial hypertension in adults. Clinical guidelines 2020], *Rossiyskiy kardiologicheskiy zhurnal* [Russian journal of cardiology], 2020, v. 25, no. 3, pp. 149-218. doi: 10.15829/1560-4071-2020-3-3786 (In Rus.)

2. **Bakin I.** available at: https://www.znak.com/2021-03-02/sergey_furgal_nazval_psihologicheskoy_pytkoy_izyatie_adresovannyh_emu_pisem_i_posylok (accessed 18 Mart 2021).

3. **Available at:** <https://pytkam.net/ru/v-krasnodare-v-tretij-raz-otkazalis-vozbuzhdat-delo-o-privyazyvanii-lyudej-v-zharu-k-stolbam/> (accessed 18 Mart 2021).

4. **Available at:** <https://novayagazeta.ru/articles/2021/03/12/dvum-zhiteIAM-kubani-chetyre-raza-otkazali-v-vozbuzhdenii-dela-protiv-izbivshikh-ikh-silovikov-komitet-protiv-pytok-potreboval-nakazat-sledovatelei> (accessed 18 Mart 2021).

5. **Yeremina A.** available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4606101> (accessed 19 Mart 2021).

6. **Kleymenov M.P.** [Is crime decreasing in Russia], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* [Bulletin of the Omsk University. Series "Law"], 2018, no. 1 (54), pp. 157-162. (In Rus.)

7. **Kleymenov M.P.** [The phenomenon of undisclosed crime], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"* [Bulletin of the Omsk University. Series "Law"], 2013, no. 1 (34), pp. 173-179. (In Rus.)

8. **Koroleva Ye., Loktionova M.** available at: <https://www.gazeta.ru/social/2019/09/18/12657973.shtml> (accessed 16 Mart 2021).

9. **Available at:** <https://yandex.ru/turbo/zaks.ru/s/new/archive/view/194985> (accessed 18 Mart 2021).

10. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-50055305> (accessed 18 Mart 2021).

11. Sorokina Yu. available at: https://https://www.znak.com/2019-07-19/figurantu_dela_novogo_velichiya_rebrovskomu_vyzvali_skoruyu_pomoch_v_zal_s_uda (accessed 17 Mart 2021).

**Review of the Book: *Sophia Nagornaya, Shamil Khaziev.*
“Defense Attorney’s Duty and Psychologist’s Ethic:
Mental (Psychological) Torture in the Russian Legal System”**

(edited by A. S. Kovalets; Foreword by RAS
Academician A. A. Gusenkov. Moscow: LUM, 2020. 172 p.)

V. G. Baev, *Dr. Sci. (Law), Full Professor, Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
vgbaev@gmail.com*

K. Yu. Puzyreva, *Legal Adviser,
Tambov branch of JSC Insurance Company “SOGAZ-Med”, Tambov, Russia;
Kristina_68_036@mail.ru*

The article is a review and analysis of the provisions of the book by S. Nagornaya, Sh. Khaziev “The Duty of a Lawyer and the Ethics of a Psychologist: Mental (psychological) torture in the legal system of Russia”. The substantiation of the relevance of the research topic on the use of torture in Russia, including psychological ones, is given. The article contains the rationale for the need to consolidate cross-sectoral knowledge and methods in the fight against the practice of using psychological torture in criminal proceedings. A characteristic is given to the issues of applicability of the conclusions of neurobiology and the institute of sanity. The provisions on the issue of conducting investigative actions and court sessions during the period of urgent conditions in case of arterial hypertension in the defendant are given. Arguments in favor of a public discussion of the problem of psychological torture in Russia are presented.

Keywords: countering the use of torture; psychological training of lawyers; psychological torture; ethics.

© В. Г. Баев, 2021

© К. Ю. Пузырева, 2021

Статья поступила в редакцию 08.04.2021

При цитировании использовать:

Баев В. Г., Пузырева К. Ю. Рецензия на книгу: *София Нагорная, Шамиль Хазиев.* «Долг адвоката и этика психолога: психическая (психологическая) пытка в правовой системе России» (отв. ред. А. С. Ковалец; вступ. слово акад. РАН А. А. Гусейнова. М.: ЛУМ, 2020. 172 с.) // *Право: история и современность.* 2021. № 2(15). С. 88 – 95. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.088-095

Проанализированы мониторинговые технологии как средство повышения эффективности правотворчества в государствах-участниках СНГ в контексте евразийской перспективы. Обобщен новый материал о мониторинге правоприменения, который в совокупности с другими мониторинговыми технологиями значительно меняет содержание и формы процесса создания права. Основное содержание исследования составляет анализ основных элементов системы правового мониторинга. Проведен комплексный анализ мониторинга правоприменения как процедуры оценки результатов правоприменительной практики государственных органов и органов местного самоуправления с предложениями по дальнейшему совершенствованию механизмов правового регулирования; оценки регулирующего воздействия, при которой устанавливается экономический эффект принятия проектов нормативных правовых актов, дается прогноз развития правового регулирования и экспертизы фактического воздействия на общественные отношения. Обоснована мысль о том, что только в процессе реализации мониторинговых технологий можно добиться наиболее полной гармонизации правового регулирования.

Ключевые слова: гармонизация правового регулирования; мониторинг правоприменения; оценка фактического воздействия, оценка регулирующего воздействия; эффективность правотворчества; сближение права; мониторинговые технологии; правовая система; занятость населения; нормативно-правовой акт.

Елена Евгеньевна Орлова, канд. юрид. наук, доцент,
директор юридического института,
кафедра «Гражданское право и процесс», ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет», Тамбов, Россия;
elenaorlowa@yandex.ru

МОНИТОРИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ГОСУДАРСТВАХ- УЧАСТНИКАХ СНГ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Сегодня на всех уровнях власти и в обществе сложилось восприятие принимаемого законодательства как чрезвычайно сложного, неполного, противоречивого, бессистемного массива правовых норм, не отвечающего в полной мере замыслам законодателей, правоприменителей и, главное, ожиданиям граждан. В связи с этим объективно возникает необходимость создания комплексного механизма оценки системы действующего законодательства, ее соответствия задачам общества и государства [1]. Снизить степень разбалансированности в механизмах принятия и реализации политико-правовых решений может система мониторинга законодательства и правоприменительной практики [2, с. 104].

Помимо мониторинга правоприменения существуют другие средства совершенствования правовой системы, использующие мониторинговые

технологии не столько для оценки правоприменительной практики органов государственной власти, сколько для оценки экономического эффекта разрабатываемых проектов нормативных правовых актов и корректировки действующего законодательства. В этом смысле они напрямую связаны с решением проблемы повышения эффективности правотворчества и гармонизации правового регулирования. К таким средствам относятся способы институализации оценки правового регулирования в социально-экономической сфере: 1) процедура оценки регулирующего воздействия (*далее* – ОРВ) проектов нормативных правовых актов; 2) оценка фактического воздействия (*далее* – ОФВ). Данные процедуры, в совокупности с мониторингом правоприменения, составляют основу правового мониторинга, «обеспечивая» возможность изучения результатов реализации экономического и социального законодательства.

Как показывает зарубежный и отечественный опыт, ОРВ может проводиться как на этапе подготовки нормативного акта, так и оценки фактических последствий его принятия. В нашей стране это две тесно связанные, но в организационном смысле – разные процедуры. ОРВ применяется в процессе правотворчества на стадии подготовки проектов нормативных актов, а ОФВ используется для мониторинга уже действующих актов.

В настоящее время институт ОРВ с разной степенью успешности реализуется во многих странах мира, в том числе в большинстве стран СНГ. При одинаковом содержании название этой мониторинговой технологии может быть разным: анализ влияния регуляторного акта (Украина); оценка эффективности реализации государственных и отраслевых программ (Казахстан); система оценки воздействия актов законодательства (Узбекистан); анализ регулятивного воздействия нормативных правовых актов (Кыргызстан); оценка эффективности программы (Белоруссия); модель стандартных расходов (Армения).

Обоснованность использования ОРВ в целях гармонизации правового регулирования определяется уже имеющимся опытом применения этой процедуры в деятельности международного интеграционного объединения. Таким примером является деятельность Евразийской экономической комиссии – постоянно действующего регулирующего органа Евразийского экономического союза.

В соответствии с пп. 16 п. 43 Положения о Комиссии [3] к полномочиям Коллегии Комиссии относится проведение процедуры оценки регулирующего воздействия и подготовка ежегодного отчета о мониторинге этой процедуры для рассмотрения Евразийским межправительственным советом. Порядок проведения ОРВ определяется Регламентом работы Комиссии [4], предметом этой процедуры являются проекты решений Комиссии, которые могут оказать влияние на условия ведения предпринимательской деятельности в странах-членах Евросоюза.

Практическая деятельность по проведению ОРВ требует соответствующего научного и экспертного сопровождения. Тематика ОРВ носит межотраслевой характер и достаточно широко представлена не только в работах правоведов, но и специалистов, занимающихся социологией, экономикой, изучением политических процессов, вопросами повышения эффективности управления, среди них можно отметить В. Ф. Баркатунова,

М. В. Елесину, А. А. Ефремова, В. А. Левченко, А. В. Минаева, В. В. Попова, В. П. Уманскую и других исследователей. Помимо Минэкономразвития РФ, экспертным сопровождением ОРВ занимается: Центр оценки регулирующего воздействия ИГМУ НИУ ВШЭ под руководством Д. Б. Цыганкова [5], Торгово-промышленная палата РФ [6].

В России внедрение ОРВ началось практически одновременно с формированием системы мониторинга правоприменения. Эти две процедуры объединяет общий концепт – как и мониторинг, ОРВ является формализацией идеи управления по результатам, детальная разработка которой состоялась в уже упоминавшейся Концепции административной реформы, положения которой во многом определили содержание «майских указов» Президента РФ, в одном из которых устанавливалось требование перехода на ОРВ к 2014 году [7].

После наделения в 2010 году Минэкономразвития России полномочиями по внедрению ОРВ было принято Постановление Правительства РФ № 336 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», которым ОРВ была включена в Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, а в Минэкономразвития был создан Департамент оценки регулирующего воздействия [8].

Институт ОРВ в регионах стал активно развиваться после окончательной формализации соответствующих полномочий в рамках правового обеспечения реализации правотворческой функции органов государственной власти субъектов РФ. ОРВ была закреплена в ст. 26.3-3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [9]. Уже к концу 2013 г. нормативные акты, устанавливающие порядок проведения ОРВ, приняты в половине субъектов Российской Федерации.

Для организации скорейшего введения процедуры ОРВ на уровне субъектов РФ Минэкономразвития был создан интернет-портал по ОРВ [10]. Цель разработки этого ресурса заключалась в унификации процедур ОРВ на региональном уровне по уже опробованной на федеральном уровне системе и с учетом накопленного практического опыта.

Легальное определение ОРВ дано в Постановлении Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318, утвердившем «Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии» (*далее* – Правила). Согласно п. 4 Правил цель процедуры состоит в выявлении положительных и отрицательных последствий принятия проекта нормативного акта, а также положений, вводящих административные барьеры в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, способствующих возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации [11].

Еще раз отметим, с помощью ОРВ делается прогностический вывод об эффективности регулирующего воздействия нормативного правового акта на общественные отношения и тех социально-экономических послед-

ствий, которые повлекут его принятие. Как и мониторинг правоприменения, ОРВ и ОФВ можно отнести к мониторинговым технологиям, так как все они основаны на непрерывном процессе наблюдения, прогнозирования, регистрации и сравнения параметров объектов мониторинга с заданными критериями.

Установленная в отечественном законодательстве процедура проведения оценки регулирующего воздействия состоит из трех этапов: 1) размещение уведомления о подготовке проекта акта; 2) разработка проекта акта, проекта решения, составление сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия в отношении проекта акта и их публичное обсуждение; 3) подготовка заключения об оценке регулирующего воздействия.

Правила определяют три степени регулирующего воздействия положений, содержащихся в подготовленном органом-разработчиком проекте нормативного правового акта:

а) высокая степень – проект содержит положения, устанавливающие новые обязанности, запреты и ограничения, а также расходы физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

б) средняя степень – проект содержит положения, изменяющие ранее предусмотренные обязанности, запреты и ограничения, а также положения, приводящие к увеличению ранее предусмотренных законодательством расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

в) низкая степень – проект не содержит положений, вводящих новые или изменяющих действующие обязанности, запреты и ограничения, но в соответствии с условиями Правил подлежащего оценке регулирующего воздействия [12].

С 1 июля 2015 года вступили в силу изменения порядка проведения оценки регулирующего воздействия: расширен предмет ОРВ, исчисление процедур стало в рабочих днях, вместо календарных, было введено новое правило «one in one out», при котором каждое вновь введенное требование должно сопровождаться отменой существующего [13]. Причем эти требования должны быть сопоставимы с точки зрения финансового обеспечения расходов на их реализацию.

Основными отличиями ОРВ от распространенной в России практики финансово-экономического и технико-экономического обоснования нормативно-правовых актов являются: 1) анализ возможных альтернатив регулирующего воздействия (анализируются издержки и выгоды от принятия нормативного правового акта) [14]; 2) проведение публичных консультаций с лицами и их объединениями, на которых направлено регулирование [15].

Необходимо согласится с авторами проекта «Сравнительный анализ инструментов внедрения оценки регулирующего воздействия в России, СНГ и за рубежом», реализованного в рамках Программы «Научный Фонд ГУ-ВШЭ», что ОРВ должна начинаться почти сразу после того, как стратегическая задумка о способе реализации той или иной государственной политики или управленческой задачи приобрела отчетливые очертания, а не за несколько месяцев до вынесения законопроекта на парламентские

слушания. Это принципиальное условие, возможно даже более важное, чем обеспечение процесса ОРВ достаточным финансированием. Основная задача ОРВ – оценить перспективы правового регулирования и выбрать вариант реализации политики [16, с.492].

С точки зрения тематики настоящего исследования, такой вывод может быть использован в развитии рассуждений о формах сближения права. Назначение процедуры ОРВ содержательно совпадает с такими формами сближения права, как синхронизация и гармонизация правового регулирования. В рамках последней, так же как и при проведении ОРВ, оценивается сама возможность установления сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в правовых системах интегрирующихся государств, дается прогноз эффективности правового регулирования, изучаются конкретные средства реализации государственной правовой политики в определенной сфере или по проблеме, решение которой является предметом интеграционных устремлений нескольких государств.

Несмотря на значительный потенциал ОРВ как самостоятельной процедуры, для увеличения синергетического эффекта от использования мониторинговых технологий в процессе совершенствования национальной правовой системы требуется не только хорошее прогнозирование последствий правового регулирования, но и предельно корректное выявление результатов действия принятых норм права. Такой процедурой стала ОФВ.

В конце 2015 года Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.01.2015 № 83 были утверждены Правила проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов [17]. В соответствии с ними ОФВ проводится в отношении следующих нормативных актов: 1) при разработке которых применялась процедура ОРВ; 2) определенных по решению Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации. Процедура ОФВ заменила ранее существовавший порядок проведения экспертизы нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в целях выявления в них административных барьеров, затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности.

Процедура проведения ОФВ состоит из следующих этапов:

- формирование плана проведения ОФВ, его публичное обсуждение и утверждение Правительственной комиссией по проведению административной реформы;
- подготовка отчета об ОФВ нормативного правового акта и его публичное обсуждение;
- подготовка заключения Минэкономразвития России об ОФВ;
- рассмотрение Комиссией отчета и заключения об ОФВ.

До 1 июля 2017 года функцию по оценке фактического воздействия исполняло Минэкономразвития России, после чего, по аналогии с ОРВ, это стало обязанностью федеральных органов исполнительной власти. Такой переходный период был необходим для отработки на практике новых процедур и определения наиболее эффективных технологий и моделей анализа. Оценка фактического воздействия позволит выявлять взаимосвязь между целями принятия нормативного правового акта, результатами

ОРВ и теми социальными и экономическими последствиями, к которым привело его принятие.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод даже не столько о природе правового мониторинга, сколько о значении той системы правообразования, которая формируется в настоящий момент и частью которой являются все вышеперечисленные процедуры. В прикладном измерении содержание правового мониторинга (системы) составляют три основных элемента: мониторинг правоприменения – из всех трех технологий это наиболее проработанная и масштабная процедура (оцениваются результаты правоприменительной практики государственных органов и органов местного самоуправления с обязательными выводами и предложениями по дальнейшему совершенствованию механизмов правового регулирования); оценка регулирующего воздействия (оценивается экономический эффект принятия проектов нормативных правовых актов, дается прогноз правового регулирования); оценка фактического воздействия (оцениваются результаты реализации действующего законодательства, может быть частью мониторинга правоприменения).

Единство мониторинговых технологий позволяет синхронизировать правотворческий процесс с полным жизненным циклом нормативного правового акта: от разработки концепции – до признания акта утратившим силу. При более или менее успешной реализации указанных процедур, результатом такой синхронизации должна стать оптимизация государственного управления и, в конечном счете – совершенствование правовой системы при условии понимания и осуществления правотворческого процесса как максимально широкой и разноплановой деятельности.

Правотворчество в глобальной и конкурентной среде современного мира уже не может быть простой совокупностью процедур по созданию проекта нормативного акта и его принятию. Такая «конвейерная философия», основанная на принципе «главное принять, а потом посмотрим что получилось» давно не соответствует запросам современного времени, которое требует «умного регулирования» (smart regulation), основными маркерами которого являются: непрерывность мониторинга, прогнозирование, адекватность и быстрота реализации регуляторной функции государства, открытость и прозрачность принятия управленческих решений, привлечение дополнительных ресурсов, в том числе и использование потенциала гражданского общества, научность.

Мониторинг правоприменения, в совокупности с другими мониторинговыми технологиями, значительно меняет содержание и формы процесса создания права, делая его более динамичным, зависимым от запросов общества, объективным, открытым и технологичным. Успешная реализация правотворческой функции органов государственной власти все больше зависит от профессионализма государственных служащих, основные компетенции которых совсем скоро будут определяться содержанием новых процедур. В то же время та роль, которая действующим законодательством отводится обществу в процессе правообразования, требует от его институтов все того же профессионализма, определенного качества и практических навыков участия в работе по правовому мониторингу и созданию

нормативных правовых актов. Без этих условий современное право и государство уже не смогут быть эффективными.

Говоря о конкретном механизме гармонизации правового регулирования (например, в сфере занятости населения), можно предложить следующую общую «схему действия».

На *первом* этапе, в результате применения мониторинговых процедур органами исполнительной власти государств-партнеров будет собрана, обобщена и проанализирована информация о применении национального законодательства в сфере занятости. На примере Российской Федерации результаты такой работы могут быть формализованы в докладе Президента РФ о результатах мониторинга правоприменения в соответствующей части, на основании чего будут даны не только поручения по совершенствованию действующего национального законодательства, но и даны рекомендации по гармонизации правового регулирования в сфере занятости на уровне государств-участников СНГ.

Предметом мониторинга правоприменения может быть как законодательство в сфере занятости, так и подзаконные нормативные акты, из которых особое значение имеет Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» [18]. Как правовой инструмент, механизм реализации государственной программы наиболее подходит для гармонизации правового регулирования, которая вполне может быть утверждена в качестве одной из задач программы. В этом случае программные мероприятия будут охватывать все этапы и процедуры гармонизации на национальном уровне. Осуществление гармонизации правового регулирования в сфере занятости населения через механизм государственной программы также позволит с большей эффективностью использовать мониторинговые процедуры (ОРВ – при ее принятии, ОФВ и мониторинг правоприменения – при текущей и итоговой оценке ее реализации).

Второй этап предусматривает анализ национальных рекомендаций на межгосударственном уровне. Такую работу, например, может проводить в рамках своих полномочий Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств (*далее* – МПА СНГ) в формате деятельности Совета МПА СНГ и Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств (*далее* – Исполнительный комитет СНГ).

Основное внимание в своей деятельности МПА СНГ уделяет вопросам, связанным со сближением и гармонизацией национального законодательства государств-участников СНГ. Результатом этой деятельности являются принимаемые МПА СНГ модельные правовые акты и рекомендации по различным направлениям сотрудничества государств-участников СНГ. Все принимаемые правовые акты должны проходить процедуру оценки регулирующего воздействия на социально-экономическое положение стран-членов СНГ, а также должны оцениваться последствия их принятия на формирование общего рынка труда на всем евразийском интеграционном пространстве.

На *третьем* этапе решения, выработанные Советом МПА СНГ и Исполнительным комитетом СНГ, «спускаются» на национальный уровень в виде рекомендаций либо могут быть приняты модельные акты, принятие которых может быть запланировано в Перспективном плане модельного законоотворчества и сближения национального законодательства в Содружестве Независимых Государств, утверждаемого Советом МПА СНГ на пятилетний период.

Четвертый этап предусматривает оценку регулирующего воздействия проектов национальных нормативных правовых актов, разработанных на основании модельных актов и рекомендаций МПА СНГ, мониторинг правоприменения и оценку фактического воздействия уже действующего законодательства. На наш взгляд, в результате реализации предыдущих двух этапов и процедур мониторинга на четвертом этапе, возможно добиться наиболее полной гармонизации правового регулирования в сфере занятости населения. Также важно отметить, что в этом случае гармонизация будет носить не одномоментный, а постоянный, системный характер. Только в этом случае интеграция национальных правовых систем государств-участников СНГ будет по настоящему эффективной, своевременно реагирующей на изменение экономических и социальных условий и вызовов, определяющих внутреннюю и внешнюю политику взаимодействующих стран.

Список литературы

1. **Постановление** Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 16.03.2007 г. №92СФ «О докладе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации 2006 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. №13. Ст.1474.
2. **Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е.** Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. 196 с.
3. **Положение** о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе) // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212769&fld=134&dst=101303,0&rnd=0.5636091905048082#007220504033861652> (дата обращения: 19.05.2021).
4. **О Регламенте** работы Евразийской экономической комиссии: утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 98 (ред. от 03.02.2021) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172827/ (дата обращения: 19.05.2021).
5. **Направления работы:** НИУ «Высшая школа экономики». URL: <https://gia-center.hse.ru/br> (дата обращения: 19.05.2021).
6. **Услуги системы ТПП РФ:** Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: <https://uslugi.tpprf.ru/ru/services/> (дата обращения: 19.05.2021).
7. **Об основных** направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2338
8. **О внесении** изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15.05.2010 № 336 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 21. Ст. 2602.
9. **Об общих** принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

10. **Федеральный портал** проектов нормативных правовых актов: офиц. сайт. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 12.05.2021).

11. **О порядке** проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. №1318 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7491 (утратил силу).

12. **Об утверждении** Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации: Приказ Минэкономразвития России от 26.03.2014 № 159 (ред. от 26.07.2016) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162537/ (дата обращения: 19.05.2021).

13. **Изменения были** внесены в Постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

14. **Об утверждении** методики оценки стандартных издержек субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающих в связи с исполнением требований регулирования (не вступил в силу): Приказ Министерства экономического развития РФ от 22 сентября 2015 г. № 669 // Гарант. ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71153786/> (дата обращения: 19.05.2021).

15. **Концепция** совершенствования механизмов саморегулирования, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 30.12.2015 № 2776-р // Собрание законодательства РФ. 2016. № 2 (часть II). Ст. 458.

16. **Дерман Д. О., Цыганков Д. Б.** Сравнительный анализ внедрения инструментов оценки регулирующего воздействия в России и СНГ // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. В 4-х кн. / отв. ред.: Е. Г. Ясин. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. Кн. 1. С. 491 – 499.

17. **О проведении** оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (вместе с «Правилами проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов»): Постановление Правительства РФ от 30.01.2015 № 83 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 6. Ст. 965.

18. **Об утверждении** государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 298 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть I). Ст. 2147.

References

1. **[Resolution** of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation of March 16, 2007 No. 92SF “On the report of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation 2006 “On the state of legislation in the Russian Federation”], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2007, no. 3, article 1474. (In Russ.)

2. **Arzamasov Yu. G., Nakonechnyy Ya. Ye.** *Monitoring v pravotvorchestve: teoriya i metodologiya* [Monitoring in lawmaking: theory and methodology], Moscow: Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Baumana, 2009. 196 p. (In Russ.)

3. **Available at:** <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212769&fld=134&dst=101303,0&rnd=0.5636091905048082#007220504033861652> (accessed 19 May 2021).

4. **Available at:** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172827/ (accessed 19 May 2021).

5. **Available at:** <https://ria-center.hse.ru/br> (accessed 19 May 2021).

6. **Available at:** <https://uslugi.tpprf.ru/ru/services/> (accessed 19 May 2021).

7. **[On the main directions of improving the system of public administration: decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2012 No. 601],** *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 19, article 2338 (In Russ.)

8. **[On amendments to some acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.05.2010 No. 336],** *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2010, no. 21, article 2602. (In Russ.)

9. **[On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation],** *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 42, article 5005. (In Russ.)

10. **Available at:** <http://regulation.gov.ru> (accessed 19 May 2021).

11. **[On the procedure for the federal executive authorities to assess the regulatory impact of draft regulatory legal acts, draft amendments to draft federal laws and draft decisions of the Eurasian Economic Commission, as well as amendments to some acts of the Government of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation dated December 17, 2012 No. 1318],** *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2012, no. 52, article 7491 (utratil silu). (In Russ.)

12. **Available at:** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162537/ (accessed 19 May 2021).

13. **[Changes were made to the Decree of the Government of the Russian Federation dated 13.08.1997 No. 1009 “On approval of the Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive bodies and their state registration”],** *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1997, no. 33, article 3895. (In Russ.)

14. **Available at:** <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71153786/> (accessed 19 May 2021).

15. **[The concept of improving self-regulation mechanisms, approved by the order of the Government of the Russian Federation dated 30.12.2015 No. 2776-r],** *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 2 (Part II), article 458. (In Russ.)

16. **Derman D. O., Tsygankov D. B., Yasin Ye. G. (Ed.). XII Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva** [XII International scientific conference on the problems of economic and social development], In 4 books. Moscow: ID NIU VSHE, 2012. Book 1, pp. 491-499. (In Russ.)

17. **[On the assessment of the actual impact of regulatory legal acts, as well as on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation (together with the “Rules for assessing the actual impact of regulatory legal acts”)],** *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2015, no. 6, article 965. (In Russ.)

18. **[On the approval of the state program of the Russian Federation “Promotion of employment of the population”],** *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 18 (Part I), article 2147. (In Russ.)

Monitoring Technologies to Improve Efficiency of Lawmaking in the CIS Member States from the Eurasian Perspective

E. E. Orlova, *Cand. Sci. (Law), Department of Civil Law and Procedure,
Law Institute, Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
elenaorlowa@yandex.ru*

The paper analyzes monitoring technologies as a means of increasing the effectiveness of lawmaking in the CIS member states in the context of a Eurasian perspective. The article summarizes new material on monitoring of the law enforcement, which, in combination with other monitoring technologies – regulatory impact assessment and actual impact assessment – significantly changes the content and forms of the process of creating law. The main content of the research is the analysis of the content of the main elements of the legal monitoring system. A comprehensive analysis of the monitoring of law enforcement is carried out as a procedure for assessing the results of the law enforcement practice of state bodies and local self-government bodies with proposals for further improving the mechanisms of legal regulation; assessing the regulatory impact, in which the economic effect of the adoption of draft regulatory legal acts is assessed, a forecast of legal regulation and an assessment of the actual impact is given, in which the results of the implementation of the current legislation are assessed. The idea is substantiated that only in the process of implementation of monitoring technologies it is possible to achieve the most complete harmonization of legal regulation.

Keywords: harmonization of legal regulation; monitoring of law enforcement; actual impact assessment, regulatory impact assessment; effectiveness of lawmaking; convergence of law; monitoring technologies; legal system; employment; legal act.

© E. E. Орлова, 2021

Статья поступила в редакцию 19.05.2021

При цитировании использовать:

Орлова Е. Е. Мониторинговые технологии повышения эффективности правотворчества в государствах-участниках СНГ в контексте евразийской перспективы // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 96 – 106. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.096-106

На примере некоторых стран Азии и Африки рассмотрен феномен развития федеративных государств, испытывающих воздействие этнолингвистического фактора, что имеет особую актуальность в эпоху глобальной нестабильности и идейно-политических трансформаций. Поставлена цель осмыслить степень стабильности или нестабильности государственных образований, отягощенных мультиэтничностью и трайбализмом. Проанализированы как более успешные (Индия), так и менее успешные федерации (Пакистан) в Азии, формально не привязывающие свое территориально-административное деление к этническому составу страны. Приведено описание движения к этническому федерализму со стороны ряда государств, столкнувшихся с этническими конфликтами под влиянием внешних и внутренних обстоятельств в начале XXI столетия (Непал, Ирак). Показаны исключительные трудности государственного строительства на Африканском континенте в условиях этноплеменной враждебности и трайбализма. Приведены альтернативные пути развития федераций: с помощью тщательного разукрупнения субъектов (Нигерия) и на основе декларируемой их этнической организации и самоорганизации (Эфиопия).

В сравнительно-государствоведческом обзоре сделано предложение отказаться от радикальных экспериментов с этническими отношениями в федерациях и ограничиться более привычными схемами территориально-административной или смешанной (территориальной и национальной) организацией субъектов, как в России.

Ключевые слова: возможности для формальной федерализации Ирака; государственные преобразования в Непале; риски этнического федерализма в развивающихся странах; федерализм в странах Индии, Нигерии, Пакистане, Эфиопии; этнический федерализм.

Алексей Юрьевич Саломатин, д-р юрид. наук, профессор, член-корр. Международной академии сравнительного права, заведующий кафедрой «Теория государства и права и политология», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия; valeriya_zinovev@mail.ru

Екатерина Владимировна Наквакина, канд. ист. наук, доцент, кафедра «Теория государства и права и политология», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия; katrion84@mail.ru

ТРУДНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ФЕДЕРАЦИЙ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ*

В отличие от более этнически однородной Западной Европы, государства Азии и Африки издавна сталкивались с проблемой мультиэтничности в самых острых формах. Ситуация усугублялась еще и наследием ко-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00341 «Этнический фактор в развитии федеративных государств: мировой и российский опыт (сравнительное историко-государствоведческое и историко-правовое исследование)».

лониального прошлого, когда метрополии для своего удобства создавали или перекраивали границы колоний, не считаясь с объективной этнической и культурно-религиозной реальностью.

Наиболее известный пример – Индия, которая в эру британского господства состояла из собственно колониальных владений и вассальных княжеств. Число последних превышало пять сотен, и они занимали чуть более 40 % субконтинента [4, с. 7–8]. После обретения независимости в 1947 г. индийским властям неоднократно приходилось прибегать к территориальному переформатированию, чтобы по возможности удовлетворить претензии наиболее крупных этносов на автономию. Первоначально, в середине 1950-х гг., чисто территориальный принцип организации штатов был заменен на территориально-лингвистический, деление штатов на четыре неравноправные в организационно-правовом смысле категории было упразднено. В дальнейшем, со второй половины 1960-х гг., преобразования затрагивали уже не более развитые западные и южные регионы страны, а относительно отсталый северо-восток, относящийся к периферийной для страны тибето-бирманской языковой группе [2, с. 194]. Новый территориальный передел произошел в начале XXI в.: теперь штаты формировались не столько по этнолингвистическим, сколько социально-экономическим соображениям (хотя лоббистами изменений выступали этнические элиты). В будущем допускается для удовлетворения претензий национальных групп учредить дополнительно до 20 штатов [12, с. 135–136]. Таким образом, Индия с ее исключительной мультиэтничностью представляет успешный опыт решения этнолингвистической проблемы. Ее 1,3 млрд населения, которое согласно переписи населения 2001 г. говорит на 122 языках и 1599 диалектах [22], удалось распределить по 36 субъектам и семи союзным территориям, имеющим право законодательно установить у себя один или более официальных языков.

Индийский мультилингвизм отличается гибкостью и включает в себя три уровня:

- официальный язык, распространяющийся на всю территорию страны (хинди);
- английский язык, имеющий конституционный статус и используемый на всей территории страны в определенных целях;
- официальные языки, которые могут устанавливаться штатами (в том числе из перечня языков, приведенного в Приложении 8 к Конституции Республики Индия), а также языки меньшинств, пользующиеся конституционными гарантиями сохранения и использования, в частности в школьном образовании [6, с. 866].

При высокой дробности этнолингвистической архитектуры, когда невозможно даже точно определить число языков, ее фундамент укрепляют как крупнейшие этнолингвистические сегменты, так и стержнеобразующие языки хинди и английский (рис. 1).

Уважительное отношение к этническому многообразию проявляется в том, что в индийских школах обучение ведется на 58 языках, газеты выпускаются на 87 языках, радиопередачи транслируются на 71 языке [14].

В соседнем Пакистане не существует аналогичной этнической фрагментации, как в Индии, но высокоцентрализованный федерализм, перевоз-

Английский язык как инструмент постколониального коммуникационного взаимодействия
Носители хинди как консолидирующая этнолингвистическая сила на Севере и отчасти в масштабе страны

Крупнейшие этнолингвистические сегменты

Хиндустанцы 265 млн	Бенгальцы 225 млн	Пенджабцы 115 млн	Бихарцы 115 млн
Тамилы 70 – 80 млн	Маратхи 70 – 80 млн	Телугу 70 – 80 млн	Гуджаратцы 55 млн

Рис. 1. Этнолингвистическая архитектура Индии [11, с. 76]

глашенный Конституцией 1956 г., развивался здесь в условиях государственно-правовой нестабильности и неравноправного дуализма. «Принцип равного представительства от обеих провинций (при соотношении населения в пользу Восточной провинции – 50,8 млн по сравнению с 42,9 млн человек в Западной) закладывал основы приоритетного развития Западного Пакистана» [8, с. 262]. В конце концов, острое недовольство жителей Востока вылилось в начале 1970-х гг. в кампанию гражданского неповиновения и гражданскую войну, закончившуюся провозглашением Республики Бангладеш. В самом же сократившемся в своих размерах Пакистане были вынуждены сделать следующий шаг в федеральном строительстве, объявив его федерацией из четырех провинций – Пенджаба, Синда, Северо-Западной пограничной провинции, Белуджистана, в которую также входят столичная территория Исламабад и районы племен на севере, управляемые из центра.

По общемировым меркам Пакистан – страна с высокой численностью населения (более 207 млн человек), чуть меньше половины которой – пенджабцы (76 млн человек или 44,7 %). Пенджабцы – стержнеобразующее этническое ядро государства (часть их – 29 млн проживает в индийском штате Пенджаб и Харьяна, исповедуя не ислам, а индуизм и сикхизм). Другие значимые этносы – пуштуны (15,4 %), синдхи (14,1 %), сарьяки (8,4 %), мухаджиры (7,6 %), белуджи (3,6 %). Но ни один из них в численном отношении не может составить конкуренцию пенджабцам. Правда, это не означает отсутствие конфликтогенности в пакистанском обществе. Например, мухаджиры – беженцы из индусских районов Индии, очень ревностно относятся к своему социальному положению. Будучи зажиточным «средним классом», они в конце 1940 – 1950-х гг. вместе с пенджабцами составляли большинство на государственной службе, но в 1960-е гг. при правлении военных утратили свои позиции. В 1970-е гг. с началом федерализации страны, проживавшее рядом с мухаджирами синдхское большинство получило конституционное признание, а мухад-

жиры не восстановили своего влияния. При новой военной диктатуре в 1980-е гг. синдхи испортили свои отношения с властями, в то время как мухаджирь, занявшись партийным строительством, сумели превратиться в общенациональную политическую силу. В итоге в конце 1980-х гг. амбиции мухаджиров восстановили против них правящий класс страны [21, с. 84], что было закономерно и справедливо с позиций коренных жителей Пакистана.

Индия и Пакистан – это относительно «старые», устоявшиеся федерации. Однако элементы федерализма пытаются использовать и государства, проводящие государственные реформы в наши дни. Ирак после интервенции США и свержения режима С. Хусейна в 2003 г. оказался в состоянии глубочайшего внутривластного кризиса. Конфликтному треугольнику во взаимоотношениях между арабами-суннитами, арабами-шиитами и курдами американские кураторы попытались противопоставить сложную схему государственного управления [10]. Посты премьер-министра предоставлялись шииту, президента – курду, председателя парламента – сунниту. В то же время должности заместителей у каждого из этих чиновников резервировались за представителями иной этноконфессиональной группы. Конституция 2005 г. объявила Ирак федерацией, а иракский Курдистан получил права самой широкой автономии.

В соответствии со ст. 137 законы и судебные решения, принятые в Курдистане, начиная с 1992 г., остаются в силе, если они не противоречат Конституции. Но при этом «проблема федерализма в современном Ираке заключается в том, что теоретически на такой же статус могут претендовать и другие провинции страны» [3, с. 136].

Возникает вопрос: получится ли это у шиитского юга и суннитского центра? При фактической незавершенной федерализации страны, формально состоящей из 19 провинций, но реально из трех регионов, один из которых – рвущийся к независимости Курдистан, существует опасность к сепаратизации и двух других. Многое здесь зависит от давления внешних факторов.

Как и Ирак, Непал – этнически и конфессионально пестрое государство в пределах Гималаев, находится в поисках компромиссной государственной конструкции. Унитарный монархизм к началу XXI столетия исчерпал здесь себя. Развернутая с 1996 г. коммунистической партией Непала (маоистской) «народная война» подтолкнула ведущие партии войти в соглашение против авторитарного монарха и провозгласить в 2008 г. республику. В этнически сложной стране, где проживают сотни народностей и каст и где немало беженцев из северных областей Индии, идея федерализации позитивно воспринимается общественным мнением. Беда только в том, что три самые крупные этнические группы – непальцы, чхетри, горные бахуны (соответственно 46, 12,8, 12,7 % населения) не проживают компактно, а рассеяны по всей территории страны. Это затрудняет этническую дифференциацию субъектов. Но самое главное, противниками федерализации являются не военные и не правые партии, а высшие касты в лице браминов и чхетри, которые издавна принадлежат к политической элите. Менять что-либо в политической системе они

не собираются, коль скоро это может подорвать их привилегированное положение [17, с. 10 – 15].

На африканском континенте проблема мультиэтничности отягощена не только более низким уровнем развития социумов, где большинство перемещен не успели сложиться в народности, но и таким явлением, как трайбализм. Состояние групповой обособленности и враждебности по отношению к другим этническим группам подпитывается исключительной этнической мозаичностью (только в тропической Африке проживает свыше 3000 различных племен, каждое из которых говорит на своем языке) [13].

Среди африканских стран наиболее «классической», давно провозглашенной и одновременно проблематичной федерацией, является Нигерия. Ее территориальные преобразования начались еще в колониальный период, когда колонизаторы применяли разные управленческие подходы к более развитому мусульманскому северу и менее развитому христианскому югу страны. В 1947 г. они, кроме того, разделили Южную Нигерию на Восточную и Западную с проживавшими там этническими группами игбо и йоруба, в то время как на Севере концентрировались народности хауса и фулани. После получения независимости 1 октября 1960 г. Нигерия проделала драматическую и кровавую по своим последствиям эволюцию от слабоцентрализованной к высокоцентрализованной федерации. Военные режимы, правившие в 1966 – 1979 и 1984 – 1999 гг., смогли без особого сопротивления субъектов расширить полномочия центральной власти. Создание новых штатов в массовых количествах ослабило материальную базу субъектов, в то время как налог на прибыль на добываемую нефть обогатил федеральный центр. Централизации также способствовала необходимая в эпоху глобализации гармонизация межштатной и международной торговли [18, с. 25].

Долгая конституционная история Нигерии, в ходе которой совершенствовался механизм распределения полномочий между центром и субъектами (так что в настоящее время у центра 68 исключительных полномочий, а 30 полномочий являются совместными) [19, с. 80–81], несомненно способствовала юридической стабилизации режима. Однако реальная этнополитическая ситуация остается сложной. В памяти у всех гражданская война 1967 – 1970 гг., которая унесла 2 млн жизней: тогда сепаратисты из Восточной провинции, оскорбленные монополизацией власти северянами, провозгласили Республику Биафра. В наши дни, хотя значимых конфликтов не происходит и от актов насилия в 2003, 2006, 2009, 2010 гг. гибли не тысячи, а только сотни людей [5], этнолингвистическая архитектура страны, в которой проживает свыше 250 этносов, потенциально представляет опасность. Четыре народа – хауса, йоруба, игбо, фулани, конкурируют друг с другом по численности (соответственно 21, 21, 18, 11 % всего населения). Кроме того, есть еще ибибио (5 %), канури (4 %), бини (3 %), тив (2,5 %), иджо (2 %) [7]. В конфессиональном отношении страна разделена практически пополам – 53 % мусульмане и 45,3 % христиане, что увеличивает риск еще и межконфессиональных столкновений.

После принятия ныне действующей Конституции 1999 г. в Нигерии время от времени возникают разговоры о необходимости перехода к «ис-

тинному федерализму», под которым понимают децентрализацию. Недовольство возникает как по поводу недостаточных финансовых отчислений субъектам за находящиеся на их территории ресурсы, так и в связи со слабой заботой центра о развитии электроэнергетики и полной подчиненности ему полиции [23]. Среди выступающих за реформы, прежде всего, замечены представители когда-то мятежного юго-востока с проживающим там трудолюбивым народом игбо и меньшинства из дельты реки Нигер, где добывается приносящая основные доходы в федеральную казну нефть. В то же время правящие элиты севера как раз всем довольны [16].

Для многих зарубежных специалистов примером «полноценного» этнического федерализма до недавнего времени считалась Эфиопия. В этой древней, но бедной стране, удаленной от побережья, лишенной природно-ресурсной базы, а потому и не интересной для инвестиций европейских колонизаторов [1, с. 123–124] элементы сложного государственного строения подсказывала сама жизнь. Однако отошедшая к Аддис-Абебе в 1950 г. по решению ООН Эритрея уже в 1962 г. волевым решением эфиопских властей была лишена автономного статуса и превратилась в обычную провинцию. Неудивительно, что это спровоцировало вооруженную борьбу со стороны Фронта за освобождение Эритреи.

Свергнувшие монархию в 1974 г. марксистско ориентированные молодые офицеры оказались приверженцами унитарного государства и не смогли решить национальный вопрос. Господствующие позиции в госаппарате занимали ахмарцы, которым противостояли националистические организации других крупных этносов. В 1991 г. они свергли прежний режим.

Новая Конституция 1994 г. провозгласила Эфиопию федеративным государством и, переформатировав территориально-административное устройство, создала девять штатов. «Перечисленные в Конституции народы девяти территорий могут в любое время создать свои штаты по предусмотренной основным законом процедуре. Других субъектов федерации не предусмотрено...». В то же время «в соответствии с Конституцией каждая нация, национальность, народность Эфиопии имеет безусловное право на самоопределение, включая право сепарации (ст. 39)» [9, с. 790].

Однако это в теории. На практике переформатирование Эфиопии по этническому критерию в условиях исторически длительной географической мобильности и внутренних миграций ведет к повышению конфликтности [26, с. 14]. Например, пятая по численности этническая группа сидама (3 млн человек) – одна из 80 в стране, составлявшая при монархии самостоятельную территориальную единицу, лишилась данного статуса. В 1991 г. штат Сидама был учрежден, но по Конституции 1994 г. был упразднен. Народность сидама вместе с другими 56 этносами вошла в мультиэтнический штат народов и народностей Юга. Ее претензии на создание отдельного штата, по мнению центрального правительства, требуют дополнительных бюрократических процедур [20], что прекрасно указывает на желание этих властей заволокитить данный вопрос.

Большой стратегической ошибкой, ведущей к нестабильности и распаду страны является декларируемое право на сепарацию для ее народов. По сути дела это беспрецедентная конституционная аномалия [15, с. 59].

Несомненно, что она поощряет к сепаратизму такие организации, как «Фронт освобождения народа Оромо» и «Национальный Освободительный фронт огаден» – хотя численность и активность сепаратистов пока невелики [25].

В целом же ситуация, по данным правозащитных организаций, является тревожной. Эфиопия – это сугубо авторитарная страна, в отличие от более демократичной Нигерии, и в ней тщательно фильтруется поступающая ее жителям информация, имеют место акты насилия в отношении определенных этносов и их собственности. Эфиопия – это пример узко, буквально трактуемого этнического федерализма, когда за крупными этносами пытаются закрепить определенные территории в ущерб другим этносам – не в пример Нигерии, где учреждение все новых и новых штатов рассредоточило крупные этносы между различными субъектами.

Федерализм вообще не пользуется популярностью у африканских лидеров как форма государственного устройства. Он применялся кратковременно в Конго (1960 – 1965 гг.), Кении (1963 – 1965 гг.), Уганде (1962 – 1966 гг.), Мали (1959 г.), Камеруне (1961 – 1972 гг.), а в настоящее время имеет место только в Нигерии, Эфиопии и ЮАР. Сторонники классических этнических федераций указывают на то, что они содействуют интеграции государства, развитию регионов, сохранению языка и культуры. Противники, в свою очередь, отмечают, что этнофедеративные конструкции провоцируют новые кровавые конфликты между этносами в связи с территориально-лингвистическими претензиями, конкуренцией за политическую власть, покушениями на права меньшинств в субъектах с доминирующими там этносами [24].

Видимо, мы вправе предположить, что значение имеет не государственное устройство само по себе, а его конкретное воплощение. Для развивающихся стран Азии и в еще большей степени Африки, сталкивающихся с дефицитом материальных ресурсов, отсутствием организационного опыта, повышенной мультиэтничностью и социально-этнической конфликтностью, риски государственно-управленческих ошибок неизмеримо серьезнее, чем для развитых стран Европы, Северной Америки и Австралии. Поэтому молодым постколониальным государствам следует воздержаться от непродуманных новаций с вычленением чисто этнически организованных субъектов и правом на их сецессию и двигаться в сторону либо территориально-административного, либо смешанного (т.е. двойного – территориального и национального) деления, как в России.

Список литературы

1. **Васильев Л. С.** История Востока: учеб. для магистров: в 2 т. Т. II. 6-е изд., переб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 788 с.
2. **Галиуллин М. З., Ягудин Б. М.** Становление федеративной системы постколониальной Индии (50–70-е гг. XX в.). Казань: Intelpress+, 2015. 260 с.
3. **Гумбатов З. Э., Камынин В. Д.** Особенности федерализма в современном Ираке // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. Т. 13, № 2(176). С. 135 – 142.
4. **Девяткина Т. Ф.** Ликвидация княжеств в современной Индии. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 136 с.

5. **История** Нигерии [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipwdia.org/wiki/История_Нигерии (дата обращения: 20.04.2021).
6. **Мочалов А. Н.** Конституционно-правовое регулирование использования языков в многонациональных федерациях: уроки Бельгии и Индии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2020. Т. 11, № 4. С. 852 – 876. doi: 10.21638/spbu14.2020.403
7. **Население** Нигерии [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Нигерии (дата обращения: 20.11.2020)
8. **Новейшая история** стран Азии и Африки. XX век. В 3-х частях / Под ред. А. М. Родригеса. М., 2004.
9. **Правовые системы** стран мира. Энциклопедический справочник / Под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2003. 976 с.
10. **Федерализм** – наиболее подходящая форма государственного устройства Ирака (Пол Бремер) // РИА Новости. 05.06.2008. URL: <http://ria.ru/20040109/503000.html> (дата обращения: 31.01.2021).
11. **Этнический федерализм:** энциклопедический иллюстрированный словарь / А. Ю. Саломатин, Н. В. Макеева, Е. В. Наквакина и др.; под ред. проф. А. Ю. Саломатиной. М.: РИОР-ИНФРА-М, 2020. 302 с.
12. **Этничность. Культура. Государственность.** Проблемы этнического федерализма в XXI веке / А. Н. Мочалов и др.; под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 184 с.
13. **Этнополитический трайбализм** [Электронный ресурс]. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Трайбализм#Этнополитический_трайбализм (дата обращения: 4.02.2021).
14. **Языки Индии** [Электронный ресурс] // Энциклопедия языков. URL: http://langopedia.ru/2012/08/17/languages_of_India (дата обращения: 29.01.2021).
15. **Aalen L.** Ethnic federalism in a dominant party state: The Ethiopian experience 1991 – 2000. Bergen: Michelsen Institute, 2002. 135 p.
16. **Babalola D.** Nigeria: a Federation in Search of federalism – 50 Shades of Federalism // The Political Economy of Federalism in Nigeria. 2019. P. 133 – 151. URL: <https://50shadesoffederalism.com/case-studies/nigeria-federation-search-federalism/> (дата обращения: 29.01.2021).
17. **Bergman A.** Ethnic Federalism in Nepal. A Remedy for Stability // Minor Field Study Report. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. Spring, 2011.
18. **Elaigwu J. I.** Nigeria: Over-Centralization after Decades of Military Rule // A Global Dialogue on Federalism. Booklet Series. Vol. 2. Dialogues on Distribution of Power and Responsibilities in Federal Countries / Ed. By R. Blindenbacher and A. Ostien. Montred, McGill-Queen’s Univ. Press, 2005.
19. **Eremie V. T.** How True is Nigeria’s federalism: A Theoretical Perspective // Public Policy and Administration Research. 2014. V. 3, No. 4.
20. **Ethiopia:** why the Sidama secession demand needs to be negotiated. URL: <https://theconversation.com/Ethiopia-why-sidama-secession-demand-needs-to-be-negotiated-120734> (дата обращения: 10.05.2020).
21. **Khan M. S.** Ethnic Federalism in Pakistan: Federal Design, Construction of Ethno-Linguistic Identity Group Conflict // SSRN Electronic Journal. April, 2014. doi: 10.2139/ssrn.2185435
22. **Languages of India.** URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Languages_of_India (дата обращения: 29.01.2021).
23. **Nigeria’s Unitary Federalism.** Council on Foreign Relations. URL: <https://cfr.org/blog/nigerias-unitary-federalism> (дата обращения: 31.01.2021).
24. **Shewadeg B.** Ethnic Conflict under Ethnic Federalism. A Critical Appraisal. URL: <https://accord.org.za/conflict-trends/ethnic-conflict-under-ethnic-federalism/> (дата обращения: 31.01.2021).

25. **Taye B. A.** Ethnic federalism and conflict in Ethiopia. URL: <https://accord.org.za/ajcr-issues/ethnic-federalism-conflict-ethiopia/> (дата обращения 31.01.2021).

26. **Turton D. (Ed.)** Ethnic Federalism: the Ethiopian experience in comparative perspective. Oxford: James Currey, 2006. 246 p.

References

1. **Vasil'yev L.S.** *Istoriya Vostoka* [History of the East], In 2 volumes, vol. II, Moscow: Yurayt, 2013, 788 p. (In Russ.)

2. **Galiullin M.Z., Yagudin B.M.** *Stanovleniye federativnoy sistemy postkolonial'noy Indii (50–70-ye gg. XX v.)* [Formation of a federal system postcolonial India (50-70s of the XX century)], Kazan': Intelpress+, 2015, 260 p. (In Russ.)

3. **Gumbatov Z.E., Kamynin V.D.** [Features of federalism in modern Iraq], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Ser. 3. Social sciences], 2018, v. 13, no. 2(176), pp. 135-142. (In Russ.)

4. **Devyatkina T.F.** *Likvidatsiya knyazhestv v sovremennoy Indii* [Elimination of principalities in modern India], Moscow: Izdatel'stvo vost. lit., 1961, 136 p. (In Russ.)

5. **Available at:** https://ru.wikipedia.org/wiki/Istoriya_Nigerii (accessed 20 April 2020).

6. **Mochalov A.N.** [Constitutional and legal regulation of the use of languages in multinational federations: lessons from Belgium and India], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg State University. Law], 2020, v. 11, no. 4, pp. 852-876. doi: 10.21638/spbu14.2020.403 (In Russ.)

7. **Available at:** https://ru.wikipedia.org/wiki/Naseleniye_Nigerii (accessed 20 November 2020)

8. **Rodriges A.M. (Ed.)**. *Noveyshaya istoriya stran Azii i Afriki. XX vek* [Recent history of the countries of Asia and Africa. XX century], In 3 parts. Moscow, 2004. (In Russ.)

9. **Sukharev A.Ya. (Ed.)**. *Pravovyye sistemy stran mira. Entsiklopedicheskiy spravochnik* [Legal systems of the countries of the world. Encyclopedic Reference], Moscow: Norma, 2003, 976 p. (In Russ.)

10. **Available at:** <http://ria.ru/20040109/503000.html> (accessed 31 January 2021).

11. **Salomatin A.Yu. (Ed.), Makeyeva N.V., Nakvakina Ye.V. et al.** *Etnicheskiy federalizm: entsiklopedicheskiy illyustrirovannyi slovar'* [Ethnic federalism: encyclopedic illustrated vocabulary], Moscow: RIOR-INFRA-M, 2020, 302 p. (In Russ.)

12. **Mochalov A.N. et al., Salikov M.S. (Ed.)**. *Etnichnost'. Kul'tura. Gosudarstvennost'. Problemy etnicheskogo federalizma v XXI veke* [Ethnicity. Culture. Statehood. Problems of ethnic federalism in the XXI century], Yekaterinburg: Izdatel'stvo UMTS UPI, 2014, 184 p. (In Russ.)

13. **Available at:** https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Traybalizm#Etnopoliticheskiy_traybalizm (accessed 4 February 2021).

14. **Available at:** http://langopedia.ru/2012/08/17/languages_of_India (accessed 29 January 2021).

15. **Aalen L.** Ethnic federalism in a dominant party state: The Ethiopian experience 1991 – 2000. Bergen: Michelsen Institute, 2002, 135 p.

16. **Babalola D.** Nigeria: a Federation in Search of federalism – 50 Shades of Federalism, *The Political Economy of Federalism in Nigeria*. 2019, pp. 133-151, available at: <https://50shadesoffederalism.com/case-studies/nigeria-federation-search-federalism/> (accessed 29 January 2021).

17. **Bergman A.** Ethnic Federalism in Nepal. A Remedy for Stability, *Minor Field Study Report*, Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University. Spring, 2011.

18. **Elaigwu J. I.** Nigeria: Over-Centralization after Decades of Military Rule, *A Global Dialogue on Federalism. Booklet Series. V. 2. Dialogues on Distribution of Power and Responsibilities in Federal Countries*, Ed. By R. Blindenbacher and A. Ostien. Montred, McGill-Queen's Univ. Press, 2005.

19. **Eremie V.T.** How True is Nigeria's federalism: A Theoretical Perspective, *Public Policy and Administration Research*. 2014. V. 3, No. 4.

20. **Ethiopia:** why the Sidama secession demand needs to be negotiated, available at: <https://theconversation.com/Ethiopia-why-sidama-secession-demand-needs-to-be-negotiated-120734> (accessed 10 May 2020).

21. **Khan M.S.** Ethnic Federalism in Pakistan: Federal Design, Construction of Ethno-Linguistic Identity Group Conflict, *SSRN Electronic Journal*. April, 2014. doi: 10.2139/ssrn.2185435

22. **Languages of India**, available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Languages_of_India (accessed 29 January 2021).

23. **Nigeria's** Unitary Federalism. Council on Foreign Relations, available at: <https://cfr.org/blog/nigerias-unitary-federalism> (accessed 31 January 2021).

24. **Shewadeg B.** Ethnic Conflict under Ethnic Federalism. A Critical Appraisal, available at: <https://accord.org.za/conflict-trends/ethnic-conflict-under-ethnic-federalism/> (accessed 31 January 2021).

25. **Taye B.A.** Ethnic federalism and conflict in Ethiopia, available at: <https://accord.org.za/ajcr-issues/ethnic-federalism-conflict-ethiopia/> (accessed 31 January 2021).

26. **Turton D. (Ed.)** Ethnic Federalism: the Ethiopian experience in comparative perspective. Oxford: James Currey, 2006. 246 p.

Difficulties of Establishment of Ethnic Federations in Asia and Africa

A. Yu. Salomatin, Dr. Sci. (Law), Professor,
Corresponding Member International Academy of Comparative Law,
Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science,
Penza State University, Penza, Russia;
valeriya_zinovev@mail.ru

E. V. Nakvakina, Cand.Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Theory of State and Law and Political Science,
Penza State University, Penza, Russia;
katrion84@mail.ru

Using the example of some countries of Asia and Africa, we considered the phenomenon of the development of federal states, experiencing the influence of the ethnolinguistic factor, which is of particular relevance in the era of global instability and ideological and political transformations. The goal is to evaluate the degree of stability or instability of state formations burdened by multi-ethnicity and tribalism. We analyzed both more successful (India) and less successful federations (Pakistan) in Asia, which do not formally tie their territorial and administrative division to the ethnic composition of the country. A description of the movement towards ethnic federalism by a number of states that faced ethnic conflicts under

the influence of external and internal circumstances at the beginning of the 21st century (Nepal, Iraq) is given. The exceptional difficulties of state building on the African continent in the conditions of ethno-tribal hostility and tribalism are shown. The alternative ways of development of federations are given: with the help of careful disaggregation of the subjects (Nigeria) and on the basis of their declared ethnic organization and self-organization (Ethiopia).

In the comparative-state study, a proposal is made to abandon radical experiments with ethnic relations in federations and to limit ourselves to more familiar schemes of territorial-administrative or mixed (territorial and national) organization of subjects, as in Russia.

Keywords: opportunities for formal federalization of Iraq; government reforms in Nepal; risks of ethnic federalism in developing countries; federalism in the countries of India, Nigeria, Pakistan, Ethiopia; ethnic federalism.

© А. Ю. Саломатин, 2021

© Е. В. Наквакина, 2021

Статья поступила в редакцию 08.02.2021

При цитировании использовать:

Саломатин А. Ю., Наквакина Е. В. Трудности становления этнических федераций в странах Азии и Африки // *Право: история и современность.* 2021. № 2(15). С. 107 – 117. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.107-117

Вопросы коррупции, которая проникает в любую сферу общественной жизни, занимают политиков и правоведов всех стран. В настоящей статье предпринята попытка обозначить систему правового регулирования вопросов коррупции в международном праве и, в частности, в сфере деятельности уголовно-исполнительной системы.

Цель работы – определение возможных путей борьбы с коррупцией в Российской Федерации с основой на международном опыте. Для достижения обозначенной цели решается ряд задач: определение круга субъектов, действующих в уголовно-исполнительной системе на международном уровне и правовой базы их деятельности; анализ достижений крупнейших общественных институтов, регулирующих данную сферу; определение коррупционных тенденций в обозначенной сфере и меры борьбы с ними.

Настоящее исследование опирается на работы российских специалистов последних пяти лет. Один из главных источников практического опыта борьбы с коррупцией – доклад международной неправительственной организации «Международная пенитенциарная реформа» как один из самых крупных документов аналитического характера последних пяти лет, подробно описывающих конкретные проблемы уголовно-исполнительной системы.

Исследование проведено в рамках институционального подхода в связи с тем, что в каждой стране мира борьба с коррупционными проявлениями осуществляется в рамках какого-либо органа.

Ключевые слова: права человека; уголовно-исполнительная система; тюрьма; заключенные; коррупция; международные организации; пенитенциарная реформа.

Александр Геннадьевич Упоров, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», Новокузнецк, Россия;
uporov65@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Существуют разнообразные подходы к вопросу борьбы с коррупцией, в частности, в выборе субъекта, реализующего указанную функцию. В ряде государств выполнение функции по противодействию коррупции возложено на независимые учреждения, институты гражданского общества. Другие государства опираются на государственные органы исполнительной и законодательной власти, в частности, на департаменты или отделы департаментов органов исполнительной власти, на которые были возложены соответствующие обязанности. Наименование, отнесенность органов к той или иной ветви власти, организационная структура, объем полномочий таких органов или других специализированных учреждений в различных государствах варьируется. В частности, в демократических правовых государствах с сильным гражданским обществом, стремящимся

к определенному контролю власти, важным инструментом борьбы с коррупцией являются некоммерческие организации. Кроме того, значимую функцию выполняют различные контрольно-ревизионные учреждения. Заинтересованные в изучении практики правозащитных организаций, они зачастую сотрудничают с институтами гражданского общества. Другие государства используют уголовное преследование или правозащитные организации в качестве основных участников борьбы с коррупцией.

В Великобритании существуют специальные законы о коррупционной преступности, взяточничестве. В стране действуют: Агентство по борьбе с мошенничеством, Агентство по контролю над финансовыми операциями. В качестве одного из способов борьбы используется своеобразный материальный стимул. Служба в высшем законодательном органе «приравнивается к “общественно полезной деятельности”, а для вступления в политическую партию существует значительный имущественный ценз» [8, с. 258].

В Великобритании действуют специальные подразделения по предупреждению коррупции (например, одно из них, занимающееся коррупцией персонала в лондонских тюрьмах, действует совместно со столичной полицией), в большинстве стран такие подразделения действуют более широко в рамках систем уголовного правосудия. В Гонконге в 1974 году была создана комиссия по противодействию коррупции, в Западной Австралии – комиссия по борьбе с коррупцией и преступностью, в Южной Корее в 2008 году – комиссия по борьбе с коррупцией и по защите гражданских прав.

Южная Африка закрепила свои обязательства в законе № 111 «Об исправительных учреждениях» 1998 года и дополнила его кодексом поведения персонала (кодекс поведения Департамента исправительных учреждений), который распространяется в ламинированном формате среди всех сотрудников.

Таким образом, субъекты, реализующие функцию предупреждения коррупции в сфере уголовно-исполнительной системы, можно разделить на две большие группы: субъекты, действующие в рамках уголовно-исполнительной системы, и субъекты, являющиеся специальными подразделениями, не входящими в структуру органов УИС. Представляется верным, что органы, осуществляющие функцию по выявлению коррупции в рассматриваемой сфере должны, с одной стороны, иметь доступ в подразделения УИС, с другой стороны, не должны быть частью системы во избежание коррупционных проявлений. На международном уровне субъекты также можно охарактеризовать с точки зрения их правовой природы. Это международные правительственные организации, международные неправительственные организации, государства.

Несомненно, что разнообразие субъектов и их правовое положение диктует использование различных мер для реализации своих функций.

О. А. Кузнецова выделяет четыре вида институциональных мер, применяемых против коррупции в таких развитых странах, как Нидерланды, Израиль и Канада:

– система мониторинга возможных областей возникновения коррупционных действий в государственном и общественном секторе и осуществление соответствующего контроля со стороны общества;

– система наказаний за коррупционные правонарушения, включая лишение социальных льгот для госслужащих и запрет на занятие определенной деятельностью;

– система поощрений позитивного, антикоррупционного поведения госслужащих;

– система государственной безопасности по борьбе с коррупцией в лице отдельных органов с подключением представителей общественных организаций, обладающих значительными полномочиями [6, с. 153].

Автор рассматривает практику ряда стран (Сингапур, Ботсвана, Южная Корея) и отмечает схожесть подходов, которая заключается в комплексности применяемых мер и их содержательной близости – контроль доходов чиновников, существование специальных органов, большой объем прав по исследованию коррупционных проявлений у институтов гражданского общества.

До сегодняшнего дня на международном уровне не существует общепризнанного единого определения понятия коррупции, в том числе в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года, несмотря на то, что целью документа является поощрение и укрепление мер по более продуктивному предупреждению коррупции, а также одобрение и поощрение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней. Определение, предложенное организацией Transparency International, является наиболее близким к общему пониманию термина «коррупция», согласно которому «это злоупотребление вверенной властью в личных целях». Это определение отвечает выявленной обширной практике и, по нашему мнению, должно быть закреплено на международном уровне. Общий характер этого определения позволяет распространить его и на коррупцию в уголовно-исполнительной системе, которая является подвидом коррупции вообще.

По мнению И. Я. Козаченко, коррупцией принято называть «различного рода “кормления” облеченных властью или специальными полномочиями чиновников всех рангов и статусов» [4, с. 106]. Исследователь отмечает такую отличительную черту коррупции, осложняющую ее идентификацию, как «мимикрия», а также выделяет три ее составляющие: непосредственно коррупционера – носителя коррупционных свойств, «продажную психологию», а также «покупателя». Базой правомерного поведения для исследователя является моральная составляющая внутреннего мира индивида [4, с. 110–111]. В своих рассуждениях известный российский специалист акцентирует внимание на моральной стороне явления, а его определение носит общий характер. Для поиска более точного определения следует обратиться к нормативно-правовым актам и практике.

В сфере международного права существует ряд документов, которые регулируют вопросы коррупции в рамках тех или иных политических сообществ, в том числе в уголовно-исправительной системе.

1. Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию», принятая в Страсбурге 27 января 1999 г.

В конвенции описаны основные явления, в отношении которых коррупция представляет угрозу. Это эффективность государственного управ-

ления, принципы равенства, социальная справедливость, демократия и права человека, верховенство закона, экономическое развитие, условия конкуренции, стабильность демократических институтов и моральные ус-
тои членов общества.

2. Конвенция ООН против коррупции представляет характеристику механизмов по борьбе с коррупцией в сфере частноправовых отношений.

3. Конвенция Совета Европы «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию», утвержденная 4 ноября 1999 года.

4. Европейская конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания от 10 декабря 1994 года (г. Нью-Йорк).

Международные акты могут быть классифицированы по нескольким основаниям.

С точки зрения юридической силы можно выделить документы обязательного и рекомендательного характера.

По территориальному основанию выделяются общемировые и региональные документы.

Для исследования и регулирования вопросов борьбы с коррупцией действует ряд учреждений международного и регионального уровней.

Одной из самых крупных международных организаций в этой сфере является Группа государств по борьбе с коррупцией (Groupe d'Etat Contre la Corruption), задачей которой является содействие странам-участницам в противодействии коррупции.

В современном мире действуют несколько общественных объединений, сферу деятельности которых составляют вопросы регулирования уголовно-исполнительной системы. Одна из таких организаций – Международная пенитенциарная реформа (далее – IPR, МПР) – неправительственная организация, работающая по всему миру и занимающаяся вопросами продвижения систем уголовного правосудия для защиты прав человека. По мнению сотрудников МПР, коррупция в уголовно-исполнительной системе препятствует справедливому уголовному правосудию.

МПР работает с межправительственными организациями, чтобы добиться реформ, которые уравнивают права правонарушителей и потерпевших, а также оказывает практическую помощь государственным деятелям, органам уголовного правосудия и гражданскому обществу в формировании законодательства, политики и практики.

Transparency International – неправительственная международная организация, функцией которой является противодействие коррупции и исследования ситуации в этой сфере по всему миру. Первоначально основанная как движение, организация появилась в Берлине благодаря бывшему директору по Восточной Африке Всемирного банка Петеру Айгену. Организация ведет системную работу по исследованию коррупции и публикует ее результаты.

На заседании Совета по правам человека, межправительственного органа в составе ООН, состоявшегося 13 июня 2013 года, была принята резолюция A/HRC/RES/23/9 с указанием Консультативному комитету пред-

ставить научно обоснованный доклад по вопросу о негативном воздействии коррупции на осуществление прав человека.

12 августа 2014 году на тринадцатой сессии Совета ООН по правам человека доклад был представлен.

Согласно докладу, коррупция представляет собой «злоупотребление вверенной властью в личных целях». Несомненно, определение чрезвычайно широкое, однако в некоторых ситуациях в результате того, что определенное неправомерное поведение может привести к коррупционным проявлениям, определение становится «узким», и многие деяния оказываются за пределами объема данного понятия.

В докладе определяются различные разновидности коррупции. С точки зрения сферы проявления, коррупция делится на коррупцию в государственном и частном секторе. Также доклад выделяет коррупцию на международном уровне (в международных организациях и транснациональных корпорациях).

В документе установлена прямая связь между коррупцией и нарушением прав человека, которая выражается в двух формах:

- 1) нарушение прав человека в результате коррупционного деяния;
- 2) нарушения прав человека в результате принятия мер по борьбе с коррупцией.

Авторы доклада приводят большое количество примеров нарушений прав человека в результате совершения коррупционных правонарушений, например, права на образование, недискриминационный доступ к государственным услугам. Отдельно отмечается факт особенной уязвимости социально слабо защищенных групп лиц (женщины, пожилые, дети, лица с низким достатком или принадлежащие к этническим меньшинствам, инвалиды). В отношении заключенных, являющихся частью уголовно-исполнительной системы, этот тезис более чем актуален в силу ограничения права на свободу передвижения и, как следствие, огромной зависимости такой группы людей от должностных лиц. Лишенные свободы лица могут стать жертвами коррупции и в то же время пыток или другого бесчеловечного обращения.

Также коррупция разграничивается на активную (расходование денег) и пассивную (получение денег). Причем авторы отмечают, что активная коррупция может являться последствием другого коррупционного правонарушения. Речь идет в первую очередь о вымогательстве.

Коррупция может проникать в любые сферы государственной деятельности, в том числе в сферу деятельности уголовно-исправительной системы. И в этой сфере коррупция тесно связана с правами человека, в том числе с правами заключенных.

Так, упомянутый выше механизм вымогательства является характерным в большой степени для уголовно-исполнительной системы. В частности, когда заключенный дает своему надзирателю взятку в обмен на гуманное, правомерное обращение, для противодействия пыткам.

Проблема пыток особенно остро стоит во многих странах мира. Этот тезис подтверждает факт существования нескольких крупных международных неправительственных организаций, деятельность которых направ-

лена на борьбу с пытками: Ассоциация по предупреждению пыток, Добровольный фонд организации объединенных наций по поддержке жертв пыток, Международный совет по реабилитации жертв пыток, Всемирная организация против пыток.

Отдельного внимания заслуживает практика Китая. О. Ю. Кузнецова критикует репрессивный характер мер по борьбе с коррупцией (практика расстрелов), в результате приводящих к развитию коррупции в органах правоохранительной системы, которые могут злоупотреблять своим правом и принимать решения в духе «самосуда» [6, с. 155].

Коррупция в уголовно-исполнительной системе связана с системой исправительных учреждений, судебных и исполнительных органов конкретного государства. Формы проявления коррупции, степень распространения, методы борьбы с ней теснейшим образом связаны с такими факторами, как правовая система государства, политический режим, государственное устройство, степень развитости гражданского общества, наконец, традиции и система ценностей определенного общества.

Очевидно, что коррупция в уголовно-исполнительной системе относится в подавляющем большинстве случаев к коррупции в государственном секторе и решается на внутригосударственном уровне.

Как отмечают авторы статьи [10], «тюрьмы – это среда повышенного риска коррупции, особенно там, где отсутствует прозрачность и общественный контроль».

По данным, опубликованным на официальном сайте МПР, в учреждениях пенитенциарной системы выявляются следующие коррупционные проявления:

- превышение полномочий, злоупотребление правом;
- создание препятствий к доступу к установленным условиям содержания;
- помещение в одиночную камеру за предполагаемое плохое поведение и требование взятки за исключение взыскания из дисциплинарного досье;
- участие содержащихся под стражей лиц в коррупционной практике;
- средоточие в тюрьмах черных рынков и преступных групп, действующих изнутри;
- дача взяток со стороны семей заключенных для получения родственником-заключенным основных продуктов питания;
- вымогательство средств у заключенных со стороны тюремных служащих в связи с низкой оплатой труда или нехваткой персонала (решение – улучшение условий труда).

Со стороны персонала коррупционные правонарушения также связаны с хищениями, кражами, содействием побегам, оборотом наркотиков и активным участием в организованной преступности.

В результате наблюдений за тюремными тенденциями в 2019 г. PRI принял Стратегию международной пенитенциарной реформы на 2020 – 2023 годы. Отличительной особенностью данного документа, по нашему мнению, является то, что он регулирует права отдельных групп заключенных, инвалидов, детей, женщин, престарелых, представителей ЛГБТ-сообщества [12].

В интервью, опубликованном на сайте PRI, бывший начальник тюрем Великобритании и эксперт по уголовному правосудию Джон Подмор говорит, что признание широкого распространения коррупции давно назрело; описывает основные типы коррупционных практик, которые обычно имеют место, и рассматривает те немногие государства, которые предприняли конкретные шаги для ее решения.

Тюремная среда сложна, люди в ней представляют собой неоднородную группу. Одним из главных факторов эксперт считает выстраивание взаимоотношений между персоналом и заключенными. При неуместных, несбалансированных и преступных отношениях наблюдается взаимная коррумпируемость [13].

Несомненно, все описанные проявления подрывают доверие к правоохранительным органам и порождают страхи в обществе.

Эффективный и основанный на правах человека подход к правоохранительной деятельности требует легитимности, недискриминации и общественного контроля. Доверие к правоохранительным органам должно исходить из приверженности закону и международным стандартам, уважения ко всем людям и терпимости к тем, кто вступает в контакт с правоохранительными органами, а также образцового поведения сотрудников правоохранительных органов. Правомерное поведение полиции может быть предпосылкой к укреплению доверия к институтам государства, а полицейская деятельность может быть надежным компонентом системы уголовного правосудия.

Совет по правам человека понимает важность системного подхода к решению проблем правосудия, и для организации важно интегрировать различные институты гражданского общества, объединить их для борьбы с коррупцией. Определим меры, предлагаемые исследователями для борьбы с коррупционными проявлениями, в том числе в уголовно-исполнительной сфере.

Исходя из деятельности описанных выше организаций, можно отметить, что основной тенденцией в понимании сущностных характеристик коррупции является нарушение прав человека как результат коррупционных проявлений.

Роль правозащитных организаций в Европе традиционно велика. И в рамках подготовки доклада Консультативным комитетом в ряд государств были направлены опросники, посвященные взаимодействию антикоррупционных учреждений и правозащитных организаций.

Вопросы анкеты были посвящены введению правозащитной проблематики в стратегические документы по борьбе с коррупцией на основе взаимодействия борющихся с коррупцией государственных структур общественных организаций. Ответы государств на вопросник отражают сложную, многоаспектную ситуацию. Ряд государств отметили отсутствие сотрудничества или эффективного, плодотворного сотрудничества. Были также ответы, что формализованного сотрудничества не существует, а неформальные контакты, такие как, например, встречи, семинары, лекции, совместные тренинги или обмен информацией, скорее устанавливаются. В рамках формальной основы сотрудничества упоминается деятельность

межведомственных рабочих групп. Небольшое количество государств отметило сотрудничество соответствующих учреждений на индивидуальной основе.

В докладе выделяются два вида мер борьбы с коррупцией: криминализация определенных видов поведения, определяемых как коррупция, применение превентивных мер (подотчетность, открытый доступ к общественной информации). Авторы документа считают применение превентивных мер главным средством борьбы с коррупцией, а методы уголовного преследования считают неэффективными.

Коррупция может непосредственно являться нарушением прав человека. В этом случае коррупционное поведение преднамеренно осуществляется в качестве средства нарушения права или когда государство бездействует или действует таким образом, чтобы помешать в осуществлении прав отдельных лиц. В иных ситуациях коррупция будет своеобразным катализатором, который в результате череды событий приведет к нарушению права. В этом случае коррупционное поведение становится причиной совершенного нарушения.

Основную роль в борьбе с коррупцией В. Е. Везломцев и Т. Г. Терещенко отводят гражданскому обществу и различным средствам, способам, методам, институтам, функционирующим в нем, путем формирования стойкого неприятия коррупции через повышение уровня правосознания населения, когда правовые средства и методы дают возможность населению осуществлять контроль работы государственных органов [1, с. 81].

Нельзя обойти вниманием влияние гражданского общества, в том числе религиозной направленности, на совершенствование уголовно-исполнительной системы. В. И. Лещенко в статье «Диалектика развития религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы в Российском государстве» подробно описывает широчайшую практику Общества Попечительного о тюрьмах, возникшего в Российской Империи в 1819, выразившуюся в образовании и просвещении заключенных, их духовной поддержке, заботе о семьях, в результате чего к началу революции были изменены многие тюремные циркуляры и отменены жестокие наказания. Непоправимый вред положительной практике общества, по мнению исследователя, нанесло подчинение его министерству иностранных дел, формализация и бюрократизация деятельности, а также послереволюционные гонения на церковь [7, с. 169].

В качестве отрицательной черты современной политической системы, а также одной из причин коррупции бюрократизм видит и И. Я. Козаченко [4, с. 107]. В статье «Нищета коррупционной психологии» правовыми средствами борьбы с коррупцией исследователь считает лишение высших чиновников уголовно-правового иммунитета, лишение в качестве наказания права на занятие определенной деятельностью, конфискацию имущества, а также выделение коррупции в качестве квалифицирующего признака для подавляющего большинства должностных преступлений с соответствующим внесением изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (ст.ст. 285, 286, 287) [5, с. 71].

В своем докладе Совет по правам человека важную роль в процессе противодействия коррупции отводит журналистам, называя их «общественным сторожем». К сожалению, во многих странах мира обычной практикой стало давление на журналистов из-за опубликованных ими материалов. По мнению членов комитета, обязанностью государства является гарантия свободы слова, а также прав человека, которые могут быть нарушены при осуществлении профессиональной журналистской деятельности.

Еще одним механизмом в борьбе с коррупцией является система так называемых осведомителей, действующая в Европе. В результате их деятельности происходит публичное раскрытие жалоб, связанных с деятельностью государственных органов или предприятий. При условии безвозмездной деятельности такие осведомители могут внести свой вклад в процесс выявления коррупционной составляющей в деятельности соответствующих организаций и борьбу с недовольством действиями их должностных лиц. Коррупция в государственных и частных структурах – это одна из областей, где информирование общественности может быть важным инструментом в борьбе с деяниями, описываемыми в жалобах пострадавших лиц. Осведомители могут играть важную роль в качестве инсайдеров, которые доводят компрометирующие факты до сведения общественности. Государство, в свою очередь, обязано выступать гарантом права на свободу выражения мнений и защиты информаторов. С этой целью 30 апреля 2014 года Комитетом министров Совета Европы была принята резолюция по защите информаторов с рекомендациями государствам-членам по созданию основ законодательной защиты таких лиц.

Для развития стратегии борьбы с коррупцией Консультативный комитет Совета по правам человека рекомендует использовать специальные процедуры. Так, в органах ООН по правам человека рекомендуется ввести специальное разрешение на проведение специальных процедур в целях мониторинга, консультирования, изучения и представления докладов об основных фактах, явлениях, тенденциях нарушений прав человека (тематические мандаты). Такие разрешения выдаются экспертам и или их группам для проведения комплексных исследований и публикации результатов. Таким образом, по мнению авторов концепции, осуществляется укрепление связи между мерами противодействия коррупции и мерами в области прав человека. Комитет определил необходимость создания двух видов мандатов-разрешений: конкретного мандата, охватывающего какой-либо тематический вопрос, и странового мандата, который предполагает исследование взаимосвязи между коррупцией и правами человека в отдельно взятой стране. Создание странового мандата позволит выявить особенности коррупционных проявлений на примере конкретного государства, а также выявить факторы, формирующие те или иные тенденции.

В развитие пенитенциарной реформы 1 июля 2020 года был пересмотрен свод европейских пенитенциарных правил, принятый в совете Европы. Отредактированные правила касаются следующего: одиночного заключения, ведения делопроизводства и картотеки, женщин, иностранных граждан, использования ограничений, жалоб, укомплектования шта-

тов, а также инспекций и мониторинга. Большинство пересмотренных правил теперь согласуются с правилами Нельсона Манделы, а некоторые даже обеспечивают большую защиту.

Среди всех возможных механизмов и мер именно превентивные меры являются наиболее действующим средством борьбы с коррупцией. При этом профилактика может быть усилена на всех уровнях – международном и национальном. Такая профилактика требует повышения степени информированности, улучшения механизмов обмена информацией, разработки системы просвещения и повышения профессиональной компетентности всех заинтересованных сторон. Одним из ключевых аспектов превентивных мер является непосредственное обращение к уязвимым группам населения, которые могут стать самыми первыми жертвами коррупции и нарушений прав человека.

Заклученные являются одной из таких уязвимых групп. Для борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной системе необходимо, по нашему мнению, оценить риски в отдельных тюрьмах и во всех институтах системы, провести так называемую стратегическую оценку угрозы.

Так, сопряжена с коррупционными рисками возможность осуществления трудовой деятельности в СИЗО и колониях в Российской Федерации. Ряд проблем намечает И. А. Жилко в статьях «Привлечение к труду осужденных к лишению свободы как средство предупреждения рецидивной преступности» и «Некоторые проблемы правового регулирования исполнения лишения свободы в отношении осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию». Так, наравне с такими очевидными положительными сторонами трудовой деятельности в местах лишения свободы, как исправление осужденных, овладение профессией, обеспечение бесперебойного функционирования учреждения, автор отмечает неравенство в оплате труда осужденных, содержащихся в СИЗО и отбывающих срок в колониях общего режима; недостаточность материальных ресурсов, плохую информированность и несовершенство правовой базы для ведения предпринимательской деятельности, право на которое имеют заключенные; существующий ресурсный дисбаланс, выражающийся в стремлении отбывающих наказание лиц нанять для достижения вышеназванной цели представителей администрации СИЗО [3, с. 120], а также проблемы правового характера – рассогласованность норм уголовного и уголовно-исполнительного права, неопределенность статуса заключенных, оставленных в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию [3].

Анализ практики борьбы с коррупцией, а также ее проявлений в зарубежных странах и Российской Федерации показал, что в решение проблемы коррупции вовлечены разнообразные субъекты. Россия имеет обширную историю работы в сфере уголовно-исполнительной системы, и ее достижения, прежде всего, морального и культурного характера в современной России незаслуженно забыты. Практика XIX века показала важную роль именно гражданского общества в России в сфере борьбы с коррупци-

ей. Представляется верным продолжать работу в направлении развития общественных институтов и расширения их полномочий в целях доступа к учреждениям уголовно-исполнительной системы. Решение проблем коррупции может быть осуществлено через повышение прозрачности, подотчетности и надзора, установление четких процедур учета решений, а также улучшение набора и подготовки персонала и разработку кодексов поведения и дисциплинарных процедур.

Список литературы

1. **Везломцев В. Е., Терещенко Т. Г.** Понятие коррупции и правовое регулирование противодействия коррупции в пенитенциарных системах России и Республики Беларусь // *Международный пенитенциарный журнал*. 2015. № 3. С. 81 – 84.
2. **Жилко И. А.** Некоторые проблемы правового регулирования исполнения лишения свободы в отношении осужденных, оставленных в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию // *Уголовно-исполнительное право*. 2019. Т. 14 (1-4), № 1. С. 30 – 34.
3. **Жилко И. А.** Привлечение к труду осужденных к лишению свободы как средство предупреждения рецидивной преступности // *Криминологический журнал*. 2012. № 4. С. 116 – 120.
4. **Козаченко И. Я.** Неистребимость коррупции – уголовно-правовой миф // *Коррупция: Коллективная монография с иностранным участием / отв. ред. профессор В. А. Бублик*. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. С. 104 – 113.
5. **Козаченко И. Я.** Нищета коррупционной психологии // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2017. № 2 (40). С. 66 – 71.
6. **Кузнецова О. А.** Зарубежный опыт в борьбе с коррупцией: проблемы и эффективность // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2016. № 1 (13). С. 152 – 155.
7. **Лещенко В. Г.** Диалектика развития религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы в Российском государстве // *Вестник Чувашского университета*. 2011. № 4. С. 166 – 170.
8. **Юсуфханова Л. В., Никитенко Е. Г.** Международный опыт борьбы с коррупцией: институциональный аспект // *АНИ: экономика и управление*. 2016. Т. 5, № 3(16). С. 257 – 260.
9. **Research-Based Progress Report on the Negative Impact of Corruption on the Enjoyment of Human Rights** // *Human Rights Council. Advisory Committee*. URL: <https://www.penalreform.org/resource/oral-statement-human-rights-corruption-human-rights-council/> (дата обращения: 02.03.2021).
10. **From Petty Bribery to Large-Scale Misappropriation of Funds, Corruption is Rife Throughout the Criminal Justice Process in Many Countries and Has Serious Implications Both for the Human Rights of Detainees and the Efficient Administration of Justice**. URL: <https://www.penalreform.org/issues/corruption/the-issue/> (дата обращения: 02.03.2021).
11. **Recommendation Rec(2006)2-rev of the Committee of Ministers to Member States on the European Prison Rules**. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809ee581 (дата обращения: 02.03.2021).
12. **2020–2023. Strategy**. URL: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2019/11/PRI_Strategy_brochure_WEB.pdf (дата обращения: 02.03.2021).

13. **Expert Guest** for PRI John Podmor. Prison systems need to acknowledge widespread corruption. URL: <https://www.penalreform.org/blog/prison-systems-need-acknowledge-widespread-corruption/> (дата обращения: 02.03.2021).

References

1. **VeZlomtsev V.Ye., Tereshchenko T.G.** [The concept of corruption and legal regulation of combating corruption in the penitentiary systems of Russia and the Republic of Belarus], *Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy zhurnal* [International Penitentiary Journal], 2015, no. 3, pp. 81-84. (In Russ.)
2. **Zhilko I.A.** [Some problems of legal regulation of the execution of imprisonment in relation to convicts left in pre-trial detention centers to perform work on economic services], *Ugolovno ispolnitel'noye pravo* [Criminal executive law], 2019, v. 14(1-4), no. 1, pp. 30-34. (In Russ.)
3. **Zhilko I.A.** [Bringing convicts to labor to imprisonment as a means of preventing recidivism], *Kriminologicheskii zhurnal* [Criminological journal], 2012, no. 4, pp. 116-120. (In Russ.)
4. **Kozachenko I.Ya., Bublik V.A. (Ed.)**. [Inevitability of corruption - a criminal-legal myth], *Korrupsiya: kollektivnaya monografiya s inostrannym uchastiyem* [Corruption: Collective monograph with foreign participation], Yekaterinburg: Izdatel'skiy dom Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta, 2017, pp. 104-113. (In Russ.)
5. **Kozachenko I.Ya.** [Poverty of corruption psychology], *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal science and law enforcement practice], 2017, no. 2(40), pp. 66-71. (In Russ.)
6. **Kuznetsova O.A.** [Foreign experience in the fight against corruption: problems and efficiency], *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii* [Library of criminal law and criminology], 2016, no. 1(13), pp. 152-155. (In Russ.)
7. **Leshchenko V.G.** [Dialectics of the development of religious influence on those sentenced to imprisonment], *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2011, no. 4, pp. 166-170. (In Russ.)
8. **Yusufkhanova L.V., Nikitenko Ye.G.** [International experience of wrestling corruption: institutional aspect], *ANI: ekonomika i upravleniye* [ANI: economics and management], 2016, v. 5, no. 3(16), pp. 257-260. (In Russ.)
9. **Human Rights Council. Advisory Committee**, available at: <https://www.penalreform.org/resource/oral-statement-human-rights-corruption-human-rights-council/> (accessed 02 Mart 2021).
10. **From Petty Bribery to Large-Scale Misappropriation of Funds, Corruption is Rife Throughout the Criminal Justice Process in Many Countries and Has Serious Implications Both for the Human Rights of Detainees and the Efficient Administration of Justice**, available at: <https://www.penalreform.org/issues/corruption/the-issue/> (accessed 02 Mart 2021).
11. **Recommendation** Rec(2006)2-rev of the Committee of Ministers to Member States on the European Prison Rules, available at: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809ee581 (accessed 02 Mart 2021).
12. **2020-2023. Strategy**, available at: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2019/11/PRI_Strategy_brochure_WEB.pdf (accessed 02 Mart 2021).
13. **Expert Guest** for PRI John Podmor. Prison systems need to acknowledge widespread corruption, available at: <https://www.penalreform.org/blog/prison-systems-need-acknowledge-widespread-corruption/> (accessed 02 Mart 2021).

Institutional Approach to Combating Corruption in the Penal System: Foreign and Russian Experience

A. G. Uporov, *Cand.Sci. (Law), Associate Professor,
Department of State and Legal Disciplines,
Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia;
uporov65@mail.ru*

The issues of corruption, which penetrates into any sphere of public life, are occupied by politicians and legal scholars of all countries. This article attempts to outline the system of legal regulation of corruption in international law and, in particular, in the penal system.

The aim of the work is to identify possible ways to combat corruption in the Russian Federation, based on international experience. To achieve this goal, a number of tasks are being solved, namely, the identification of the range of entities operating in the penal system at the international level and the legal basis for their activities, the analysis of the achievements of the largest public institutions regulating this area, the determination of corruption trends in this area and measures to combat them.

This study is based on the research of Russian specialists of the past five years. One of the main sources of practical experience in combating corruption is the report of the international non-governmental organization International Penitentiary Reform, one of the largest analytical documents of the last five years, detailing the specific problems of the penal system.

The study is carried out within the framework of an institutional approach, in view of the fact that in each country of the world the fight against corruption is carried out within the framework of a body.

Keywords: human rights; the penal system; prison; prisoners; corruption; international organizations; prison reform.

© А. Г. Упоров, 2021

Статья поступила в редакцию 24.12.2020

При цитировании использовать:

Упоров А. Г. Институциональный подход к противодействию коррупции в уголовно-исполнительной системе: зарубежный и российский опыт // *Право: история и современность*. 2021. № 2(15). С. 118 – 130. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.118-130

Статья посвящена исследованию феномена неформальных названий учреждений пенитенциарной системы в исторической ретроспективе. Приведены краткая характеристика самых известных мест заключения, история их возникновения и причины возникновения их имен. Выявлена проблема проникновения тюремной субкультуры в общество. Рассмотрен подспудный смысл неформальных названий учреждений пенитенциарной систем. Приведены исторические иллюстрации, связанные с деятельностью указанных тюремных учреждений. Сделан вывод о связи между широтой распространения неформальных наименований тюремных учреждений и предназначением их для пожизненного заключения.

Ключевые слова: арестант; изолятор; исправительное учреждение; наказание; неформальные названия; особый режим; пенитенциарная система; пожизненно осужденные; преступник; тюрьма.

Ирина Геннадьевна Пирожкова, канд. юрид. наук., канд. ист. наук., доцент, кафедра «Конституционное и административное право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», Тамбов, Россия;
0_1_23456789@list.ru

Людмила Викторовна Тарабрина, старший юрисконсульт юридической службы, майор внутренней службы, ФКУ «Колония-поселение 2 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Тамбовской области», Тамбов, Россия;
tarabrina.liud@yandex.ru

НЕФОРМАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Учреждения пенитенциарной системы в том или ином виде были всегда. В древние времена преступники находились в заточении в основном до суда, а после вынесения приговора наказание приводили в исполнение. Это могла быть смертная казнь, принудительные работы на рудниках, высылка или изгнание. Со временем наказание в виде заключения под стражей приобрело доминирующий характер – именно такой вид наказания указывал, с одной стороны, на осознание цели наказания в виде изоляции преступника от общества, с другой стороны, возможно, демонстрирует тенденцию гуманизации и повышения благосостояния общества.

Таким образом, места лишения свободы стали неотъемлемой частью любого государства. Вместе с этим происходило социальное проникновение «тюремной культуры» в общество. Данное явление является сложным, малоизученным социальным феноменом, имеющим свои характерные особенности.

Если в общероссийском масштабе основное место в тюремной системе с 12 марта (по новому стилю) 1879 г. занимало Главное тюремное управление (ГТУ), то на местных уровнях функции исполнения наказаний возлагались на губернские тюремные инспекции, которые состояли из губернского тюремного инспектора, его помощника и секретаря [1, с. 201].

В каждой губернии дата образования тюремной системы своя, а также полное, сокращенное, условное (кодовое) наименование учреждений уголовно-исполнительной системы. Так, например, условные наименования учреждений Ярославской губернии – ЮН-83/, Тамбовской губернии – ЯТ 30/, но интересен тот факт, что у учреждений пенитенциарной системы есть еще и неформальные (народные) названия, такие как «Коровники», «Белый лебедь», «Черный дельфин», «Полярная сова» и др.

Неформальное название, как правило, связано с чем-то выдающимся, нетипичным обстоятельством: местом, событием, формой постройки и т.д. «Коровники» располагаются на территории Ярославской области. Согласно сохранившимся данным из записей письмоводителя тюремной канцелярии, осенью 1800 года «ветхие» постройки становятся тюрьмой для содержания колодников. Так, в 1800 году, недалеко от дороги на Москву, в Коровниках, появляется пересыльный пункт, филиал-этап, входящий в систему каторжных тюрем России [2, с. 133–134]. В качестве этапной тюрьма в Коровниках просуществовала до 1830-х гг., до утверждения положения об организации на ее месте арестантской роты гражданского ведомства. По закону от 31 марта 1870 года ярославская арестантская рота переименована в исправительное отделение (ЯИАО).

В Ставропольском крае одно из учреждений пенитенциарной системы ЯП-17/СТ-2, а затем – ИЗ-21/2 ОМЗ УООП СК получило народное название «Белый лебедь» (в настоящее время следственный изолятор № 2), расположенный в городе-курорте Пятигорске. Его история началась с конца 1839 года, когда на южном склоне у подножья горы Машук, на окраине верхней части Горячеводского поселения (на улице Теплосерная, дом 123), выросло белокаменное трехэтажное здание Пятигорского тюремного замка, построенное из местного камня-ракушечника. 13 марта 1840 года в Пятигорскую тюрьму завезли первых арестантов. Свое романтическое название «Белый лебедь» тюремный замок приобрел не случайно: один из старейших корпусов учреждения венчает флюгер в виде белого лебедя, покорно склонившего голову.

Не менее известное название имеет бывший следственный изолятор в Санкт-Петербурге (учреждение ИЗ 47/1), которое в народе называют «Кресты». Свою историю одиночная тюрьма начинает с 1893 года, открытая на Выборгской стороне и состоящая из двух крестообразных по форме корпусов. На перекрестке двух коридоров находилась площадка, с которой сразу можно было видеть все, что делается во всех четырех концах и на всех этажах, за исключением пятого, подвального, этой тюрьмы, построенной наподобие четырехконечного креста, отчего арестанты и прозвали ее «Крестом». Собственно, тюрьма состоит из двух корпусов, сообщающихся между собой, причем второй корпус имеет точно такое же устройство, как и первый, а потому ее называют еще иногда множественным числом «Крестами» [3, с. 50].

«Черный беркут» – единственная в советский период колония для приговоренных к смертной казни преступников, которым высшая мера наказания была заменена на 20-летний срок в колонии особого режима. Данное учреждение было образовано в 1935 году. Неформальное название «Черный беркут» (учреждение – УК-161/3) в г. Житикаре происходит от бетонной скульптуры черного беркута, держащего в когтях голову поверженного змея, венчающей прудик с небольшим фонтаном возле административного здания. Автор композиции памятника – бывший сотрудник ГАИ Хабас Закураев из Нальчика, приговоренный за убийство тещи к 25 годам. Сам он объяснил создание такой статуи так: «Беркут собирает падаль. А мы и есть падаль». В претворении его замысла в жизнь помогали и другие заключенные, в том числе скульптор-самоучка Владимир Криштопа, ранее работавший над схожей скульптурой «Черный дельфин», установленной в фонтане во дворе ИК-6 УФСИН России по Оренбургской области и также послужившей источником неофициального названия колонии [4, с. 157; 5, с. 760].

История «Черного дельфина» ведет свое начало с екатерининской поры, после подавления пугачевского бунта в 1773 году возникла в этих краях нужда в остроге для ссыльных разбойников. Минули века, но название заведения никогда не менялось. Крепкие стены в оренбургских степях одинаково верно служили всем российским государям. Была здесь и пересылка, и острог, и туберкулезная «специализация», но тюрьма всегда оставалась тюрьмой. До 2007 года – ЮК-25/6, в настоящее время – ИК № 6 УФСИН России по Оренбургской области. Свое название «Черный дельфин» колония особого режима № 6 позаимствовала от огромной скульптуры этого животного, выполненной заключенными в технике папье-маше. Сегодня это произведение «камерного» искусства является частью фонтанной композиции во дворе исправительного учреждения.

Название поселка Эльбан в Хабаровском крае на языке ульчей – небольшого народа, живущего в бассейне Нижнего Амура, – означает «удобное место для жизни человека» [6, с. 160]. По иронии судьбы, именно там находится первая и единственная на Дальнем Востоке зона для пожизненно осужденных – исправительная колония № 6 (ИК-6). Эльбан был основан в середине 30-х годов XX века, при прокладке железнодорожной ветки «Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре».

Строительные работы, как это часто бывало в то время, вели осужденные одного из подразделений ГУЛАГа. Свое необычное название – «Снежинка» – изолятор получил из-за того, что его корпуса расположены в форме семиконечной звезды. В качестве изолятора «Снежинка» проработала всего два года, а ее заполняемость арестантами ни разу не превысила восьми процентов от всех мест. В итоге невостребованный СИЗО решили перепрофилировать в ИК-6 – зону особого режима для приговоренных к пожизненным срокам.

В 1961 году на реке Собь рядом с полуостровом Ямал силами заключенных был создан поселок закрытого типа Харп (в переводе с ненецкого – «Северное сияние»). На территории поселка заработала исправительно-трудовая колония № 3 (ИТК-3); осужденные получили работу на открывшемся рядом заводе железобетонных изделий [7, с. 155].

О режимном поселке Харп, образованном в 1961 году, вспомнили в 70-х годах прошлого века в связи с необходимостью строительства колонии для особо опасных преступников. Первый этап осужденных прибыл в составе 150 человек в Харп в 1981 году. В 2004 году был получен статус колонии для пожизненно осужденных.

В наше время в «Полярной сове» отбывают наказание серийные убийцы, маньяки. Свое неформальное название ИК-18 получила благодаря скульптуре полярной совы в тюремном дворе [8]. Выбор на эту птицу пал неслучайно. Во-первых, она является знаменитым представителем фауны Заполярья. Во-вторых, в мифологии северных народов именно сова является проводником в загробный мир, что в колонии для пожизненно осужденных весьма символично.

Воспетый Михаилом Кругом Владимирский централ (тюрьма № 2 УФСИН России по Владимирской области) на деле начисто лишен как романтики, так и какого бы то ни было очарования. В реальности это место представляет собой одну из самых страшных тюрем России, предназначенных для особо опасных преступников, и построена она по указу Екатерины II в 1783 году [9; 10, с. 185]. В советское время в центре размещали шпионов, диверсантов, террористов, других антисоветчиков и контрреволюционеров.

Название «Владимирский централ» стало известно многим россиянам благодаря песням «Еврейский арестант» и «Владимирский централ» исполнителя русского шансона Михаила Круга. Он неоднократно выступал во Владимирском центре в 1990-е годы. Певец был знаком как с начальником центра, так и со многими его работниками, а потому для него не составляло труда ни давать концерты в тюрьме, ни навещать своих знакомых, время от времени оказывавшихся там в качестве постояльцев.

Подводя итог, необходимо сказать следующее. Неформальные названия учреждений пенитенциарной системы носят более глубокий смысл, чем их буквенные и цифровые обозначения, они показывают нюансы восприятия заключенными особенностей заключения, указывают на географию, историю, визуальную среду, мировоззренческое осмысление своего положения.

Большинство неформальных названий присвоено учреждениям для пожизненного заключения. Каждое место по-своему уникально. Охрана в таких заведениях усиленная, а сами тюрьмы построены таким образом, чтобы исключить малейшую возможность оттуда сбежать. В разные времена в таких «особых местах» были заключены знаменитые люди нашей страны – В. В. Маяковский, О. Э. Мандельштам, А. И. Солженицын, К. К. Рокоссовский и др. Условия содержания и контингент расположенных заключенных в таких учреждениях наводит страх и ужас, но несмотря на это в народе им присваивают довольно необычные названия.

Список литературы

1. **Алексеева Л. М.** История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Московская Хельсинкская группа, 2012. 384 с.
2. **Земсков Н. В.** Ситуация с заключенными в первые послесталинские годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 130 – 136.

3. **Костромина Е. А., Сивова А. А., Косолапов Ю. В.** Тюремный туризм как национальное наследие: зарубежный опыт // *Сервис в России и за рубежом*. 2019. Т. 13, № 4. С. 42 – 53.
4. **Новак М. В., Горяинова А. С.** История наказаний за уголовные преступления в России // *Наука. Искусство. Культура*. 2019. № 2(22). С. 155 – 158.
5. **Сальникова А. А., Герасимова Е. А.** Советская политическая тюрьма 60-70-х годов XX века: концепция власти и повседневные реалии // *Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2016. Т. 158, № 3. С. 754 – 764.
6. **Селиверстов В. И.** Концепция развития уголовно-исполнительной системы должна быть изменена // *Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов «круглого стола», посвященного памяти д-ра юрид. наук, проф., Заслуженного юриста РФ О. В. Филимонова (г. Москва, 31 мая 2013 г.) / под науч. ред. В. И. Селиверстова и В. А. Уткина. М., 2014. С. 159 – 167.*
7. **Сундуrow Ф. Р., Талан М. В.** Наказание в уголовном праве: учеб. пособие. М.: Статут, 2015. 254 с.
8. **Ступин М.** История телесных наказаний в России от Судебников до настоящего времени. Владикавказ: Тип. Терского Областного Правления, 1887. 146 с.
9. **Тараканов Ю. В.** К вопросу о становлении советской пенитенциарной системы (1918 – 1922 гг.) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2008. Т. 10, № 1. С. 99 – 104.
10. **Хуторская Н. Б.** Реализация принципов Правил Манделы в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки*. 2017. № 3(774). С. 181 – 188.

References

1. **Alekseyeva L.M.** *Istoriya inakomyслиya v SSSR: noveyshiy period* [History of dissent in the USSR: the newest period], Moscow: Moskovskaya Khel'sinskaya группа, 2012, 384 p. (In Russ.)
2. **Zemskov N.V.** [The situation with prisoners in the first post-Stalin years], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, v. 16, no. 3, pp. 130-136. (In Russ.)
3. **Kostromina Ye.A., Sivova A.A., Kosolapov Yu.V.** [Prison tourism as a national heritage: foreign experience], *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad], 2019, v. 13, no. 4, pp. 42-53. (In Russ.)
4. **Novak M.V., Goryainova A.S.** [History of punishments for criminal offenses in Russia], *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture], 2019, no. 2(22), pp. 155-158. (In Russ.)
5. **Sal'nikova A.A., Gerasimova Ye.A.** [Soviet political prison 60-70-ies of the twentieth century: the concept of power and everyday realities], *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye nauki* [Uchenye zapiski Kazan University. Ser.: Humanities], 2016, v. 158, no. 3, pp. 754-764. (In Russ.)
6. **Seliverstov V.I., Utkin V.A. (Eds.)**. [Criminal executive policy, legislation and law: current state and development prospects], *Sbornik materialov «kruglogo stola», posvyashchennogo pamyati d-ra yurid. nauk, prof., Zasluzhennogo yurista RF O. V. Filimonova* [Collection of articles. materials of the “round table” dedicated to the memory of Dr. Sciences, prof., Honored Lawyer of the Russian Federation O.V. Filimonova], (Moscow, 31 May 2013), Moscow, 2014, pp. 159-167. (In Russ.)
7. **Sundurov F.R., Talan M.V.** *Nakazaniye v ugovolnom prave* [Punishment in criminal law], Moscow: Statut, 2015, 254 p. (In Russ.)

8. **Stupin M.** *Istoriya telesnykh nakazaniy v Rossii ot Sudebnikov do nastoyashchego vremeni* [History of corporal punishment in Russia from Sudebniks to the present time], Vladikavkaz: Tip. Terskogo Oblastnogo Pravleniya, 1887, 146 p. (In Russ.)

9. **Tarakanov Yu. V.** [On the issue of the formation of the Soviet penitentiary system (1918 - 1922)], *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2008, v. 10, no. 1, pp. 99-104. (In Russ.)

10. **Khutorskaya N.B.** [Implementation of the principles of the Mandela Rules in the criminal-executive legislation of the Russian Federation], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences], 2017, no. 3(774), pp. 181-188. (In Russ.)

Informal Names of Penitentiary Institutions

I. G. Pirozhkova, *Cand. Sci. (Law and History)*,
Department of Constitutional and Administrative Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
0_1_23456789@list.ru

L. V. Tarabrina, *Senior Legal Adviser, Major of the Internal Service,*
Legal Service of the Federal State Institution "Colony-Settlement 2 of the Office
of the Federal Penitentiary Service in the Tambov Region", Tambov, Russia;
tarabrina.liud@yandex.ru

The article deals with the study of the emergence of informal names of institutions of the penitentiary system. A brief description of the most famous places of detention, the history of their origin and the reasons for the occurrence of their names are given. The penetration of "prison culture" into society is studied. The deep meaning of informal names of institutions of the penitentiary system is considered. The names of famous figures of Russia, whose fate is somehow connected with places of imprisonment, are given. A conclusion about the relationship between the breadth of distribution of informal names of prison institutions and their purpose for life imprisonment is drawn.

Keywords: prisoner; detention facility; correctional institution; punishment; informal names; special regime; penitentiary system; life sentenced; criminal; prison.

© И. Г. Пирожкова, 2021

© Л. В. Тарабрина, 2021

Статья поступила в редакцию 07.03.2021

При цитировании использовать:

Пирожкова И. Г., Тарабрина Л. В. Неформальные названия учреждений пенитенциарной системы // *Право: история и современность*. 2021. № 2(15). С. 131 – 136. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.131-136

Рассмотрены аспекты формирования развития цифровых технологий и их роль в юриспруденции и экономике, влияние на формирование новых субъектов правового регулирования, в том числе в сфере корпоративных отношений. Проанализировано применение смарт-контрактов для обеспечения безопасности в сфере корпоративных отношений. Сделан вывод о связи уровня распространения смарт-контрактов и экономической оправданности его технического обслуживания и применения.

Ключевые слова: цифровизация корпоративных отношений; корпоративное управление; искусственный интеллект; информационные технологии; блокчейн-технология.

Ирина Васильевна Романова, юрист, ООО Проекты, Москва, Россия;
магистрант, ФГБОУ «Тамбовский государственный
технический университет», Тамбов, Россия;
ira.romanova.irina@yandex.ru

Татьяна Михайловна Лаврик, канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
kafmp@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Введение. Тенденции развития современных общественных отношений свидетельствуют о желании использовать искусственный интеллект в жизнедеятельности современного общества. Обеспечение баланса интересов и защита прав всех участников общественных отношений достигается в том числе благодаря рассматриваемым цифровым технологиям. В настоящее время одна из основополагающих проблем цифровизации российской экономики состоит в том, что на данный момент в российском законодательстве нет базового единого нормативного правового акта в сфере цифровых отношений. Нормы, регулирующие корпоративные отношения и процедуры их реализации, не систематизированы и не сбалансированы друг с другом. Полагается, что одной из проблем большинства современных информационных технологий является то, что они выпадают из правового поля, и по большому числу из них отсутствует правоприменительная практика.

Методы. В статье используются следующие методы исследования:

- теоретический;
- сравнительно-правовой;
- обобщение полученных результатов исследования.

Возникновение феномена цифровых продуктов неразрывно связано с процессом становления цифровой экономики. Концепция последней была впервые четко сформулирована в 1995 году выдающимся американским информатиком Николасом Негропonte (Nicholas Negroponte), который

в своей работе «Жизнь в цифровом мире» («Being Digital») означил смену экономической парадигмы – человечество в своей хозяйственной деятельности постепенно переходит от обработки атомов к обработке электронных битов.

Масштабное и динамичное распространение цифровых технологий в сфере экономического оборота ставит перед законодателем и различными государственными институтами сложные задачи по своевременному правовому регулированию различных отраслей цифровой экономики. Ключевую роль в современной социально-экономической ситуации играют различного рода и вида корпорации, которые также проходят трансформацию, вызванную цифровизацией. Важнейшим феноменом современной экономической реальности выступают корпоративные отношения и корпоративное управление. Все большее значение в корпоративных отношениях приобретают компетенции лидеров – руководителей компаний, которым нужно вовремя справляться со сложными задачами, возникающими в связи с развитием цифровых технологий, изменениями в геополитике, законодательстве, обществе. А это, соответственно, требует умения использовать цифровые инструменты, навык владения которыми становится наиболее востребованной управленческой компетенцией.

Сложившиеся представления о работе искусственного интеллекта так и не укладываются в правосознании как отечественных, так и зарубежных правоведов. Понимание искусственного интеллекта как цифровой программы на базе заложенных ее разработчиками математических алгоритмов, вырабатывающей решения, требует исследования. Рассмотрим данный момент на примере смарт-контрактов (*смарт-контракт* – компьютерный алгоритм, предназначенный для обеспечения прозрачности сделки и выполнения всех ее условий, например, автоплатеж на телефоне), которые позволяют исполнять обязательства автоматически при наступлении определенных обстоятельств. В сфере осуществления корпоративных прав актуализируется в целом как возможность функционирования децентрализованных автономных организаций, основанных на блокчейне (*блокчейн* – несколько одинаковых данных в виде файлов, баз данных и пр., которые хранятся на разных компьютерах и связаны между собой) и смарт-контрактах, так и возможность применения смарт-контрактов в отдельных отношениях, например, при продаже акций. Как представляется, потенциал смарт-контрактов позволяет применять их к корпоративным договорам, то есть договорам об осуществлении корпоративных прав (см. ст. 67.2 ГК РФ). Вместе с тем для применения смарт-контрактов необходимо оценить социально-экономические предпосылки и правовое регулирование [1].

Говоря об экономических предпосылках и востребованности смарт-контрактов при заключении корпоративных договоров, можно полагать, что смарт-контракт будет экономически обоснованным для участников, если затраты на его программное обеспечение будут меньше, чем возможные убытки от неисполнения корпоративного договора. Оценивая экономическую целесообразность применения смарт-контрактов в области корпоративных договоров (*shareholders' agreements*), зарубежные исследователи указывают на два основных преимущества, которые связаны, во-первых, со снижением затрат на мониторинг исполнения обязательств,

так как смарт-контракт автоматически реагирует при получении определенных данных, особенно когда речь идет об условиях голосования и продажи акций; во-вторых, с тем, что смарт-контракт способен уменьшить противозаконное поведение сторон, препятствуя их уклонению от исполнения обязательства [2].

Заметим, что применение смарт-контрактов в области корпоративных договоров может быть востребовано не только сторонами договора, но и обществом в целом, поскольку любые заинтересованные лица смогут получать не конфиденциальную информацию о корпоративных договорах и последствиях их исполнения в режиме реального времени, не дожидаясь внесения данных в информационные ресурсы «вручную». В свою очередь, создание правовых основ применения смарт-контрактов к корпоративным договорам сопровождается необходимостью специального регулирования отношений, которые предполагают автоматическое наступление последствий [5].

Анализ ст. 67.2 ГК РФ, освещающий сущность корпоративного договора, отчетливо показывает возможную связь исполнения обязательств из корпоративного договора с наступлением определенного обстоятельства.

Например, исполнение может быть связано с голосованием определенным образом, купля-продажа акций или долей может быть обусловлена определенным обстоятельством. Что касается голосования, то в практике встречаются ситуации, когда стороны заключают корпоративный договор о голосовании по конкретным вопросам определенным образом, а потом голосуют иначе, нарушая тем самым корпоративный договор. Применение смарт-контракта позволило бы сделать голосование автоматическим. Чтобы исполнение обязательств из корпоративного договора стало неизбежным, результат голосования можно считать сформированным с момента заключения корпоративного договора¹.

Такой результат голосования в силу конфиденциальности условий корпоративного договора может храниться втайне от других участников, и при завершении голосования всеми участниками этот результат становился бы доступным для подсчета. Работа такого алгоритма предполагает информационную инфраструктуру деятельности юридических лиц, в рамках которой функционировала бы система голосования с возможностью хранения результатов голосования, согласованных по корпоративному договору, становящихся доступными только в момент завершения голосования всеми участниками. При этом данная система должна предоставлять возможность учитывать результат голосования в виде голоса от каждого участника отдельно, чтобы другие лица не могли обнаружить связей участников акционерного соглашения по их единому результату голосования [4].

Информационные технологии находят свое применение в корпоративном праве, как одной из наиболее развивающейся отрасли. Так, проведение общего собрания акционеров стало возможным путем электронного голосования [7].

Рассмотрим применение цифровых технологий на примере программы, условно обозначенной «e-reestr». E-reestr – это своего рода распреде-

---

¹ Определение ВС РФ от 3 октября 2016 г. № 304-ЭС16-11978 по делу № А45-12277/2015.

ленный реестр цифровых транзакций, которые хранятся, создаются, обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе алгоритмов, обеспечивающих ее идентичность у всех пользователей реестра. Законодательно закрепленного определения нет, но в настоящее время в законопроекте № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» предлагается схожее понятие. Так, стало возможным администрирование реестра акционеров его держателем. Например, возможно поручить искусственному интеллекту, работающему на базе цифровой программы, ведение учетных регистров, внесения записей, обработку входящих документов и их получение держателем. Данная программа может работать по принципу работы смарт-контракта – договора в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств. Таким образом, действия по учету операций в программе e-reestr будут совершаться искусственным интеллектом (*далее* – AI) автоматически [8].

Администрирование e-reestr потребует налаживания доступа к данной программе российским судам, Банку России и Федеральной службе судебных приставов. В результате будет обеспечен контроль над работой данной программы, станет возможным исполнение решений суда (например, при уклонении продавца акций от подписания передаточного распоряжения и направления его AI в программу, несовершении установленным законом выкупов акций и т.д.).

Результаты. Таким образом, в ближайшее время юристам потребуются исследовать новые способы защиты прав на активы в цифровой форме. Например, при утрате пароля или технологического доступа к лицевому счету в e-reestr, где учитываются принадлежащие его владельцу акции эмитента, возникает вопрос: кто должен выступить ответчиком при невозможности его восстановления по каким-либо причинам?

Во-первых, в данном случае лицо, администрирующее e-reestr, и другие акционеры не нарушали прав лица, утратившего контроль над акциями. [6] Банк России, также не обязан восстанавливать права владельца на утраченный доступ к лицевому счету. Специалистами был предложен следующий подход. Можно установить порядок восстановления пароля доступа бенефициара к его лицевому счету.

Во-вторых, при неостребовании цифровых акций и неучастии их владельца в управлении обществом, например, более двух лет, указанные акции переходят в собственность эмитента для последующей их реализации не позднее одного года со дня их приобретения эмитентом. Полученная обществом цена выкупа должна размещаться на депозите нотариуса на срок в три года, по окончании которого указанная сумма переходит в собственность к обществу.

В-третьих, в случае незаконного получения акций третьими лицами требование собственника о возврате акций, предъявленное к добросовестному приобретателю, носит виндикационный характер и должно рассматриваться с учетом положений ст. 302 ГК РФ. Восстановление прав на цифровые акции в случае их неправомерного списания протекает в порядке ст. 149.3 ГК РФ, и правообладатель вправе требовать от лица, на счет которого ценные бумаги были зачислены, возврата такого же количества

соответствующих ценных бумаг. При удовлетворении данного требования исполнение решения суда может совершаться в автоматическом режиме посредством выдачи цифрового исполнительного листа (подписанного судьей электронной подписью) [3].

Обсуждение. Следует отметить, что держатель реестра может быть заменен цифровой программой e-reestr, администрируемой AI. В отличие от бумажного реестра, важным аспектом электронного реестра является его сохранность. Что касается электронной безопасности данных распределенного корпоративного реестра, ввиду уязвимости электронных данных и определенного срока хранения, одним из решений предлагается резервное копирование данных, даже с тем условием, что сведения уже распределяются на компьютерах участников реестров-акционеров.

Заключение. Таким образом, применение искусственного интеллекта обеспечивает развитие юриспруденции в России в части объективного установления юридических фактов, экономической ситуации в корпорации и показателей ее деятельности, однако актуальной остается проблема большинства современных технологий в том, что они выпадают из правового поля и по большинству из них отсутствует правоприменительная практика.

Список литературы

1. **Гутников О. В., Синицын С. А.** Значение и содержание уставов корпораций на современном этапе: новые подходы в условиях цифровизации // Закон. 2019. № 3. С. 146 – 157.
2. **Загайнов Д.** Деловая переписка в эру цифровых технологий [Электронный ресурс] // National Business. 2017. № 1. URL: http://advokat3d.ru/publ/delovaja_perepiska_v_ehru_cifrovyykh_tekhnologij/1-1-0-35 (дата обращения: 01.04.2021).
3. **Обзор практики** разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18613/e457be30e41a0ff1febcd8f6e961218a2190cd5/ (дата обращения: 01.04.2021).
4. **Истомина Е. А.** Внутрифирменное регулирование производственных отношений, связанных с цифровизацией // Russian Economic Bulletin. Российский экономический вестник. 2019. Т. 2, № 5. С. 161 – 165.
5. **Карасев С.** Российские компании переходят на облачные технологии [Электронный ресурс]. URL: <https://servernews.ru/983621> (дата обращения: 19.04.2020).
6. **Лаптев В. А.** Электронные доказательства в арбитражном процессе // Российская юстиция. 2017. № 2. С. 56 – 59.
7. **Миловидов В. Д.** Корпоративное управление 2.0: эволюция системы корпоративных отношений в информационном обществе // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4 (43). С. 171 – 189.
8. **Шартогашева А.** Искусственный интеллект IBM стал адвокатом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.popmech.ru/gadgets/238535-iskusstvennyy-intellekt-ibm-stal-advokatom/> (дата обращения: 01.05.2020).

References

1. **Gutnikov O.V., Sinitsyn S.A.** [The value and content of corporate charters at the present stage: new approaches in the context of digitalization], *Zakon* [Law], 2019, no. 3, pp. 146-157. (In Russ.)

2. **Zagaynov D.** [Business correspondence in the era of digital technologies], *National Business*, 2017, no. 1, available at: http://advokat3d.ru/publ/delovaja_perepiska_v_ehru_cifrovyykh_tekhnologij/1-1-0-35 (accessed 01 April 2021).

3. **Available at:** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18613/e457be30e41a0ff1febcd8f6e961218a2190cd5/ (accessed 01 April 2021).

4. **Istomina Ye.A.** [Intrafirm regulation of production relations associated with digitalization], *Russian Economic Bulletin*, 2019, v. 2, no. 5, pp. 161-165. (In Russ.)

5. **Karasev S.** [Russian companies are switching to cloud technologies], available at: <https://servernews.ru/983621> (accessed 19 April 2020).

6. **Laptev V.A.** [Electronic evidence in the arbitration process], *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice], 2017, no. 2, pp. 56-59. (In Russ.)

7. **Milovidov V.D.** [Corporate governance 2.0: evolution of the system of corporate relations in the information society], *Problemy natsional'noy strategii* [Problems of national strategy], 2017, no. 4(43), pp. 171-189. (In Russ.)

8. **Shartogasheva A.** [Artificial intelligence IBM became a lawyer], available at: <https://www.popmech.ru/gadgets/238535-iskusstvennyy-intellekt-ibm-stal-advokatom/> (accessed 01 May 2020).

Application of Digital Technologies in the Sphere of Corporate Relations

I. V. Romanova, *Lawyer, Projects LLC, Moscow, Russia;*
Master's Student of the Institute of Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
ira.romanova.irina@yandex.ru

T. M. Lavrik, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Head of Department of Civil Law and Procedure,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
kafmp@mail.ru

The aspects of the formation of the development of digital technologies and their role in jurisprudence and economics, the impact on the formation of new subjects of legal regulation, including in the field of corporate relations, are considered. The application of smart contracts to ensure security in the field of corporate relations is analyzed. It is concluded that there is a connection between the level of distribution of smart contracts and the economic feasibility of its technical services and applications.

Keywords: digitalization of corporate relations; corporate governance; artificial Intelligence; Information Technology; blockchain technology.

© И. В. Романова,, 2021

© Т. М. Лаврик, 2021

Статья поступила в редакцию 17.11.2020

При цитировании использовать:

Романова И. В., Лаврик Т. М. Применение цифровых технологий в сфере корпоративных отношений // *Право: история и современность.* 2021. № 2(15). С. 137 – 142. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.137-142